

М. К. ДИТЕРИХСЪ.

УБІЙСТВО ЦАРСКОЇ СЕМЬИ И ЧЛЕНОВЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ НА УРАЛЪ.

ЧАСТЬ I.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
1922.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

ГЛАВА III.

Работники-исполнители	286.
Руководители	300.
<u>Вдохновители по лжи.</u>	317.
Вдохновители по слѣпотѣ.	336.
„Надо бы было, мы бы вамъ и чуму привили“	352.
Подготовка преступлениія центромъ	359.
Центральная власть и преступление.	373.
Послѣ преступлениія.	389.
Виновны ли.	401.

ГЛАВА III.

Работники-исполнители.

До 26-го апрѣля совѣтскіе руководители въ Екатеринбургѣ не имѣли даже въ мысляхъ, что Царская Семья можетъ оказаться на жительствѣ въ столицѣ Краснаго Урала, и никакихъ мѣръ по подготовкѣ помѣщенія въ городѣ Екатеринбургѣ для пріема и содержанія Августѣйшихъ Тобольскихъ Узниковъ не предпринималось. Въ равной мѣрѣ никто изъ начальниковъ станцій Екатеринбургскаго же-

лѣзнодорожнаго узла не получалъ предупрежденій о предстоящемъ привозѣ со стороны Тюмени бывшаго Государя Императора, или Его Семьи. Поэтому, судя по всему послѣдовавшему послѣ этого дня, можно съ достаточной достовѣрностью сказать, что то секретное совѣщеніе президіума, о которомъ упоминаетъ въ своемъ разсказѣ комиссаръ Саковичъ, происходило именно или 25-го, или даже 26-го апрѣля 1918 года. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ историческомъ совѣщеніи самъ Саковичъ:

„Я случайно былъ приглашенъ на совѣщеніе совѣта комиссаровъ передъ перевозомъ Царской фамиліи въ городъ Екатеринбургъ изъ Тобольска. Совѣщеніе происходило въ Волжско-Камскомъ банкѣ, въ маленькой комнатѣ, исправляю, что совѣщеніе было на Коробковской улицѣ въ боломъ двухъ-этажномъ домѣ на лѣвой сторонѣ, если идти отъ центра города, кажется, въ первомъ кварталѣ. Это было въ мартѣ, или апрѣль. Такъ какъ дѣло не касалось здравоохраненія, я не принималъ участія въ разговорахъ и читалъ газету. Я лишь слышалъ, какъ говорили о необходимости перевоза, и о томъ, подвергнуть ли поѣздъ крушенню, или охранять его отъ провокаторскаго крушеннія, что-то было въ этомъ родѣ. Когда стали голосовать, я отклонился отъ голосованія, и объяснилъ, что это къ здравоохраненію не относится. Въ этомъ собраніи были всѣ указанные выше комиссары, а можетъ быть кого-нибудь и не было, помню хорошо, что были Голощекинъ, Бѣлобородовъ, Сафаровъ, Тупетулъ и Войковъ. Всего было человѣкъ 7 или 8“. Давая черезъ нѣсколько дней показанія при другомъ допросѣ, Саковичъ внесъ нѣкоторые характерные оттѣнки въ свой первый разсказъ; „Явившись на собраніе, я протестовалъ противъ своего присутствія здѣсь, но это не помогло, и я остался, и былъ очевидцемъ отвратительныхъ сценъ; напримѣръ, былъ возбужденъ вопросъ, кѣмъ не упомню, о томъ, чтобы устроить при перѣездѣ Царя крушеніе. Вопросъ этотъ баллотировался и было решено перевезти изъ Тобольска бывшаго Государя въ Екатеринбургъ; помню, я случайно узналъ, что по вопросу о перевозкѣ бывшаго Царя въ Екатеринбургъ была какая-то переписка съ центромъ большевистской власти, и отъ центра было ясно сказано, что за цѣлость бывшаго Государя Екатеринбургскіе комиссары отвѣчаютъ головой“.

Слѣдовательно, изъ этихъ показаній прежде всего вытекаетъ, что это совѣщеніе происходило не въ помѣщениі областного совѣта, и не при полномъ офиціальномъ составѣ президіума совѣта; участь Царской Семиы обсуждалась въ постороннемъ мѣстѣ и только опредѣленными гла-варями совѣтской власти. Такимъ образомъ рѣшеніе этой горсточки преступниковъ нельзя считать не только рѣшеніемъ областного совѣта, но даже и рѣшеніемъ президіума этого совѣта. Это было просто рѣшеніе кучки темныхъ заговорщиковъ, прикрывшихся потомъ, благодаря своему офиціальному положенію и вліянію, именемъ цѣлыхъ офиціальныхъ органовъ совѣтской власти.

Далѣе Саковичъ хорошо запомнилъ участіе въ этомъ совѣщеніи Голощекина, Сафарова, Войкова, Тупетула и Бѣлобородова: три еврея, одинъ латышъ и одинъ русскій. Запомнилъ онъ ихъ естественно потому, что инициатива „отвратительныхъ“ вопросовъ, наибольшая дѣятельность исходили именно отъ этихъ лицъ. Кто же могъ стоять во главѣ вершителей участіи Царской Семиы? Чьи голоса имѣли доминирующее значеніе? Самъ Саковичъ своимъ показаніемъ даетъ опредѣленный отвѣтъ: изувѣры-евреи—Исаакъ Голо-щекинъ, Сафаровъ, Войковъ.

Наконецъ изъ сопоставленія первого и второго показаній Саковича можно вывести, что первоначально совѣщеніе было собрано вовсе не для обсужденія вопроса—перевозить Царскую Семью въ Екатеринбургъ или нѣтъ, а скорѣе, чтобы рѣшить способъ, какимъ бы можно было покончить съ Царской Семьеи, и только при баллотировкѣ, въ силу какихъ-то особыхъ обстоятельствъ, совѣщеніе приняло рѣшеніе перевезти въ Екатеринбургъ. Эти обстоятельства впослѣдствіи станутъ вполнѣ ясны, но только вовсе не опасеніе лишиться головъ заставило тогда Исаака Голощекина и прочую ком-панію отказаться отъ своихъ первоначальныхъ замысловъ, ибо для этой публики такихъ угрозъ отъ центра и не было. Саковичъ вѣрно приплелъ здѣсь въ свое мѣсто показаніи возможнаго существовавшія слова Ленина, адресованнаго командовавшему арміей Берзину, о чемъ уже говорилось въ отдѣлѣ о заговорахъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что убійство Царской Семиы въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля вовсе не было вызвано случайно сложившимися обстоятельствами, а было предрѣшено изувѣрами-евреями совѣтской власти еще въ апрѣль 1918 г.

И обратно, рѣшеніе поселить Царскую Семью на время въ Екатеринбургѣ было для этихъ дѣятелей совершенно случайнымъ, что и видно изъ всего послѣдующаго.

27-го апрѣля областной жилищный комиссаръ Жилинскій неожиданно прибылъ въ домъ Иппатьева, потребовалъ жившаго въ немъ съ семьей владѣльца и предъявилъ ему секретное предписаніе отъ 27-го же апрѣля за № 2778. Въ этомъ предписаніи Иппатьевъ ставился въ извѣстность, что, по постановленію областного совѣта, его домъ реквизировался для „особаго назначенія“ и ему предписывалось, конечно, подъ соотвѣтственными угрозами разстрѣла, очистить домъ къ вечеру 28-го апрѣля. Въ назначенный срокъ Иппатьевъ естественно освободилъ помѣщеніе, и домъ былъ принятъ подъ расписку жилищнымъ комиссаромъ съ подробной описью оставленной въ немъ мебели, и переданъ для охраны красноармейцамъ, вызваннымъ изъ резерва 3-ей красной арміи.

На этихъ людей и выпала охрана въ первые дни привезенныхъ въ домъ рано утромъ 30-го апрѣля бывшаго Государя Императора, Государыни Императрицы и Великой Княжны Марии Николаевны. Люди охраны мѣнялись изъ резерва каждый день, а потому установить, кто именно за эти первые дни перебывалъ въ охранѣ, не удалось. Повидимому еще 30-го апрѣля главари заговора смотрѣли на временное поселеніе Царской Семьи въ Иппатьевскомъ домѣ, какъ на очень кратковременное, и только послѣ обмѣна свѣдѣніями съ комиссаромъ Яковлевымъ, доставившимъ бывшаго Царя изъ Тобольска, выяснилось, что это пребываніе можетъ затянуться, что и вызвало новыя мѣропріятія по организаціи болѣе надежной и отвѣтственной, специальнай охраны для „дома особаго назначенія“.

Изъ всѣхъ заводовъ и фабрикъ, окружавшихъ Екатеринбургъ, по свидѣтельству самихъ рабочихъ и ихъ семей, наиболѣе большевистскими считались: Сысертьский заводъ, расположенный въ города, и Злоказовская фабрика — въ самомъ городѣ. 9-го мая на Сысертьскомъ заводѣ въ помѣщеніе мѣстнаго совдепа прибылъ, по порученію Исаака Голощекина, „комиссаръ ораторъ 1-й боевой Уральской дружины“ Сергѣй Витальевичъ Мрачковскій и приказалъ сбратъ рабочихъ на митингъ. Комиссаръ Мрачковскій былъ хорошо извѣстенъ многимъ изъ рабочихъ Сысертьского завода, такъ какъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ значительное число

ихъ ходило подъ его начальствомъ воевать на Дутовскій фронтъ. Въ числѣ послѣднихъ рабочихъ былъ и Павель Спиридоновичъ Медвѣдевъ, сошедшійся за время похода на близкую ногу съ Мрачковскимъ. На митингѣ въ патетической, льстившей рабочимъ рѣчи Мрачковскій объявилъ о перевозѣ совѣтскими властями бывшаго Царя и Его Семи въ Екатеринбургъ, и о рѣшеніи власти предоставить Ихъ охрану самимъ рабочимъ. Поэтому въ заключеніе своей рѣчи онъ предложилъ рабочимъ записываться добровольцами въ команду охраны и сообщилъ, что жалованія будутъ платить 400 рублей въ мѣсяцъ. Послѣднее особенно прельстило многихъ, почему тутъ же началась запись добровольцевъ. Пріемъ записей Мрачковскій поручилъ вести Павлу Медвѣдову, а самъ тщательно провѣрялъ „благонадежность“ съ его точки зрѣнія желавшихъ попасть въ охрану, и принималъ далеко не всѣхъ. Изъ примѣра, уже приведенного выше, касавшагося Михаила Летемина, можно судить, чѣмъ руководствовался Мрачковскій, опредѣляя „благонадежность“ рабочихъ для охраны несчастной Царской Семи, попавшей въ лапы этихъ звѣрей.

Всего Мрачковскимъ въ этотъ разъ было принято съ Сысертскаго завода слѣдующихъ 33 рабочихъ:

- Медвѣдевъ, Павелъ Спиридоновичъ.
- Проскуряковъ, Филиппъ Полуэктовичъ.
- Талаповъ, Иванъ Семеновичъ.
- Летеминъ, Михаилъ Ивановичъ.
- Луговой, Викторъ Константиновичъ.
- Сафоновъ (Файка), Веніаминъ Яковлевичъ.
- Никифоровъ, Алексѣй Никитичъ.
- Столовъ, Егоръ Алексѣевичъ.
- Котеговъ, Иванъ Павловичъ.
- Дроздовъ, Егоръ Алексѣевичъ.
- Емельянновъ, Федоръ Васильевичъ.
- Вяткинъ, Степанъ Григорьевичъ.
- Бѣломойновъ, Семенъ Николаевичъ.
- Котеговъ, Александръ Алексѣевичъ.
- Алексѣевъ, Александръ Кронидовичъ.
- Подкорытовъ, Николай Ивановичъ.
- Шевелевъ, Семенъ Степановичъ.
- Садчиковъ, Николай Степановичъ.
- Турыгинъ, Семенъ Михайловичъ.
- Семеновъ, Василій Егоровичъ.

Стрекотинъ, Александръ Андреевичъ.

Стрекотинъ, Андрей Андреевичъ.

Котовъ, Михаилъ Павловичъ.

Русаковъ, Николай Михайловичъ.

Теткинъ, Романъ Ивановичъ.

Старковъ, Иванъ Андреевичъ.

Старковъ, Андрей Алексѣевичъ.

Орловъ, Александръ Григорьевичъ.

Чуркинъ, Алексѣй Ивановичъ.

Поповъ, Николай Ивановичъ.

Кесаревъ, Григорій Александровичъ.

Добрынинъ, Константинъ Степановичъ.

Зайцевъ, Николай Степановичъ.

Изъ этого числа рабочіе Медвѣдевъ, Летеминъ, Сафоновъ, Котеговъ Иванъ, Вяткинъ, Бѣломойновъ, Шевелевъ, Стрекотинъ Андрей, Котовъ, Старковъ Иванъ и Добрынинъ состояли членами партіи коммунистовъ.

19-го мая Мрачковскій привезъ сформированный изъ Сысерскихъ рабочихъ отрядъ въ Екатеринбургъ и поселилъ его сначала въ Новомъ Гостиномъ Дворѣ, гдѣ размѣщались красноармейцы резерва 3-ї арміи. Здѣсь Павель Медвѣдевъ былъ назначенъ начальникомъ этой команды, получившей название „охранного отряда дома особаго назначенія“, а Семеновъ и Добрынинъ—разводящими, но такъ какъ Семеновъ вскорѣ уволился, то на его мѣсто разводящимъ былъ назначенъ Иванъ Старковъ. Изъ всей команды только Иванъ Старковъ и Добрынинъ были въ прежнее время солдатами, все же остальные военной службы не несли, такъ какъ, работая на заводѣ, который во время войны работалъ на оборону, были освобождены отъ службы въ войскахъ. Слѣдовательно, тягости походной службы никто изъ нихъ не испыталъ и утомленія отъ 4-хъ лѣтней войны чувствовать не могъ.

22-го мая наканунѣ привоза въ Екатеринбургъ изъ Тобольска Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ Ольги, Татьяны и Анастасіи Николаевенъ, команду перевели въ домъ Иппатьева и поселили здѣсь въ комнатахъ нижняго этажа дома. Съ 24-го мая команда начала нести внутреннюю и внѣшнюю охрану дома; постовъ было всего 11: два внутреннихъ, три пулеметныхъ и шесть наружныхъ. Внутренніе посты: одинъ на парадномъ ходѣ у комнаты коменданта, а другой на площадкѣ внутреннихъ съней,

куда выходили двери изъ уборной и изъ ванной, и откуда шла лѣстница въ нижній этажъ дома. Пулеметные посты: одинъ на террасѣ, выходящей въ садикъ изъ столовой; одинъ въ окнѣ чердака и одинъ на окнѣ средней комнаты нижняго этажа. Наружные посты: одинъ у воротъ, близъ параднаго крыльца; другой на углу, образовывавшемся фасами заборовъ по Вознесенскому проспекту и Вознесенскому переулку; третій между заборами, загораживавшими весь домъ, подъ окнами комнаты Царя и Царицы; четвертый на переднемъ дворѣ у дверей, выходившихъ изъ дома; пятый на заднемъ дворѣ, у калитки выхода изъ садика, и шестой въ саду. Часовые стояли на постахъ по 4 часа въ смѣну, а разводящіе дежурили по недѣлямъ. Повѣрку охраны производили пріѣзжавшіе часто въ домъ Исаакъ Голощекинъ, Бѣлобородовъ и Дидковскій. Эти господа проходили во внутреннія комнаты, занимавшіяся Царской Семьей, безъ предупрежденія, причемъ не снимали ни шапокъ, ни галошъ, ни пальто и, не разговаривая ни съ кѣмъ изъ заключенныхъ, молча заходили во всѣ рѣшительно комнаты.

Первоначально комендантомъ „дома особаго назначенія“ былъ назначенъ Александръ Дмитріевичъ Авдѣевъ, машинистъ съ фабрики Злоказова, уроженецъ Осинскаго уѣзда Пермской губерніи. До поступленія на фабрику Злоказова онъ служилъ на пріискахъ въ районѣ Челябинска. Это былъ обыкновенный типъ испорченного фабричнаго рабочаго, побывавшій и въ Петроградѣ, гдѣ четыре раза сидѣлъ въ Крестахъ за пьяные дебоши и хулиганство и хвастался тѣмъ, что ни передъ чѣмъ не останавливался въ своей жизни, и всѣхъ, кто ему мѣшалъ, убиралъ съ своего пути. Былъ онъ всегда пьянъ, или сильно навеселъ. Лѣтъ ему было 35—40, блондинъ, съ маленькими усами и бритой бородой; одѣвался въ рубаху защитнаго цвѣта, шаровары, высокіе сапоги и носилъ черезъ плечо казачью шашку.

Авдѣевъ въ домѣ не жилъ; онъ приходилъ ежедневно часовъ въ 9 утра и уходилъ часовъ въ 9 вечера. Постоянно въ домѣ въ комнатѣ коменданта жилъ помощникъ Авдѣева, тоже рабочій съ Злоказовской фабрики, Александръ Мошкинъ. Вся характеристика этого человѣка исчерпывается аттестаціей его же товарищѣй по фабрикѣ и подчиненныхъ по охранѣ: „пьянчуга, воришка, самый послѣдній рабочій“. Авдѣева онъ боялся и въ его присутствіи велъ себя сдержанно, не позволяя себѣ шумѣть и сильно пить. Но когда

вечеромъ Авдѣевъ уходилъ, Мошкинъ собиралъ въ комендантскую комнату своихъ пріятелей изъ охраны, въ томъ числѣ и Медвѣдева, и тутъ у нихъ начиналась попойка, пьяный галдѣжъ и пьяные пѣсни, продолжавшіяся до глубокой ночи. Орали обыкновенно на всѣ голоса модная революціонная пѣсни: „вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“, или „отречемся отъ старого міра, отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ“, и т. п. Однако во внутреннія комнаты, гдѣ жила Царская Семья, Мошкинъ боялся ходить, какъ ни бывалъ пьянъ, и другихъ охранниковъ туда не пускалъ.

Такъ продежурили Сысертскіе охранники дня 4—5, но затѣмъ по непривычкѣ къ военной службѣ заявили, что наряды тяжелы и потребовали увеличить составъ команды. Тогда 30-го мая, по приказанію Исаака Голощекина, Авдѣевъ пошелъ на Злоказовскую фабрику и привелъ набранную тамъ дополнительную команду, подъ общимъ начальствомъ Анатолія Александровича Якимова, рабочаго той же фабрики. Всего на этотъ разъ съ Якимовымъ пришло 29 человѣкъ, а именно:

- Соловьевъ, Александръ.
- Гоншкевичъ, Василій.
- Пермяковъ, Иванъ.
- Шулинъ, Иванъ.
- Петровъ, Василій.
- Петровъ, Авксентій.
- Сидоровъ, Алексѣй.
- Чогиновъ, Василій.
- Чогиновъ, Иванъ.
- Смородяковъ, Михаилъ.
- Путиловъ, Николай.
- Корзухинъ, Александръ.
- Лѣсниковъ, Григорій.
- Клещеевъ, Иванъ.
- Устиновъ, Александръ.
- Смородяковъ, Александръ.
- Варакушевъ, Александръ.
- Хохряковъ, Степанъ.
- Прохоровъ, Александръ.
- Дерябинъ, Никита.
- Чабышевъ,
- Фоминъ.
- Дмитріевъ, Семенъ.

Скороходовъ.

Пелеговъ, Василій.

Брусянинъ, Леонидъ.

Осокинъ, Александръ.

Романовъ, Иванъ.

Вяткинъ, Павелъ.

Эти люди были распределены такъ: первые десять изъ приведенного списка, бывшіе закадычными друзьями Мошкина, были поселены въ комнатахъ нижняго этажа дома Иппатьева и назначены для несенія службы исключительно на внутреннихъ постахъ, а всѣхъ остальныхъ присоединили къ Сысертскимъ рабочимъ и всю эту компанію убрали изъ нижняго этажа дома Иппатьева и перевели на жительство въ реквизированное помѣщеніе дома Попова, напротивъ Иппатьевскаго дома по Вознесенскому переулку. Всѣ охранники, поселенные въ домѣ Попова, впредь несли службу только на постахъ внѣшней охраны и при пулеметахъ. Начальникомъ всей объединенной команды все же остался Павелъ Медвѣдевъ, а Анатолій Якимовъ сталъ третьимъ разводящимъ въ командѣ.

Кромѣ перечисленныхъ людей, въ домѣ Иппатьева помѣщался еще какой-то военноплѣнныи австріецъ, Адольфъ, прислуживавшій въ комендантской комнатѣ, ставившій Авдѣеву и Мошкину самовары и исполнявшій всякія мелкія порученія. Этотъ Адольфъ оставался прислуживающимъ и позже при Янкелѣ Юрковскомъ и Никулинѣ. Кто онъ былъ и куда дѣлся послѣ убийства — неизвѣстно. Затѣмъ при домѣ состоялъ легковой автомобиль въ распоряженіи коменданта, шоферомъ на которомъ былъ рабочій также Злоказовской фабрики Люхановъ. Этотъ Люхановъ былъ тѣмъ самымъ шоферомъ, который смѣнилъ у Американской гостиницы на грузовикѣ совѣтскаго шофера изъ гаража, и который отвозилъ на этомъ грузовикѣ тѣла убитыхъ въ районѣ Ганиной ямы.

Наконецъ по документамъ, при „домѣ особаго назначенія“ числился „завѣдывающій хозяйствомъ дома особаго назначенія“, каковую должность занималъ какой-то Михаилъ Чашинъ, но никто изъ охранниковъ, прошедшихъ черезъ слѣдственное производство, въ томъ числѣ и самъ Медвѣдевъ, никогда о немъ не слышали и не подозрѣвали существованія ни такой должности, ни такого лица. Кто онъ былъ и какова его роль — неизвѣстно.

Въ указанномъ составѣ охрана Царской Семьи изъ Сысерскихъ и Злоказовскихъ рабочихъ несла свою службу съ 30-го мая по 4-е іюля, т.-е. пять недѣль. Всѣ допрашивавшіеся свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ, что безусловно за время своей охраны эти рабочіе не позволили себѣ никакихъ хулиганскихъ или грубыхъ шаговъ по отношенію къ кому бы то ни было изъ Членовъ Царской Семьи. Рабочіе высказывали своимъ роднымъ и знакомымъ свое удивленіе по поводу простого обхожденія съ ними со стороны бывшаго Царя, который неоднократно во время прогулокъ въ садикѣ заговаривалъ съ ними, спрашивая о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о семейныхъ дѣлахъ, и большинство рабочихъ не чуждались этихъ разговоровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, если рабочіе шли въ охрану съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ противъ бывшаго Царя и Его Семьи, то, прийдя въ болѣе близкое соприкосновеніе съ Ними и наблюдая за Ихъ жизнью, они отказывались отъ этого предубѣжденія, и отношенія ихъ замѣтно измѣнялись въ благопріятную для Царской Семьи сторону. Такъ извѣстно, что Авдѣевъ и Мошкинъ, разрѣшивъ приносить Царской Семье со стороны молоко, яйца, масло и прочіе продукты, потомъ не ограничились только этимъ, а стали передавать приносившимъ пищевые продукты женщинамъ порученія, исходившія отъ бывшаго Государя и Членовъ Его Семьи: принести Ему табаку, принести нитокъ и т. п.

Наиболѣе „сознательный“ изъ рабочихъ охраны, Павелъ Медвѣдевъ, держалъ себя обособленно и не разговаривалъ ни съ кѣмъ изъ Царской Семьи. Уйдя къ намъ отъ красныхъ, онъ скрывался въ Перми, служа санитаромъ въ нашемъ 139 госпиталѣ. Однажды въ его присутствіи служащіе госпиталя читали газету, въ которой описывались условія содержанія Царской Семьи въ Иппатьевскомъ домѣ. Когда всѣ ушли и осталась одна сестра милосердія, Медвѣдевъ не сдержался и сказалъ ей: „это неправда, сестра, что пишутъ въ газетѣ, я очевидецъ, конвойнымъ былъ тутъ, что плохо Ихъ кормили и дурно обращались, это не правда, отношенія къ Нимъ, т. е. къ Царской Семье охраны были хорошія, кормили Ихъ хорошо—подавали супъ и маленькия котлеты, а также четверть молока на день“. А на допросѣ Сергеевымъ Медвѣдевъ между прочимъ говоритъ: „Вопросъ о томъ, кто распоряжался судьбой Царской Семьи и имѣлъ ли на то право, я не интересовался, я исполнялъ

лишь приказанія тѣхъ, кому служилъ... Повторяю, что непосредственного участія въ разстрѣлѣ я не принималъ". Жена Павла Медвѣдева жаловалась на мужа: „за послѣднее время онъ сталъ непослушнымъ, никого не признавалъ и какъ будто свою семью пересталъ жалѣть“. Нельзя не согласиться съ заключеніемъ Маріи Медвѣдевой: Павелъ „никого не признавалъ“. Онъ не признавалъ въ это время и Царя, да странно было бы иначе: онъ „сознательный“, слѣдовательно, шедшій по путямъ соціального развитія подъ вліяніемъ руководившихъ его мыслями и взглядами классовъ и круговъ общества, а не духовнаго, и ушелъ отъ духовной идеологии своего народа, порвалъ съ нимъ, какъ порвалъ и со своей семьей: „семью пересталъ жалѣть“. Для него, къ этому periodu его міровоззрѣння, Царь могъ быть только Правителемъ. Руководившіе же имъ говорили ему: „Царь никуда не годится, онъ только душить и разстрѣливаетъ народъ“, и свергли его. Что же осталось въ понятіяхъ Медвѣдева о бывшемъ Царѣ? Онъ сталъ человѣкомъ, какъ всякой другой, и какъ со всякимъ другимъ „Начальство“ можетъ сдѣлать, что ему угодно съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ.

Медвѣдевъ, вѣроятно, не интересовался и тѣмъ, что у него стало за „Начальство“; когда оно перестало ему нравиться, онъ ушелъ отъ него потому, что „сталъ непослушнымъ“. До революції въ немъ былъ убить критерій духа; послѣ революції, новое „Начальство“ поколебало въ немъ и критерій матерії: кормили хорошо, давали: „супъ, маленькія котлетки и четверть молока“—по одному съ четвертью стакана молока въ сутки на каждого изъ заключенныхъ. Поэтому и сужденіе Медвѣдева о хорошемъ отношеніи команды къ Царской Семье должно приниматься съ ограничительными условіями: „команда не позволяла себѣ ничего худого“. Она состояла изъ тѣхъ же людей, что и Медвѣдевъ, съ той разницей, что какъ въ менѣе „сознательныхъ“ рабочихъ, чѣмъ Медвѣдевъ, руководившіе ими до революції и разращавшіе послѣ нея не успѣли убить въ нихъ окончательно, какъ въ Медвѣдевѣ, духа русскаго человѣка. Для большинства изъ нихъ бывшій Царь такъ и оставался бывшимъ Царемъ, и какъ между собою они ни старались убѣдить другъ друга, что Онъ такой же человѣкъ, какъ и каждый изъ нихъ, ни одинъ въ глаза, въ присутствіи Его, не позволилъ себѣ какой-нибудь непристойности и только за-глаза старались дѣлаться большими атеистами. и убѣ-

ждали себя и другихъ въ этомъ площадной литературой на стѣнахъ дома и своихъ комнатъ.

Эволюціонированіе настроенія и отношеній массы рабочихъ-охранниковъ въ пользу Царской Семьи, видимо, наконецъ, вызвало опасенія среди главарей совѣтской власти и, предвидя скорую развязку событій, понудило ихъ принять срочные, исключительныя мѣры.

4-го іюля комендантъ Авдѣевъ былъ отстраненъ отъ должности; его помощникъ Мошкинъ арестованъ; всѣ Злоказовскіе рабочіе, содержавшіе внутреннюю охрану, уволены изъ состава команды. Мошкину и рабочимъ было предъявлено обвиненіе въ кражѣ у Царской Семьи какого-то золотого крестика, и объ этомъ ихъ поведеніи было даже сообщено фабричному комитету. Интересно, что по поводу этой выдуманной совѣтскими главарями кражи, состоялось экстренное собраніе рабочихъ Злоказовской фабрики, которое вынесло постановленіе, что проворовавшіеся рабочіе „могутъ искупить свою вину только кровавыми ранами“. Ихъ всѣхъ отправили на фронтъ, но вскорѣ они разбѣжались, и многие спокойно вернулись къ себѣ на фабрику.

Вместо Авдѣева комендантомъ „дома особаго назначенія“ былъ назначенъ членъ президіума и предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи Янкель Юровскій, который на должность своего помощника взялъ изъ состава той же комиссіи Никулина и 10 палачей для внутренней охраны дома, которыхъ остальные охранники называли „латышами“ Цифра 10—не вполнѣ опредѣлена: Проскуряковъ говорить „приблизительно 10“; Медвѣдевъ выражается „было ихъ человѣкъ 10“, а Якимовъ, дающій наиболѣе подробныя и вѣрныя цифры подсчетовъ, говоритъ, что въ разстрѣлѣ участвовали „5 латышей и 5 русскихъ изъ внутренней охраны, въ томъ числѣ и Никулинъ“. Происходитъ эта неточность потому, что свидѣтели болѣе запомнили число людей, участвовавшихъ въ разстрѣлѣ. А такъ какъ этихъ „палачей“ видѣли всѣ мало, ибо Янкель Юровскій не пускалъ охранниковъ въ домъ, а прибывшихъ передъ разстрѣломъ Петра Ермакова и Александра Костоусова никто изъ охранниковъ не зналъ, то точной цифры приведенныхъ Янкелемъ Юровскимъ съ собой изъ чрезвычайки палачей никто определить не могъ. Кажется, болѣе точно, ихъ было всего 7—8 человѣкъ, изъ коихъ 5 было не русскихъ и 2 или 3 русскихъ. Изъ русскихъ палачей известна фамилія только

одного—Кабановъ. Однажды Кабановъ дежурилъ на посту внутренней площадки; проходившій мимо Государь Императоръ, обладавшій богатѣйшей памятью на лица, всмотрѣвшись въ Кабанова, остановился и сказалъ ему: „Я васъ узнаю, вы служили въ Моемъ Конномъ полку“. Кабановъ отвѣтилъ утвердительно. Разсказывалъ объ этомъ эпизодѣ самъ Кабановъ Якимову, откуда послѣдній и зналъ его фамилію.

Изъ пяти палачей не русскихъ извѣстны фамиліи трехъ: латышъ Ляксъ, мадьяръ Вархать и Рудольфъ Лашерь. Называли еще фамилію латыша Берзина, но утверждать, что таковой былъ въ составѣ внутренней охраны—нельзя. Всѣ они по-русски не говорили. Между ними былъ одинъ, повидимому еврей, который служилъ какъ бы переводчикомъ между Янкелемъ Юровскимъ и остальными, но фамилія его осталась также не выясненной.

Со времени вступленія въ должность Янкеля Юровскаго, русскіе охранники Сысертскаго завода и Злоказовской фабрики, живши въ домѣ Попова, несли службу только на наружныхъ постахъ и у пулеметовъ. Въ домѣ, т.-е. въ верхній этажѣ, гдѣ помѣщалась Царская Семья, кромѣ Павла Медвѣдева, никого изъ остальныхъ охранниковъ больше не пускали. Самъ Янкель Юровскій, также какъ и Авдѣевъ, не ночевалъ въ комендантской комнатѣ, а приходилъ въ домъ часовъ въ 8—9 утра и уходилъ вечеромъ. Никулинъ же жилъ въ домѣ постоянно, и къ нему по вечерамъ часто приходила дѣлопроизводительница чрезвычайной слѣдственной комиссіи Евдокія Максимовна Бахарева. Въ комендантской комнатѣ стояло пьянино и Никулинъ по вечерамъ музиковалъ и пѣлъ, повторяя преимущественно тотъ же репертуаръ, въ которомъ отличалась и Мошкинская компанія. Днемъ же они вмѣстѣ съ Янкелемъ Юровскимъ пьянствовали и тоже горланили пьяные пѣсни.

Вообще по свидѣтельству охранниковъ при Янкель Юровскомъ положеніе Царской Семьи страшно ухудшилось. Доставка разнообразныхъ продуктовъ была запрещена, Янкель разрѣшилъ приносить только четверть молока. Лазилъ онъ во внутреннія комнаты Царской Семьи безпрестанно и для наблюденія держалъ всѣ двери открытыми. Про отношенія палачей сказать что-либо опредѣленно нельзя; есть данные, что за эти послѣдніе двѣнадцать дней Ихъ жизни, Царской Семье пришлось много натерпѣться отъ

этихъ полу-людей, полу-евреевъ, что, вѣроятно, и отразилось на ихъ настроеніи и вѣнчайшей подавленности, которая были замѣчены діакономъ Буймировымъ, когда онъ 14-го іюля съ о. Сторожевымъ служили послѣднюю обѣдницу несчастнымъ Августѣйшимъ Узникамъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ постоянной охраны, въ домъ Иппатьева изъ совѣтскихъ дѣятелей бывали довольно часто, какъ уже указывалось, Исаакъ Голощекинъ, Бѣлобородовъ и Дидковскій. Одинъ разъ за все время Августѣйшихъ Заключенныхъ посѣтилъ, съ повѣрочной комиссией, командующій 3-ей арміей Берзинъ, но больше, повидимому, никого изъ совѣтскихъ дѣятелей въ Иппатьевской домъ не допускали.

Тѣмъ болѣе совершенно непонятнымъ исключеніемъ является фактъ посѣщенія Царской Семьи докторомъ Деревенько. Какъ было сказано уже выше, ему одному изъ всѣхъ придворныхъ оказалось возможнымъ остаться въ городѣ, гдѣ онъ поселился на частной квартирѣ и обзавелся обширной практикой исключительно въ средѣ еврейского населенія города. Въ началѣ, при Авдѣевѣ, докторъ Деревенько посѣщалъ Иппатьевский домъ довольно часто; онъ же говорился съ этимъ комендантомъ и относительно приноса Царской Семьѣ продуктовъ со стороны. Но какъ-то среди обычавтелей города, у которыхъ Деревенько бывалъ, ни въ коемъ случаѣ не принадлежавшимъ къ сторонникамъ большевиковъ, сохранилось очень мало воспоминаній о разсказахъ Деревенько про его свиданія въ этотъ исключительный периодъ жизни Царской Семьи съ Иппатьевскими узниками. Такъ, общія фразы, ничего не опредѣляющія.

Послѣ назначенія комендантомъ Янкеля Юровскаго, числа 5—8 іюля, этотъ послѣдній пригласилъ въ домъ доктора Деревенько и послѣ этого свиданія докторъ прекратилъ совершенно посѣщать Царскую Семью. Причины этого самъ Деревенько объяснилъ интересовавшимся знакомымъ такъ: когда онъ, по указанному приглашенію, прибыль въ домъ, Янкель Юровскій повелъ его будто бы къ Наслѣднику Цесаревичу, лежавшему съ болѣзни ногой, и спросилъ заключенія Деревенько о состояніи болѣзни Его Высочества. Деревенько отвѣтилъ, что онъ признаетъ состояніе ноги Наслѣдника Цесаревича очень серьезнымъ, которое ни въ

коемъ случаѣ не можетъ позволить Ему ходить. Тогда будто бы Янкель Юровскій взялъ самъ ногу Наслѣдника, сталь ее грубо ощупывать и мять и утверждалъ, что она совершенно здорова. Такое грубое медицинское обращеніе Янкеля Юровскаго съ мучившимся Наслѣдникомъ Цесаревичемъ настолько якобы возмутило Деревенько, какъ врача, что онъ рѣшилъ больше совершенно не ходить въ домъ Иппатьева.

Извѣстно только, что вскорѣ послѣ этого случая докторъ Деревенько поступилъ на службу совѣтской власти въ мѣстный военный лазаретъ, а нынѣ остался среди большевиковъ въ городѣ Томскѣ. Допросить этого важнаго свидѣтеля слѣдствію не удалось, такъ какъ не было извѣстно, куда онъ уѣхалъ изъ Екатеринбурга, а потому отъ какихъ-либо заключеній обѣ этой личности приходится воздержаться.

Руководители.

Во главѣ управлениія областью стоялъ „Уральскій областной совѣтъ рабочихъ, крестьянскихъ и армейскихъ депутатовъ“, возглавлявшійся „президіумомъ“, съ предсѣдателемъ рабочимъ Бѣлобородовымъ, и „исполнительный комитетъ“ этого совѣта, подъ предсѣдательствомъ еврея Чуцкаева.

Бѣлобородовъ—рабочій, 30—40 лѣтъ, съ Лысенского завода. Передъ этимъ онъ работалъ на Надеждинскомъ заводѣ, гдѣ въ 1906 году вмѣстѣ съ Исаакомъ Голощекинымъ былъ участникомъ какого-то политического движенія, закончившагося однако повидимому для Бѣлобородова безъ особыхъ послѣдствій. Производилъ онъ впечатлѣніе человѣка необразованнаго, даже малограмотнаго, но былъ самолюбивъ и очень большого о себѣ мнѣнія. Жестокій, крикливый, онъ выдвинулся въ опредѣленной средѣ рабочихъ еще при керенщинѣ, въ періодъ пресловутой работы политическихъ партій по „углубленію революціи“. Среди слѣпой массы рабочихъ онъ пользовался большой популярностью, и ловкие, хитрые и умные евреи Голощекинъ, Сафаровъ и Войковъ умѣло пользовались этой его популярностью, льстя

его грубому самолюбию и выдвигая его постоянно и всюду впередъ. Онъ былъ типичный большевикъ изъ среды русского пролетариата, не столько по идеѣ, сколько по формѣ проявленія большевизма въ грубыхъ, авѣрскихъ насилияхъ, не понимавшей предѣлы натуры, некультурнаго и не духовнаго существа.

Средняго роста, худощавый тѣломъ, но съ лицомъ скорѣе полнымъ, смуглымъ, свѣтло-русые волоса, расчесанные косыемъ проборомъ, безъ усовъ и бороды, свѣтло-каріе глаза, прямой, но толстый носъ—таковъ былъ внѣшній обликъ этого революціей выброшенного на верхи человѣка-орудія въ рукахъ истинныхъ заправилъ совѣтской власти—евреевъ.

Одинъ изъ крупныхъ большевистскихъ дѣятелей Антонъ Валекъ, встрѣтясь съ Бѣлобородовымъ послѣ убийства Царской Семиы въ Перми, поинтересовался у него о судьбѣ Семиы бывшаго Императора: „всѣхъ прикончили“, отвѣтилъ Бѣлобородовъ крайне неохотно и, видимо, отмахиваясь отъ подобной темы разговора. А на вопросъ: принималъ ли онъ самъ участіе въ убийствѣ?—Бѣлобородовъ сказалъ, что онъ въ это время спалъ.

Это была ложь: свидѣтели-охранники удостовѣряютъ, что Бѣлобородовъ присутствовалъ при убийствѣ Царской Семиы и приѣхалъ въ Иппатьевскій домъ 16-го іюля около 12 часовъ ночи вмѣстѣ съ Исаакомъ Голощекинымъ, Петромъ Ермаковымъ и Александромъ Костоусовымъ. Онъ же участвовалъ и въ грабежѣ Царскихъ вещей 17-го іюля и въ грабежѣ вещей, принадлежавшихъ генераламъ Татищеву, Долгорукову, фрейлинѣ Гендриковой и Е. А. Шнейдерѣ, въ помѣщеніи Волжско Камскаго банка.

Чуцкаевъ—еврей; откуда родомъ, каково его прошлое—неизвѣстно. Женатъ онъ тоже на еврейкѣ, урожденной Поляковой. Человѣкъ характера типичнаго конспиратора; пользовался большими вліяніемъ; участвовалъ во всѣхъ секретныхъ засѣданіяхъ по Царскому дѣлу, но самъ активнымъ дѣятелемъ не выступилъ. Были нѣкоторыя данныя, указывавшія, что онъ будто тоже былъ замѣшанъ вмѣстѣ съ Исаакомъ Голощекинымъ и Бѣлобородовымъ въ политическомъ движеніи 1906 года, откуда будто бы и создалась связь между этими тремя мрачными личностями. Однако положительныхъ свѣдѣній о Чуцкаевѣ, ко времени оставленія нами Екатеринбурга, собрать не удалось.

Въ президіумъ областного совѣта входили: евреи—Голощекинъ, Сафаровъ, Войковъ, Хотимскій, Чуцкаевъ, Красновъ, Поляковъ, Юровскій, Сыромолотовъ (кажется еврей); латышъ—Тупетуль или Тундулъ; русскіе—Саковичъ, Анучинъ, Уфимцевъ, и неизвѣстной національности — Дидковскій.

Голощекинъ—Исаакъ, еврей; его партійная кличка была „Филиппъ“. Ему было около 40 лѣтъ, роста—выше средняго, коренастый, полный, съ порядочнымъ животомъ, „брюхатый“, какъ опредѣляютъ его свидѣтели; волоса русые, съ рыжеватымъ отливомъ, вьющіеся, расчесанные косымъ рядомъ, глаза темные, носъ длинный, тонкій, усы очень маленькие, подстриженные, борода бритая, оставлявшая синеву на щекахъ; лобъ большой, открытый. Онъ имѣлъ привычку все время ходить, и говорилъ, что эту привычку пріобрѣлъ въ тюрьмѣ. Въ 1906 году онъ, кажется, былъ зубнымъ техникомъ на Надеждинскомъ заводѣ; участвовалъ съ Бѣлобордовымъ въ политическомъ движеніи, былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь.

Исаакъ Голощекинъ имѣлъ вліяніе и въ Москвѣ; тамъ онъ былъ близокъ съ Янкелемъ Свердловымъ и съ Нахамкесомъ-Стекловымъ, а въ Петроградѣ—съ Гершъ Радомыслскимъ Апфельбаумомъ-Зиновьевымъ.

Въ Екатеринбургѣ Исаакъ Голощекинъ занималъ должность областного военнаго комиссара и имѣлъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи отрядъ, носившій название „особаго отряда при Уральскомъ военному комиссариатѣ“. Когда организовывалась „перевозка“ Царской Семи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, то „для сопровожденія“ Ея, въ распоряженіе комиссара Родіонова, былъ выдѣленъ изъ указаннаго, Исаака Голощекина, отряда особый „Екатеринбургскій отрядъ“, подъ непосредственной командой какого-то Шиндера (а можетъ быть и Шнейдера; онъ подписывался очень неясно). Но такъ какъ онъ же состоялъ и начальникомъ отряда палачей при чрезвычайкѣ, то въ Американской гостинице его знали и называли Шиндеръ).

Вотъ поименный составъ этого „Екатеринбургскаго отряда“, который до извѣстной степени даетъ основаніе судить, что въ дѣйствительности представляли собою силы совѣтскихъ Исааковъ Голощекиновыхъ, при помощи коихъ они, и ему подобные главари совѣтской власти, вершили судьбу русского народа:

1-й взводъ.	2-й взводъ.	3-й взводъ.	Пулем. команда
Зень.	Плуме.	Дубульдъ.	Гусоченко.
Кокорушъ.	Грике.	Аунинъ.	Орловъ.
Дрерве.	Транучкисъ.	Берайнъ.	Берайнъ.
Неброчникъ.	Бильскамъ.	Сирсникъ.	Зильбертъ.
Иковыекъ.	Цекулить.	Табакъ.	Цалицъ.
Виксна.	Маконъ.	Штеллеръ.	Табакъ.
Гравитъ.	Якубовскій.	Есалнѣкъ.	Перланцекъ.
Стразданъ.	Альшкінъ.	Сея.	Лицитъ.
Таркунъ.	Барановъ.	Рейнгольдъ.	Гаусманъ.
Пуринъ.	Рольманъ.	Байликъ.	
Освѣйчикъ.	Крайновъ.	Гарцъ.	
Прусъ.	Ояверъ.	Зифертъ.	
Аленкуцъ.	Киршянскій.	Таркянинъ.	
Брандъ.	Фруль.	Діевъ.	
Гредзенъ.	Блуме.	Задинъ.	
Лѣпинъ.	Мельне.	Лигбардъ.	
Эгель.	Яунземъ.	Пумпуръ.	
Герунасъ.	Тиманъ.	Гейде.	
Озолинъ.	Дзиркаль.	Волковъ.	
	Карсакъ.	Кейре.	
	Ларищевъ.		
	Штернбергъ.		
	Гинтаръ.		

Ближайшими сотрудниками Исаака Голощекина по задуманному убийству всей Царской Семьи кромъ, конечно, Янкеля Юровского были: окружный военный комиссарь и членъ президіума Сергій Андреевичъ Анучинъ и Верхнѣисетскій военный комиссарь Петръ Захаровичъ Ермаковъ.

Анучинъ, Сергій Андреевичъ, въ мирное время былъ прапорщикомъ запаса. При мобилизациі въ 1914 году былъ призванъ на военную службу и назначенъ младшимъ офицеромъ въ 108-й пѣхотный запасный батальонъ, квартировавшій въ Екатеринбургѣ. Въ теченіи всей германской войны Анучинъ, пользуясь разными средствами и путями, уклонялся отъ посылки на фронтъ просто изъ-за трусости; однако угоженіями начальству попалъ въ концѣ концовъ въ адъютанты этого полка, развернувшагося изъ первоначального батальона. Презрѣніе и озлобленіе солдатъ противъ Анучина за трусость его были настолько велики, что когда уже при Керенскомъ власть въ частяхъ перешла къ солдатскимъ комитетамъ, то однимъ изъ первыхъ поста-

новленій комитета этого полка было отправить Анучина подъ конвоемъ на фронтъ. Но въ это время на фронтѣ уже не воевали, а политиканствовали. Анучинъ очень скоро попадаетъ въ предсѣдатели дивизіоннаго комитета; также быстро продвигается дальше вверхъ по тогдашней особенной іерархической лѣстницѣ, и Брестскій миръ застаетъ его уже на должностіи командующаго 3-ей арміей. Оттуда все же онъ постарался уйти, вернулся въ Екатеринбургъ и здѣсь устроился окружнымъ военнымъ комиссаромъ.

Ермаковъ, Петръ Захаровичъ, личность несравненно сильнѣе Анучина и такая русская отрицательная сила, которая именно только и нужна была Исааку Голощекину. Поэтому непосредственнаго участія Анучина въ убийствѣ Царской Семьи не видно, исключая присутствія въ совѣщаніяхъ президіума; имя же Петра Ермакова Исаакомъ Голощекинымъ выдвинуто опредѣленно и преднамѣренно, а въ актѣ самаго убийства и въ сокрытии слѣдовъ убийства Ермаковъ является уже лѣвой рукой Исаака Голощекина, вмѣсто Бѣлобородова—другого, проявившаго себя въ этомъ преступлѣніи русскаго дѣятеля (правой же рукой все-таки все время остается Янкель Юровскій).

Ермаковъ—коренной житель Верхъ-Исетскаго завода—этого центра большевистскаго пролетаріата Екатеринбургскаго района; черезъ него Исаакъ Голощекинъ располагаетъ силой всей распущенной части заводской черни, готовой всегда на любое злодѣяніе, на гнуснѣйшее преступленіе, особенно если можно безнаказанно и безъ опасности поживиться чужимъ добромъ. Мальчикомъ Ермаковъ былъ писаремъ въ заводской конторѣ. 1905 годъ выводить его на арену „политическаго“ дѣятеля, что онъ проявляеть сообразно своей совершенно испорченной натурѣ—выходить на большія дороги и начинаетъ грабить, рѣзать, душить, съ хладнокровiemъ и звѣрствомъ, которыя впослѣдствіи поражали даже истыхъ совѣтскихъ дѣятелей, не останавливавшихся ни передъ чѣмъ. Этой дѣятельностью Ермаковъ составляетъ себѣ крупное состояніе, но въ 1911 году попадается, и февральская революція застаетъ его на каторгѣ.

Амнистіи, дарованныя Керенскимъ, освобождаютъ Ермакова отъ каторги, а дальше онъ уже самостоятельно покидаетъ мѣсто ссылки и возвращается къ себѣ на Верхъ-Исетскій заводъ. Здѣсь онъ вступаетъ въ ряды въ то время еще тайныхъ агентовъ будущей совѣтской власти, куда-то

часто уважаетъ, получаетъ откуда-то крупныя деньги и усиленно занимается скопкой оружія. Быть можетъ именно въ этотъ періодъ возникаютъ его дружескія отношенія съ Исаакомъ Голощекинымъ, по крайней мѣрѣ когда послѣ Октябрьскаго переворота и обоснованія совѣтской власти въ Екатеринбургѣ Исаакъ Голощекинъ занялъ постъ областного военнаго комиссара, онъ сейчасъ же провелъ въ военные комиссары Верхъ-Исетска Петра Ермакова.

Ермаковъ выявилъ свою дѣятельность рядомъ невѣроятныхъ звѣрствъ надъ своими же поселковыми и заводскими жителями. Онъ окружилъ себя подобными себѣ убійцами по натурѣ и сталъ грозой для всѣхъ окрестныхъ жителей Верхъ-Исетскаго завода. Худой, съ застывшимъ лицомъ, мертвыми, висѣвшими прямыми, длинными нитями, волосами какъ-бы плохого парика, онъ быль, какъ говорили несчастные обитатели окрестныхъ хуторовъ и зaimокъ, „сама смерть“.

Правой рукой Ермакова состоялъ бывшій Кронштадтскій матросъ Степанъ Вагановъ—такой же звѣрь, грабитель и хулиганъ, какъ и самъ Ермаковъ. При нихъ состоялъ какъ бы штабъ изъ ближайшихъ друзей Ермакова и изъ тѣхъ же подонковъ Верхъ-Исетскаго завода, откуда вышли и сами главари. Штабъ этотъ составляли:

Болотовъ, Александръ.

Леватныхъ, Василій.

Костоусовъ, Александръ и

Грудинъ, Алексѣй,

а для приведенія въ исполненіе своихъ мѣропріятій Ермаковъ образовалъ свою „конную дружибу“ подъ начальствомъ Александра Рыбникова.

Когда Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій разрабатывали планъ убійства Царской Семьи, Ермаковъ быль привлеченъ ими въ число ближайшихъ непосредственныхъ участниковъ. Ермаковъ же, видимо, указалъ имъ на районъ Ганиной ямы, какъ мѣсто глухое и удобное для легкаго сокрытия тѣлъ. Зналъ же онъ это мѣсто потому, что Ганина яма входила въ сѣнокосный участокъ его пріятеля и ближайшаго сотрудника Александра Болотова. Поэтому Исаакъ Голощекинъ воспользовался и „конной дружиной“ Ермакова для работъ по сокрытию тѣлъ, а людей своего отряда использовалъ для внѣшней охраны всего района.

Конную дружину Ермакова, кроме перечисленныхъ выше его ближайшихъ сотрудниковъ, составляли слѣдующіе жители Верхъ-Исетского завода:

Скорынинъ, Егоръ.
 Шадринъ, Михаилъ.
 Ярославцевъ, Петръ.
 Куриловъ, Василій.
 Куриловъ, Михаилъ.
 Пузановъ, Петръ.
 Пузановъ, Сергій.
 Казанцевъ, Николай.
 Сорокинъ, Михаилъ.
 Перинъ, Илья.
 Десятовъ, Григорій.
 Просвирнинъ, Иванъ.
 Вагановъ, Викторъ.
 Шалинъ, Егоръ.
 Третьяковъ, Поликарпъ.
 Медведевъ, Александръ.
 Заушицинъ, Иванъ.
 Орьшкинъ, Капитонъ.
 Гускинъ и
 Камаевъ.

Кромъ всѣхъ перечисленныхъ отрядовъ и лицъ, сотрудничество съ Исаакомъ Голощекинымъ въ дѣлѣ убийства Царской Семи приводило непосредственно ему подчиненная Екатеринбургская чрезвычайная слѣдственная комиссія. Предсѣдателемъ ея считался официально Федоръ Николаевичъ Лукояновъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда на засѣданіяхъ присутствовалъ Янкель Юровскій, предсѣдательствование принималъ послѣдній, а Лукояновъ занималъ мѣсто члена комиссіи. Комиссію составляли:

Товарищъ предсѣдателя Сахаровъ, Валентинъ Аркадьевичъ.

Члены: | Горинъ,
 | Рудзинскій и
 | Кайгородовъ.

Казначей Никулинъ, Прокопій Александровичъ, онъ же былъ и помощникомъ коменданта дома Иппатьева.

Секретарь Яворскій.

Дѣлопроизводитель Бахарева, Евдокія Максимовна, урожденная Сивелева.

Начальникъ „отряда палачей“—Шиндеръ.

Чрезвычайная комиссія занимала помѣщеніе Американской гостиницы, гдѣ жилъ и весь ея личный составъ, и гдѣ имѣли также постоянныя комнаты Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій, хотя и не жили тамъ. Лукояновъ, Горинъ и Родзинскій были студентами изъ Перми, а Кайгородовъ—рабочій Мотовилихинского завода подъ Пермью. Откуда происходилъ Никулинъ и каково его прошлое—неизвѣстно; извѣстно только, что онъ сильно звѣрствовалъ и разстрѣливалъ вмѣстѣ съ Бахаревой въ Камышевѣ, за что и получилъ кличку „Пулеметчика“.

Сахаровъ, Валентинъ Аркадьевичъ, былъ уроженецъ Перми, гдѣ его отецъ служилъ въ лѣсопромышленныхъ предпріятіяхъ. Когда Валентинъ былъ въ 4-мъ классѣ реального училища, отецъ его умеръ. Валентинъ бросилъ училище и устроился на службу писцомъ въ желѣзодорожномъ депо. Тутъ онъ учинилъ подлоги и мошенничество и былъ смыщенъ на должность табельщика, но намошенничалъ и здѣсь, и былъ вовсе уволенъ отъ службы. По слезнымъ просьбамъ матери, Валентина устроили поденно—рабочимъ при ремонтѣ паровозовъ. Въ 1915 году Сахаровъ поступилъ на службу на Невьянскій снарядный заводъ, но не удержался и на этомъ мѣстѣ, и нѣсколько разъ переходилъ съ одного завода на другой, уклоняясь этимъ отъ военной службы. Все время старался онъ держаться ближе къ городу, проводя время больше по различнымъ притонамъ, чѣмъ работая на мѣстахъ. Съ воцареніемъ большевиковъ онъ записался въ ихъ ряды, ходилъ съ комиссаромъ Мрачковскимъ на Дутовскій фронтъ, но особенно отличился въ тылу звѣрскими разстрѣлами интеллигентовъ и буржуевъ въ Кушвѣ, Тагилѣ и Бисерть. Ему было лѣтъ 25—26, высокаго роста, худощавый, болѣзненнаго вида, блондинъ, безъ усовъ и бороды. Въ общемъ—характерный продуктъ, воспитавшійся въ средѣ городскихъ подонковъ.

Сахаровъ, какъ товарищъ предсѣдателя чрезвычайной слѣдственной комиссіи, участвовалъ въ секретномъ засѣданіи въ Американской гостиницѣ, обсуждавшемъ планъ убийства Царской Семьи. Онъ подтверждалъ, что убийство было совершено именно такъ, какъ обрисовывалось изъ рассказовъ Михаила Четемина, Павла Медвѣдева, Анатолія

Якимова и Филиппа Проскурякова. Сахаровъ носиль въ Перми на пальцѣ золотое кольцо съ бирюзой и говорилъ, что это кольцо Великой Княжны Анастасіи Николаевны, но при какихъ обстоятельствахъ и когда оно попало къ нему, выяснить не удалось.

Таковы были свѣдѣнія, собранныя изслѣдованіемъ о главномъ руководителѣ преступленіемъ въ Екатеринбургѣ, Исаакѣ Голощекинѣ, и о тѣхъ людяхъ и организаціяхъ, которыми онъ воспользовался для приведенія въ исполненіе какъ самаго убийства, такъ и мѣропріятій по скрытію убийства и тѣлъ своихъ жертвъ. При послѣдующихъ работахъ эти свѣдѣнія въ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ и организацій дополнялись новыми данными, что и будетъ отмѣтиться въ дальнѣйшемъ изложеніи матеріаловъ, поступившихъ позже въ слѣдственное производство. Къ сожалѣнію, недостатокъ источниковъ, литературы и свѣдущихъ лицъ въ районѣ, где протекали работы по изслѣдованію события, не дали возможности освѣтить фигуры Московскихъ вдохновителей убийства Царской Семьи, но дѣятельность ихъ настолько извѣстна всей Россіи, что едва ли установление прошлаго этихъ настоящихъ властелиновъ царства пятиконечной звѣзды можетъ внести благопріятные элементы для сужденія объ ихъ нравственныхъ и моральныхъ принципахъ.

Въ заключеніе объ Исаакѣ Голощекинѣ нельзѧ не отмѣтить, что хотя 3-я армія, оперировавшая въ районѣ Екатеринбурга, подчинялась не ему, а главнокомандующему Каменеву, но, какъ областной военный комиссаръ, Исаакъ Голощекинъ не могъ не имѣть съ ней близкихъ отношеній. Выше былъ приведенъ составъ „особаго отряда“ военнаго комиссариата, при посредствѣ котораго совѣтскія власти поддерживали свое „народное“ представительство въ вопросахъ борьбы съ *внутренней* крамолой. Перечисленіе высшаго команднаго состава 3-й арміи даетъ представлениe о томъ, кѣмъ пользовалась совѣтская власть для отстаиванія того же представительства въ вопросахъ *внѣшней* борьбы.

Во главѣ арміи стоялъ латышъ Берзинъ.

Его помощникомъ былъ еврей Іѣлицкій (псевдонимъ).

Членъ военнаго совѣта арміи – латышъ Смигло.

Уполномоченнымъ членомъ высшаго военнаго совѣта при арміи – еврей Лашевичъ, который замѣщалъ Берзина при отъѣздахъ послѣдняго изъ района арміи.

Теперь о другихъ членахъ президіума областного совѣта.

Сафаровъ, еврей, лѣтъ 27—30, средняго роста, тощій, лицо маленькое, веснушчатое. Родомъ онъ былъ изъ Киева, гдѣ, кажется, у его отца на Фундуклеевской улицѣ былъ собственный домъ. Какъ и многіе изъ сыновъ горестнаго для Россіи племени, уклоняясь отъ выполненія передъ своей родиной гражданскаго долга, воинской повинности, Сафаровъ во время былъ отправленъ родителями въ Швейцарію, гдѣ и получилъ свое образованіе. Тамъ же онъ вступилъ въ компанію Бронштейна, Апфельбаума, Нахамкеса и прочихъ специфическихъ дѣятелей Ленинской группы большевиковъ и пользовался среди нихъ большимъ значеніемъ и вліяніемъ. Въ Россію Сафаровъ прибылъ въ запломбированномъ вагонѣ въ числѣ тѣхъ 30-ти главарей совѣтской власти, которыхъ германцы наняли и привезли для проведенія своего гнуснаго, политического замысла легкомысленныхъ генераловъ и еврействующихъ банкировъ.

Сафаровъ, иногда ставившій на своихъ подписяхъ передъ фамиліей букву Г., какъ начальную его неизвѣстнаго имени, занималъ въ Екатеринбургѣ должность товарища предсѣдателя президіума областного совѣта, т.-е. товарища Бѣлобородова. Видимо, онъ и былъ душой, мыслию и вдохновителемъ совѣтскихъ мѣропріятій въ Екатеринбургѣ, искусно прикрываясь всегда именемъ предсѣдателя изъ русскихъ рабочихъ, и выдвигая его, какъ офиціальную главу власти, отвѣтственнымъ за все творившееся президіумомъ въ области политики, развала и звѣрства, каковыми ознаменовалась дѣятельность власти въ періодъ лѣта 1918 года на Уралѣ. Съ другой стороны несомнѣнно, что въ рядахъ совѣтской власти на Уралѣ онъ являлся представителемъ и проводникомъ идей той центральной, специфической группы большевистскихъ главарей, которая работала въ Москвѣ, прикрываясь именемъ Ленина и якобы демократическими лозунгами, для укрѣпленія исключительно своей деспотической, самодержавной и анти-христіанской власти.

Онъ имѣлъ право непосредственныхъ сношеній съ главарями власти въ Москвѣ и, можно думать, что Бѣлобородовъ иногда и не зналъ о распоряженіяхъ, исходившихъ отъ имени президіума и даже за его, Бѣлобородова, подпись, а потомъ представлявшихся ему въ той окраскѣ и толкованіи, какія были будто бы желательны пролетарской

массъ, какъ акты и дѣянія, необходимые съ точки зрењія демократичности совѣтской народной власти. Такъ между прочимъ въ документахъ, брошенныхъ въ телеграфной конторѣ, была найдена подлинная телеграмма, адресованная въ Москву Янкелю Свердову, слѣдующаго содержанія: „Ваша 574. Приехавши сюда майор Минисч и управляющій делами Елены Петровны Смирнов имеющие документы подписанные Сполайковичем нами арестованы обвинение введеніе заблужденіе советские организации. Куда их направить. 4650. Обласовет. Белобородов“. Вся эта телеграмма была писана отъ руки, которой воспроизведена и подпись Бѣлобородова, но это была рука не Бѣлобородова. Арестованные были направлены въ тюрьму, гдѣ уже содержалась Княгиня Елена Петровна Сербская, а затѣмъ 20-го юля вмѣстѣ съ графиней Гендриковой и прочими заключенными переведены въ Пермскую тюрьму, изъ которой были освобождены только 30-го октября 1918 года и отправлены въ Москву.

При изслѣдованіи дѣла объ Алапаевскомъ убийствѣ выясняется, что предсѣдатель Алапаевскаго исполкома Абрамовъ получилъ распоряженіе объ уничтоженіи содержавшихся тамъ Великой Княгини, Великаго Князя и Князей телеграммой изъ Екатеринбурга за подпись Сафарова. Есть основаніе думать, что Бѣлобородовъ не подозрѣвалъ о существованіи и такого распоряженія своего товарища, о чёмъ будетъ говориться дальше, и только позже узналь истину объ исчезновеніи Алапаевскихъ Узниковъ и Ихъ дѣйствительной судьбѣ.

Весьма характерно обрисовывается Сафаровъ въ его собственной статьѣ по поводу разстрѣла бывшаго Государя Императора, напечатанной въ газетѣ „Уральскій Рабочій“ одновременно съ официальнымъ объявленіемъ властей о казни. Приводить ее цѣликомъ—нѣть охоты: это обычный наборъ лжи, ругани и демагогическихъ, фейерверочныхъ фразъ, грубыхъ и пошлыхъ выкриковъ, специально подбираемыхъ и выбрасываемыхъ для легкаго воспріятія ихъ низменными инстинктами черни и развращенной толпы. Но въ заключительныхъ словахъ этой статьи, въ наглой и пошлой виѣшней формѣ якобы побѣдного гимна, невольно прорвался у Сафарова истинный смыслъ совершенного этими исчадіями еврейскаго народа ужаснаго злодѣянія:

„Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: вы поставили ставку на императорскую корону? Она бита. Получите сдачи одну пустую коронованную голову...“

Вдохновителей и руководителей убийства Царской Семьи вело на совершение этого исключительного злодействия вовсе не „народный приговор“—„уничтожить коронованного палача, героя разстрѣла 9-го января 1905 года и Ленской бойни 1912 года“. Это сильно бьющіе, но лживые выкрики еврея Сафарова для ограниченного Бѣлобородова, для черни. Исчадіямъ же еврейского народа, вдохновителямъ и руководителямъ нужно было этимъ убийствомъ создать действительно какую-то пустоту, пропасть въ сердцѣ, въ основѣ идеологии русского народа, которая могла бы обеспечить этимъ временнымъ властелинамъ народной физической массы полную победу въ будущемъ. Вся статья еврея Сафарова наполнена перечислениемъ тѣхъ внутреннихъ и внешнихъ опасностей, которые создались въ то время для совѣтской власти; онъ самъ указываетъ, что вопросъ существования этой власти сталъ въ положеніе: быть или не быть. И видеть въ возможности возрожденія идеологии „Божьей Милостью“ главную опасность, хотя бы она прикрывала „коронованную голову палача“. Въ понятіи изувѣра еврейского племени убийство имъ было совершено не надъ бывшимъ Россійскимъ Правителемъ, а надъ религіозной идеологіей русского народа, видѣвшаго въ своихъ Правителяхъ Царя „Божьей Милостью“.

Еврей Сафаровъ нынѣ находится въ Москвѣ и играетъ видную роль въ центральномъ комитете партіи коммунистовъ.

Войковъ, еврей, лѣтъ 28—30; высокаго роста, тощій; лицо длинное, веснушчатое, бороду и усы бриль; глаза голубые, носъ большой и не тонкій; уши торчащія; волосы свѣтлые, волнистые. По-русски называлъ себя Петромъ Лазаревичемъ. Отецъ его былъ фельдшеромъ на Надеждинскомъ заводѣ, но сынка еще мальчишкой отправилъ въ Женеву, гдѣ тотъ и получилъ образованіе. Въ Швейцаріи, подобно еврею Сафарову, еврей Войковъ вошелъ въ кругъ Бронштейна, Нахамкеса и прочихъ, и съ ними же прибылъ въ Россію въ запломбированномъ вагонѣ. Въ Екатеринбургѣ еврей Войковъ занималъ должность областного комиссара снабженія и члена президіума.

Жиль еврей Войковъ не только богато, но прямо-таки роскошно. Занималъ онъ лучшій въ городѣ особнякъ, домъ „Главнаго Начальника“; имѣлъ автомобили, роскошные выѣзды, а жена его, тоже еврейка, тратила безумныя деньги на туалеты, обстановку, пріемы и старалась поддерживать аристократический тонъ въ обществѣ.

Въ совѣтѣ еврей Войковъ пользовался также большимъ вліяніемъ и шелъ всегда и во всемъ рука обь руку съ евреемъ Сафаровымъ. Безусловно онъ былъ посвященъ во всѣ детали убийства Царской Семи и, если не принималъ въ немъ активнаго участія, какъ Исаакъ Голощекинъ, то косвенное отношение, какъ увидимъ впослѣдствіи, имѣль большое. Его фраза по поводу тайны, покрывающей подробности убийства бывшаго Государя Императора: „миръ никогда не узнаетъ объ этомъ“—стала исторической для Царскаго дѣла и помогаетъ объяснить многое, что иначе оставалось бы неяснымъ и не объяснимымъ,

Сыромолотовъ. Многіе утверждаютъ, что онъ еврей. Родомъ происходилъ откуда-то изъ Троицка, или изъ подъ Челябинска, но точно неизвѣстно. Учился въ Екатеринбургѣ въ Уральскомъ горномъ училищѣ, по окончаніи котораго опредѣлился въ горные техники. Здѣсь онъ пустился во всякаго рода грязныя аферы, спекуляціи, на которыхъ нажилъ до 2.000.000 состоянія, но изъ Горнаго Управлениія его выгнали. Тогда онъ устроился въ Управлениѣ Верхнѣ-Исетскаго завода, но и оттуда за темныя дѣла былъ удаленъ. Былъ онъ не только пьяница, но форменный алкоголикъ.

При совѣтской власти Сыромолотовъ занялъ должность областного комиссара финансовъ. Носилъ онъ имя Федора Федоровича.

Сыромолотовъ не принималъ участія въ убийствѣ Царской Семи, кромѣ участія въ засѣданіяхъ президіума, членомъ котораго онъ состоялъ по должности. Въ дни 16—17 іюля его даже не было въ Екатеринбургѣ, такъ какъ онъ не возвращался изъ Перми, куда былъ посланъ, какъ уже упоминалось, для организаціи дѣла согласно указаніямъ центра, отъ котораго потомъ, видимо, отказались.

Это былъ уже зрѣлый человѣкъ, лѣтъ 40 съ лишнимъ; средняго роста, полный, лицо кругловатое, полное, смуглѣе; усы темно-рыжіе, подстриженные, бороду бриль; волоса на головѣ темно-русые, коротко-стриженные.

Поляковъ, Хотимскій и Крыловъ, три еврея, дополнявшіе кворумъ областного президіума, и обезпечивавшіе всегда еврею Сафарову большинство голосовъ.

Первый занималъ должность тоже какого-то комиссара финансовъ и состоялъ въ родствѣ съ евреемъ Чуцкаевымъ, предсѣдателемъ исполкома.

Второй былъ областнымъ комиссаромъ земледѣлія, имѣлъ лѣтъ 30, высокаго роста, съ черными волосами, носъ длинный, съ горбинкой, уши большія и торчащія. Въ Екатеринбургѣ носилъ усы и бороду, но послѣ бѣгства въ Пермь сбрілъ ихъ.

Третій занималъ всего только должность городского комиссара здравоохраненія, но ничего общаго съ медициной не имѣлъ. Извѣстно, что вмѣстѣ со своей женой Фани Янкелевной, служившей въ совѣтѣ секретаршой, онъ отличился звѣрствами и разстрѣлами въ Камышловѣ. Въ президіумѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ, а въ городѣ его считали однимъ изъ активнѣйшихъ дѣятелей совѣтской власти.

Біографическая свѣдѣнія о Саковичѣ были даны въ первой главѣ настоящей книги и къ этой личности придется вернуться еще въ будущемъ. Теперь же необходимо коснуться второй, послѣ Исаака Голощекина, личности, игравшей исключительную роль въ дѣлѣ убийства Царской Семьи.

Юровскій, Янкель Хаимовичъ. Родился въ Томскѣ въ 1878 году, гдѣ родители его, Хаимъ Ицковичъ Юровскій и мать Энта Моисеевна, занимались торговлею желѣзомъ, старьемъ и другимъ хламомъ. Семью составляли 7 сыновей и 1 дочь: двое сыновей и дочь жили въ Америкѣ, два сына были въ плѣну въ Германіи; одинъ сынъ, служившій въ Петроградѣ на оружейномъ заводѣ, по распуску арміи поселился въ Харбинѣ, и одинъ сынъ, часовой мастеръ, въ Томскѣ.

Янкель Юровскій, младшій изъ сыновей, тоже долгое время пробылъ въ Америкѣ и передъ возвращеніемъ въ Россію принялъ лютеранство. Въ Томскѣ, по возвращеніи изъ-за границы лѣтъ 20 тому назадъ, онъ женился на Манѣ Янкелевнѣ и поселился окончательно въ Екатеринбургѣ, гдѣ обзавелся фотографіей и часовымъ магазиномъ. Къ 1918 году у него было трое дѣтей: Рима 18 лѣтъ, Александръ 13 и Женя 9 лѣтъ; въ 1916 году къ нему переселилась изъ Томска овдовѣвшая мать, старуха 70 лѣтъ.

Въ 1914 году по мобилизації Янкель былъ призванъ на военную службу и зачисленъ въ 108 запасный батальонъ. Здѣсь ему удалось попасть въ фельдшерскіе ученики и онъ опредѣлился въ школу фельдшеровъ при мѣстномъ военному лазарету. Въ школѣ Янкель встрѣтился съ преподававшимъ тамъ докторомъ Архиповымъ и на почвѣ политическихъ собесѣдований и споровъ сошелся съ нимъ и пользовался его особымъ покровительствомъ. Дисциплина въ школѣ была вообще строгая; всѣ ученики, напримѣръ, должны были обязательно жить въ казармѣ. Но Янкеля Юровскаго Архиповъ почему-то выдѣлилъ изъ всѣхъ прочихъ, держался съ нимъ на „близкой ногѣ“ и даже разрѣшилъ жить на частной квартирѣ. По окончаніи школы Янкель Юровскій, съ правами ротнаго фельдшера, былъ оставленъ Архиповымъ при мѣстномъ лазаретѣ, что избавило Янкеля отъ службы на фронѣ.

Вообще лично Янкель Юровскій не испыталъ на себѣ никакого особаго гнета существовавшей въ Россіи Царской власти и, наоборотъ, судьба дѣлала для него сплошь да рядомъ исключенія, ставившія его въ привилегированное положеніе по сравненію съ какимъ-нибудь обыкновеннымъ обывателемъ и тѣмъ паче съ крестьяниномъ, терпѣвшимъ и нужду въ своей домашней жизни, и тяготу военныхъ походовъ рядовымъ бойцомъ.

Но вотъ когда произошла Февральская революція Янкель Юровскій оказался первымъ въ рядахъ недовольныхъ всѣмъ и всѣми. Развязанный въ словахъ и рѣчи, нахватавшійся за границей поверхностныхъ понятій о соціализмѣ, не смущавшійся ложью, наглой, но популярной въ то время клеветой, онъ сразу всплылъ на поверхность забаломученной революціей темной массы и былъ избранъ командой лазарета делегатомъ въ составъ образовавшагося въ Екатеринбургѣ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Отсюда началась его работа, какъ политического дѣятеля. Прежде всего она направилась противъ администраціи того же мѣстнаго военнаго лазарета: то были выпады на скверную пищу, тухлое якобы мясо; то на буржуйность русскихъ врачей лазарета; то на бездѣятельность и нерадѣніе администраціи и т. п. Однако назначавшійся совѣтомъ ревизіи, повѣрки, осмотры не подтвердили наглыхъ и явно ложныхъ наговоровъ Янкеля Юровскаго. Онъ остался недоволенъ самимъ совѣтомъ, взялъ двухмѣсячный отпускъ

и исчезъ. Куда? Гдѣ онъ былъ въ это время? Неизвѣстно.

Незадолго до большевистского переворота Янкель Юровский появился снова въ городѣ. Онъ сталъ въ ряды самыхъ крайнихъ лѣвыхъ и рѣзко осуждалъ всѣ политическія теченія правѣе его; онъ вернулся еще болѣе озлобленнымъ и, видимо, чего-то ждалъ. Свершился Октябрьский переворотъ; власть перешла къ совѣтамъ; Янкель попалъ въ заправилы большевистскаго режима и всталъ въ ряды главарей совѣтской власти въ Екатеринбургѣ, въ ряды ея вдохновителей—изувѣровъ евреевъ.

Онъ занималъ всякия должности: и члена президіума, и комиссара юстиціи, и коменданта Иппатьевскаго дома, и при всемъ томъ сохранялъ постоянно первенствующее значеніе въ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, которая при немъ и начала образовываться. Тамъ онъ предсѣдательствовалъ даже въ присутствіи Бѣлобородова, Голощекина, Сафарова, Чуцкаева; въ нѣдрахъ этой мрачной, могущественной всероссійской совѣтской организаціи Янкель Юровскій занималъ исключительное положеніе. Говорятъ, что онъ былъ въ Екатеринбургѣ представителемъ какого-то центрального органа чрезвычайной комиссіи, къ которой принадлежалъ и Исаакъ Голощекинъ.

Если заглянуть въ домашнюю жизнь Янкеля Юровскаго, то становится совершенно яснымъ, что онъ не имѣлъ по своему существу ничего общаго съ тѣми соціалистическими и коммунистическими принципами, съ которыми выступалъ онъ и остальные ему подобные главари евреи въ рядахъ совѣтской власти и въ офиціальныхъ органахъ ихъ управлениія. Патріархальный образъ жизни древне-еврейскаго характера, со всѣми завѣтами и преданіями старцевъ, унаслѣдованныхъ съ учениемъ фарисейской секты Израиля—на сколько слѣдовалъ этому порядку самъ Янкель—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ онъ его терпѣлъ; принятое имъ за границей лютеранство было лишь необходимой политической формой для своего времени и, повидимому, давно имъ забылось. Буржуй по существу, онъ велъ свое хозяйство, какъ велъ его 20 лѣтъ передъ этимъ, съ определенной тенденціей къ наживѣ капитала. Онъ имѣлъ небольшое дѣло, но самъ съ того момента, когда сталъ совѣтскимъ дѣятелемъ, пересталъ въ немъ работать, а спокойно нанималъ частныхъ рабочихъ и вполнѣ легко ужи-

вался съ ними, хотя, по его собственному выражению, они „очень и очень были далеки оть большевизма“. Янкель у себя дома не только не большевикъ, но онъ даже не марксистъ и вообще никакой соціалистъ.

Въ своей совѣтской политической дѣятельности онъ тоже далеко непостояненъ въ строгости проведенія проповѣдуемыхъ принциповъ уничтоженія всего, что стоитъ на пути къ власти пролетаріата: уничтожая поголовно всю Царскую Семью и всѣхъ даже слугъ, состоявшихъ при ней, онъ, полномочный властелинъ чрезвычайки, не трогаетъ доктора Деревенько, явно скомпрометированного въ какомъ-то дѣлѣ, за которое слетѣлъ съ своего мѣста даже комендантъ Авдѣевъ, а Мошкина упрытали въ тюрьму. Определенный же буржуй Деревенько остался неприкосновеннымъ. Янкель Юровскій не такой глупый человѣкъ, чтобы не видѣть, кто такой комиссаръ Саковичъ, что онъ представляетъ собой по существу своей подлой натуры? Бывшій „бѣлоподкладочникъ“, сегодня пролетарій, завтра бѣлогвардеецъ, въ зависимости отъ того, что выгодно по сезону. Но Янкель Юровскій, искореняющій контроль-революцію, саботажъ и спекуляцію, передъ Саковичемъ закрываетъ глаза и видить въ немъ представителя пролетарской власти. Янкель Юровскій знаетъ отлично, что если бы его дочь Рима встрѣтилась въ глухомъ лѣсу съ Петромъ Ермаковымъ, то она безусловно познала бы „свободу личности“ этого каторжника и прелестъ воспѣваемой ея отцомъ пролетарской власти; но онъ не гнушается тѣмъ не менѣе Петромъ Ермаковымъ, они становятся братьями по оружію въ кровавой драмѣ Иппатьевскаго дома.

Янкель Юровскій не христіанинъ, не мудрый сынъ религіи своего народа, не пролетарій, не соціалистъ, не буржуй, не народоволецъ, не монархистъ. Кто же онъ?

Еврейскій изувѣръ.

Въ материалахъ слѣдственного производства Сергѣева фигурируетъ еще фамилія Дидковскаго, который, по словамъ Чемадурова, часто посѣщалъ домъ Иппатьева, контролируя содержаніе и охрану Августѣйшихъ Узниковъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ выяснилось: *Дидковскій*, Борисъ Владиміровичъ, уроженецъ Волынской губерніи, воспитывался въ Женевѣ. На Уралъ онъ прибылъ въ качествѣ

коллекціонера при профессорѣ геології Дюпаркѣ и былъ оставленъ имъ для работъ въ Николо-Павдинскомъ горномъ округѣ. Когда произошелъ большевистскій переворотъ, Дидковскій былъ избранъ отъ этого округа въ депутаты областного совдепа въ Екатеринбургъ и занялъ здѣсь влиятельное положеніе. Во всѣхъ случаяхъ отсутствія Бѣлобородова, Дидковскій замѣщалъ его въ областномъ совѣтѣ депутатовъ, но, видимо, не принадлежалъ къ партіи коммунистовъ, а скорѣе былъ соціал-революціонеромъ. Подъ конецъ власти совѣтовъ въ Екатеринбургѣ замѣчалось расхожденіе Дидковскаго съ Бѣлобородовымъ и въ совѣтѣ образовались двѣ партіи, взаимно враждовавшія. Однако президіумъ стоялъ на сторонѣ Бѣлобородова и партія Дидковскаго не получила значительнаго развитія.

Несмотря на заграничное воспитаніе и внѣшній видъ интеллигента, Дидковскій все же остался человѣкомъ некультурнымъ, грубымъ и хамоватымъ. Въ интимныя совѣщенія президіума онъ не приглашался и, повидимому, не былъ посвященъ въ предположенія совѣтскихъ главарей относительно убийства Царской Семьи, такъ какъ ни въ какихъ материалахъ, относящихся къ подготовкѣ и къ совершенію убийства, фамилія Дидковскаго не встрѣчается. Куда онъ дѣлся послѣ эвакуаціи Екатеринбурга—неизвѣстно.

Вдохновители по Лжи.

Преступленія вдохновляются идеями, побужденіями, или разсчетами, носителями которыхъ являются или отдельные лица, или сообщества людей, руководящихся опредѣленными цѣлями. Историческо-національные преступленія кромѣ того вдохновляются зачастую цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ историческихъ и національныхъ положеній, элементовъ и факторовъ политического характера, логически приводящихъ къ неизбѣжности заключительной катастрофы.

Было бы большимъ заблужденіемъ разсчитывать исчерпать въ настоящихъ материалахъ и мысляхъ обширность и глубину всѣхъ историческихъ обстоятельствъ и причинъ, приведшихъ Царствовавшій Домъ Россіи къ трагедіи въ Иппатьевскомъ домѣ, и задача текущей работы изслѣдованія преступленія ограничилась лишь попыткой установить

ближайшія вліянія и современныхъ дѣятелей, вдохновившихъ конецъ послѣдняго акта исторической драмы, постепенно слагавшейся вокругъ Августѣйшей Семии Дома Романовыхъ.

Естественно, что изслѣдованіе совершившагося преступленія и изученіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ это исключительное по изувѣрству событие, не могли ограничиться только простымъ установленіемъ данныхъ: кто изъ совѣтскихъ дѣятелей и адептовъ ея власти принималъ фактическое участіе въ уничтоженіи, въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 года, Членовъ Царской Семии въ городѣ Екатеринбургѣ; кто въ ночь съ 18-го на 19-е іюля того же года сбросилъ въ Нижне-Семиченскую шахту подъ Ала-паевскомъ Великую Княгиню, Великаго Князя и Князей Дома Романовыхъ, содержавшихся совѣтской властью въ этомъ городѣ, и кто, наконецъ, увелъ въ ночь съ 21-го на 22-е іюня того же года изъ гостиницы въ Перми Великаго Князя Михаила Александровича и разстрѣлялъ Его въ лѣсу за Мотовилихинскимъ заводомъ?

Уже данныя предварительного слѣдствія Сергѣева давали основаніе усматривать существованіе во всѣхъ этихъ преступленіяхъ общей идеи, общаго плана ихъ выполненія и общаго руководства изъ одного какого-то центра. Сергѣевъ полагалъ, что въ отношеніи всѣхъ перечисленныхъ преступленій такимъ вдохновляющимъ центромъ являлся исключительно Уральскій областной совѣтъ, или его президіумъ. По его мнѣнію, эти убийства нельзя было рассматривать иначе, какъ самочинные акты мѣстныхъ совѣтскихъ представителей, дѣйствовавшихъ вполнѣ самостоятельно, за свою личную ответственность, и совершенно отрицаль причастность къ идеѣ, плану и руководству этими событиями центральной власти въ Москвѣ. Характерно, что такое же именно положеніе проводилось и представителями какъ центральной, такъ и мѣстной совѣтской власти. Это видно изъ ихъ официальныхъ извѣщеній о разстрѣлѣ бывшаго Царя, въ коихъ говорилось, что разстрѣлъ былъ произведенъ „по постановленію президіума областного совѣта Р. К. и К. Д. Урала“, а затѣмъ позднѣе и изъ инсценированного ими въ Москвѣ процесса по поводу убийства всей Царской Семии, на которомъ вся инициатива преступленія была приписана фантастическому члену Екатеринбургскаго совѣта и предсѣдателю чрезвычайной комиссіи эс-эру Яхон-

тову, котораго и разстрѣляли за это будто бы совершенное имъ въ цѣляхъ дискредитированія совѣтской власти самочинное преступленіе.

Казалось бы, что сама жизнь уже достаточно указала, что никакимъ офиціальнымъ извѣщеніямъ и заявленіямъ совѣтскихъ властей вѣрить нельзя. Ложь профессіональная и ложь профессіоналовъ — иначе невозможно охарактеризовать способы и пріемы правленія и дѣятельности совѣтскихъ представителей большевистскаго режима. Той же ложью были наполнены и ихъ офиціальная извѣщенія о разстрѣлѣ бывшаго Царя, во-первыхъ потому, что никакого приговора президіума о разстрѣлѣ „Николая Романова“ постановлено не было, хотя бы по той причинѣ, что разстрѣланъ былъ вовсе не одинъ бывшій Царь, а вся Царская Семья, а во-вторыхъ и потому, что убийства Членовъ Дома Романовыхъ имѣли мѣсто не только на Уралѣ, но и въ другихъ пунктахъ Европейской Россіи, и все въ тотъ же періодъ лѣта 1918-го года. Слѣдовательно, вдохновлявшій эти преступленія центръ долженъ былъ быть не на Уралѣ, а въ другомъ мѣстѣ Россіи или міра, откуда идеи и планы центра приводились точно въ исполненіе на мѣстахъ послушными не только по формѣ, но и по духу агентами главарей этого центра. На Уралѣ могли быть лишь руководители и исполнители преступленій.

Эти соображенія понудили Соколова направить работу слѣдствія по болѣе широкимъ путямъ, въ цѣляхъ освѣтить степень причастности къ кошмарному, изувѣрскому убийству бывшаго Государя Императора и Его Семьи, представителей центральной совѣтской власти въ Москвѣ. Съ этой цѣлью были предприняты новые розыски различныхъ документовъ въ бывшихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ и на покинутыхъ ими квартирахъ, въ телеграфныхъ и почтовыхъ учрежденіяхъ Екатеринбурга, Перми, Тобольска и Тюмени. Были приняты мѣры къ выясненію дѣятельности главарей преступленія послѣ бѣгства ихъ изъ Екатеринбурга и предприняты шаги въ цѣляхъ розыска и поимки чиновъ охраны „дома особаго назначенія“, часть коихъ послѣ взятія нами Перми бѣжала отъ совѣтской власти и скрывалась среди населенія въ Сибири. Особое вниманіе Соколовъ удѣлилъ допросамъ цѣлаго ряда лицъ изъ числа состоявшихъ при Царской Семье въ Тобольскѣ и близко знавшихъ Ея личную жизнь, и съ другой стороны, допросамъ тѣхъ изъ

мѣстныхъ жителей, которые за время нахожденія совѣтской власти въ Екатеринбургѣ имѣли какое-либо отношеніе къ отдѣльнымъ ея представителямъ и могли случайно слышать отъ нихъ сужденія и мнѣнія, какъ по вопросу, непосредственно касавшемуся преступленія, такъ и по характеристику вообще общаго положенія совѣтской власти того времени въ Россіи. Наконецъ, для болѣе широкаго освѣщенія вопроса и изслѣдованія идей, вдохновившихъ преступленіе, были собраны различные материалы, литературные труды, брошюры и замѣтки periodической печати, излагавшіе и оцѣнившіе событія послѣдняго времени и позволившіе нѣсколько изучить вопросы исторического и национального характеровъ, имѣвшіе отношеніе къ переживаемымъ Россіей событіямъ.

Результаты изслѣдованія дали много материала; материала быть можетъ недостаточнаго для окончательного установленія фактическихъ вдохновителей, идей, вдохновлявшихъ преступленіе, но достаточнаго, чтобы утверждать, что вдохновители трагическихъ событій были не на Уралѣ. Вопросъ изслѣдованія преступленія въ этой области не конченъ и не могъ быть законченъ въ тотъ краткій срокъ, который имѣлся въ распоряженіи слѣдствія и разслѣдованія. Въ окончательныхъ выводахъ это по существу вопросъ будущихъ историковъ и будущей Россіи. Настоящее же изслѣдованіе во всемъ послѣдующемъ повѣствованіи этой книги даетъ только сырой материалъ и нѣкоторыя мысли, вытекающія: 1) изъ общаго характера большевистскаго движения въ Россіи, 2) изъ основныхъ свойствъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ совѣтскихъ дѣятелей и 3) какъ слѣдствіе нѣкоторыхъ историческихъ событій, предшествовавшихъ современной катастрофѣ въ Россіи и разыгравшейся трагедіи въ Иппатьевскомъ домѣ.

Среди народовъ Россіи, какъ и среди всѣхъ прочихъ народовъ міра, живетъ государственно разсѣяннымъ, но тѣсно сплоченнымъ въ племенномъ отношеніи, еврейскій народъ. Отличительными чертами всей четырехъ-тысячнолѣтней исторіи этого народа являются: невѣроятная слабость государственныхъ устоевъ націи и исключительная сила племенного начала семитической рассы. За весь долгій срокъ своего мірового существованія, самостоятельнымъ

національнимъ государствомъ єврейскій народъ продержался всего около 515 лѣтъ (отъ Іисуса Навина до раздѣленія на Іудею и Самарію), но даже и въ теченіи этого короткаго государственаго періода жизни єврейство, по причинамъ внутреннихъ раздоровъ, восемь разъ теряло свою самостоятельность, подпадая на разные сроки подъ рабство другимъ народамъ, такъ что чисто самостоятельнымъ народомъ Израиль пробылъ всего около 330 лѣтъ (т.-е. менѣе десятой части своего исторического существованія).

Історія Израїля, а позднѣе єврейскаго народа, это исторія почти сплошныхъ, непрерывныхъ, духовныхъ и соціальныхъ революцій. Ни какой другой народъ не выдержалъ бы тѣхъ революціонныхъ потрясеній съ ихъ послѣдствіями, которая выдержало єврейское племя, и, вѣроятно, или совершиенно исчезъ бы съ арены мірового существованія, или, если бы и сохранился, то въ существенно видоизмѣнившемся племенному состояніи и въ какого-либо значенія въ политической и духовной жизни другихъ народовъ міра.

Но єврейскій народъ не исчезъ, не ассимилировался и не потерялъ мірового значенія. Евреи, говорять, страшная міровая сила. Ихъ рассовая энергія, выносливость, живучесть и стойкость побѣждали и побѣждаютъ всѣ тѣ невѣроятныя гоненія, притѣсненія и истребленія, которыми наполнена исторія этого народа со временъ Египетскаго плѣна и до нашихъ дней. Нынѣшнему єврейскому народу приписываются сосредоточеніе въ своихъ рукахъ колоссальныхъ материальныхъ богатствъ во всемъ мірѣ. Ему придаютъ исключительное влияніе на политические и особенно соціальные міровые вопросы. Єврейскаго народа и связываемаго съ нимъ єврейскаго вопроса боятся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ненавидятъ и презираютъ, какъ боятся и презираютъ сквернью, грязную болѣзнь.

Въ древней исторіи міра Израилю было дано больше, чѣмъ какому-либо другому народу: Израиль былъ народомъ избраннымъ, тѣмъ народомъ, который изъ своей среды далъ міру Великихъ Пророковъ религіи Единаго Бога; далъ позже Святую Дѣву—Матерь Божью; Мессію—Христа и величайшихъ проповѣдниковъ ученія любви — Апостоловъ Павла, Іоанна и Петра. Єврейскій народъ въ своей мистической и знаменательной исторіи послужилъ тѣмъ оствомъ дерева, къ которому привились вѣтви христіанского ученія всего міра.

И вмѣсть съ тѣмъ евреи, говорять, есть источникъ почти всѣхъ соціальныхъ катастрофъ, періодически посѣщающихъ міръ. Еврейскій народъ создалъ нынѣшихъ Бронштейновъ, Апфельбаумовъ, Голощекиныхъ и Юровскихъ и далъ опору Ленинымъ, Красинымъ, Бѣлобородовымъ и Ермаковымъ для совмѣстныхъ съ ними соціалистическихъ экспериментовъ надъ несчастнымъ Россійскимъ народомъ. Еврейскій народъ, говорятъ, ненавидитъ всѣ христіанскіе народы, какъ вѣчный укоръ ему въ преступленіи предковъ, и какъ своихъ естественныхъ религіозныхъ противниковъ. Еврейскій народъ есть то ало, тотъ народъ „сыновъ Лжи“, который стремится водворить на землѣ свое царство, царство анти-христіанское и покорить ему Христіанскій міръ...

Такъ ли это?

Еврейскій ли народъ ало?—народъ „сыновъ Лжи?“ Еврейскому ли народу далъ Великій Учителъ это опредѣленіе?

„Ибо не всѣ тѣ Израильяне, которые отъ Израиля, и не всѣ дѣти Авраама, которые отъ сѣмени его“, говоритъ Апостолъ Павелъ.

Пожалуй никогда „еврейскому вопросу“ въ Россіи не угрожало принять такія болѣзnenныя и острыя формы, какія могутъ создаться въ случаѣ крушенія совѣтской власти. Уманьская рѣзня, Запорожскіе погромы XVI столѣтія могутъ оказаться ничтожными по сравненію съ тѣмъ взрывомъ народной ненависти къ евреямъ, съ той дикой и слѣпой злобой, которая нынѣ накапливается во всѣхъ уголкахъ Европейской и Азіатской Россіи, среди всѣхъ коренныхъ народовъ раззоренной Россіи, подъ вліяніемъ особыхъ условій, вытекающихъ изъ сущности большевистскаго ученія.

Носителями идеи, проповѣдуемыхъ большевиками, являются индивидуумы самыхъ разнообразныхъ націй всего свѣта. Но нельзя отрицать того факта, что въ Россіи евреи составили слишкомъ большой относительный процентъ въ средѣ главнѣйшихъ совѣтскихъ руководителей, и это обстоятельство создаетъ въ массахъ твердое убѣжденіе, что все зло, постигшее Россію, исходитъ отъ евреевъ.

Большевики проповѣдуютъ принципы интернаціонализма. Въ глазахъ массы этотъ послѣдній выгоденъ и желателенъ только евреямъ, разсѣяннымъ по всему свѣту. За 2500 лѣтъ своего интернаціонального положенія они приспособились

къ таковому, захватили почти во всѣхъ странахъ въ свои руки финансы, торговлю и печать, что при торжествѣ интернационала предоставить имъ и политическую міровую власть. Отсюда среди національныхъ народныхъ массъ сложилось мнѣніе, что еврейство пользуется крайними соціалистическими идеями и формами, лишь какъ средствами для достиженія ихъ личной, самодержавной, міровой гегемоніи.

Большевизмъ теоретически отвергъ всѣ религіи, но практическіи притѣсненіямъ подверглись въ Россіи только христіанскія церкви, христіанскія религіи. Совѣтская власть не трогала ни раввиновъ, ни синагогъ, ни еврейской религіи. Это особенно рѣзко подчеркнуло специфический духъ совѣтской власти, хотя безусловно ея главари изъ еврейского племени сами отверглись и отъ своей религіи. Тѣмъ не менѣе въ русской народной массѣ глубоко вкоренилось заключеніе, что анти-христіанство большевистскаго ученія создано и проводится евреями.

Массовое засиліе евреями высшихъ административныхъ и политическихъ должностей совѣтскихъ органовъ управлінія, особыя привилегіи, которыми пользуются эти лица, служать только подтвержденіемъ народной молвѣ о роли евреевъ въ современныхъ событияхъ въ Россіи. Провозглашенные русско-еврейскими главарями большевистскаго ученія принципы народовластія, проповѣдуемые ими высокіе лозунги всемірного равенства, братства и свободы, не только не разрѣшили въ Россіи исторического, болынго и мрачнаго „еврейскаго вопроса“, а, наоборотъ, усугубили его, и едва ли можно сомнѣваться въ неизбѣжности въ недалекомъ будущемъ невѣроятныхъ, массовыхъ, кровавыхъ еврейскихъ погромовъ. Десятки тысячъ Ицекъ, Мовшей, Срулей, Сарь, Ривокъ и прочихъ бывшихъ гражданъ Израиля, а нынѣ жителей различныхъ грязныхъ мѣстечекъ Теофиполей, Бѣлгородокъ, Чарторій и Межибужій, заплатятъ разгромами, раззореніемъ, имуществомъ и жизнью за соціальные, кровавые и изувѣрскіе эксперименты своихъ единоплеменниковъ Бронштейновъ, Цедербаумовъ, Тобельсоновъ, Голощекиныхъ и Юровскихъ, и едва ли кто-либо способенъ предотвратить эти новые потоки крови, грядущій ужасъ насилий надъ еврейской голытьбой со стороны обманутой и изнасилованной толпы народовъ Россіи.

Еврейскіе главари совѣтской власти на крови христіанской интеллигенціи взrostили и закалили россійскій про-

летаріатъ для завершенія кровавой большевистской эпопеи кровавыми єврейскими погромами.

Разрѣшала ли когда-нибудь кровь „єврейскій вопросъ?“
Никогда.

„Єврейскій вопросъ“ въ глубокомъ значеніи, это вопросъ идейный. Преслѣдованія, насилия, избіенія не разрѣшаютъ идей, а утверждаютъ ихъ послѣдователей и создаютъ имъ ореолъ мучениковъ, жертвъ. Такъ въ первые три вѣка ужасныхъ гоненій, изувѣрскихъ истребленій послѣдователей идей Христа, христіанство укрѣпилось, разрослось и побѣдило окончательно міръ.

Въ борьбѣ идей побѣждаетъ не сила. Напрасно пренебрегать этимъ закономъ.

И тѣмъ не менѣе какъ въ періодъ древнѣйшей исторіи, когда Израиль былъ окружено языческими народами, такъ и въ новѣйшей исторіи, среди христіанского міра, и власти, и общественные круги, и цѣлые народы шли постоянно по ложному пути разрѣшенія „єврейскаго вопроса“ черезъ кровь, насилие, избіеніе, не останавливаясь даже въ своихъ побужденіяхъ желаніемъ поголовно стереть єврейскій народъ съ лица земли и тѣмъ покончить будто бы съ его вопросомъ.

„Какъ скоро будетъ получено это письмо“, писалъ Птоломей Филиппаторъ приказъ обитателямъ Египта и мѣстнымъ военачальникамъ и воинамъ, „тотчасъ упомянутыхъ нами людей съ ихъ женами и дѣтьми выслать къ намъ на смертную казнь, безпощадную и позорную, достойную такихъ злоумышленниковъ. Если они въ одинъ разъ будутъ наказаны, то мы надѣемся, что на будущее время наши государственные дѣла придутъ въ совершенное благоустройство и наилучшій порядокъ. Если же кто укроетъ кого изъ Іудеевъ, отъ старика до ребенка, не исключая грудныхъ младенцевъ, долженъ быть истребленъ со всѣмъ его домомъ жесточайшимъ образомъ. А кто откроетъ кого-либо, тотъ получитъ имѣніе виновнаго и еще двѣ тысячи драхмъ изъ царской казны, получить свободу и будетъ почтенъ. Всякое мѣсто, гдѣ будетъ пойманъ укрывающійся Іудей, должно быть опустошено и выжжено такъ, чтобы никому изъ смертныхъ ни на что не было годно на вѣчныя времена“.

Такъ мыслилъ язычникъ за два вѣка до Рождества Христова и о томъ же мечтаютъ нынѣ многіе, дерзающіе считать себя христіанами.

Не въ состояніи были, видимо, перевоспитать взгляды массы на „еврейскій вопросъ“ и соціальную теорію братства, проповѣдывавшіяся въ совѣтской Россіи Ленинымъ, Бронштейномъ и ихъ единомышленниками интернаціональной политической вѣры. Судя по доходящимъ свѣдѣніямъ, въ совѣтской Россіи уже сейчасъ вспыхиваютъ мѣстами еврейские погромы, истребляются комиссары евреи, и тысячи еврейскихъ семей бѣгутъ куда попало, бросая свое имущество и достояніе. „Еврейскій вопросъ“ совѣтскимъ режимомъ углубленъ, расширенъ и возвведенъ на степень вопроса религіознаго и національнаго.

Совѣтская власть въ Россіи отождествляется съ властью еврейской. Ленинъ, Красинъ, Бухаринъ, Парскій, Бѣлобородовъ, Медвѣдевъ, Ермаковъ и прочая плеяда россійскихъ большевистскихъ руководителей и исполнителей, для психологіи народа, массы, сохраняютъ значеніе личныхъ дѣятелей, именъ собственныхъ. Бронштейнъ, Цедербаумъ, Нахамкесъ, Голощекинъ, Сафаровъ, Юровскій—въ той же психологіи—принимаются какъ коллективы, имена нарицательныя—это еврейскій народъ. Такова историческая психологія массъ въ отношеніи какихъ-либо событий, гдѣ участвуетъ хотя бы одинъ еврей. Она воспиталась исторіей „еврейскаго вопроса“, по существу положеній, изъ которыхъ онъ исторически слагался, и по винѣ различныхъ представителей самого еврейскаго народа.

Когда совершаются какое-нибудь событие, въ которомъ участвуютъ евреи, или хотя бы одинъ еврей, то психологія народныхъ массъ всегда обобщаетъ ихъ участіе и относить событие къ разряду совершенныхъ будто бы всѣмъ еврейскимъ народомъ. Въ поступкахъ и дѣяніяхъ одного еврея вицовнымъ считается весь еврейскій народъ. Народные массы не способны пока проводить грани между Янкелемъ, старьевщикомъ въ Теофиполѣ, и Янкелемъ Свердовымъ, предсѣдателемъ цика въ Москвѣ; между Исаакомъ Юровскимъ, часовщикомъ въ Харбинѣ, и Янкелемъ Юровскимъ, руководителемъ идейнаго преступленія въ Иппатьевскомъ домѣ; между Рубинштейномъ, геніемъ музыкального міра, и Бронштейномъ, геніемъ кровавыхъ соціалистическихъ операций. Для толпы, да и для значительной части интеллигентной общественной массы, всякое зло, творимое при участіи того

или другого Янкеля или Лейбы, исчерпывается нарицательным определением — еврей. Лейба Бронштейнъ—еврей; Исаакъ Голощекинъ—еврей; Янкель Теофипольский—еврей; Сруль Чарторийский—еврей. Слѣдовательно, преступленія Бронштейна, Голощекина, Янкеля, Сруля суть преступлѣвія евреевъ, еврейскаго народа. Еврей одинъ—никогда не дѣйствуетъ; за однимъ, кто бы онъ ни былъ, всегда стоять все другіе евреи, весь народъ.

Такова психологія массъ.

Это первая роковая историческая ошибка, осложняющая соотвѣтственное разрѣшеніе „еврейскаго вопроса“.

Изъ среды русскаго народа вышелъ Ленинъ, но никто не скажетъ, что весь русскій народъ состоитъ изъ Лениныхъ, или исповѣдуется Ленинскіе принципы. Въ Англіи въ свое время появился знаменитый Джекъ—потрошитель животовъ, но никто не дѣлалъ за него отвѣтственнымъ весь англійскій народъ. Но довольно, чтобы изъ среды еврейскаго племени появился одинъ Бронштейнъ, или какой-нибудь еврей, обвиняемый въ ритуальномъ убийствѣ, или въ какомъ-либо другомъ преступленіи противъ общества, и весь еврейскій народъ будетъ считаться солидарнымъ съ Бронштейномъ, или другимъ преступникомъ, и отвѣтственнымъ, какъ отвѣтственны передъ обществомъ эти преступники.

Въ существованіи такого исключительного явленія для еврейскаго народа повинны больше всего сами представители этого племени.

Нынѣшній еврейскій народъ такой же народъ, какъ и всякий другой, и нѣтъ никакихъ причинъ быть ему лучше, чѣмъ другіе народы. Скорѣе обратное, разсѣянность его по всему свѣту, среди самыхъ разнообразныхъ племенъ, соприкосновеніе съ элементами различныхъ моральныхъ и нравственныхъ качествъ и свойствъ, можетъ лишь умножать количество отрицательныхъ сыновъ еврейскаго племени, способствовать созданію въ его средѣ исключительныхъ уголовныхъ и политическихъ преступниковъ, появленію темныхъ и уродливыхъ сектъ, учений и различныхъ изувѣрскихъ увлеченій. Тѣмъ не менѣе разнообразные еврейскіе представители—административные, религіозные и общественные не желали считаться съ общими условіями, существующими для всѣхъ другихъ народовъ, и при каждомъ обвиненіи въ чѣмъ-либо еврея считали нужнымъ выступать на защиту его,

обыкновенно еще до судебныхъ разборовъ, отъ имени всего еврейского народа. Достаточно вспомнить дѣло Дрейфуса, или хотя бы болѣе знакомое для Россіи дѣло Бейлиса, обвинявшагося въ 1911 году въ ритуальномъ убийствѣ мальчика Ющинского.

По поводу ритуальныхъ убийствъ существуетъ обширная литература, берущая свое начало едва ли не со II вѣка, когда еще сами евреи обвиняли первыхъ христіанъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. Бывали ли такія уродливыя секты? Существуютъ ли онѣ теперь? Это вопросъ особаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ давность этого вопроса не позволяетъ судить о немъ поверхностно, и чѣмъ больше гласного свѣта проливалось бы на него, тѣмъ скорѣе истина стала бы извѣстна миру. Вместо этого представители и защитники еврейского народа, при каждомъ возникновеніи обвиненія кого-либо изъ евреевъ въ ритуальномъ преступлѣніи, подымаютъ по этому поводу такой міровой шумъ, который, съ одной стороны, разжигаетъ лишь страсти спорящихъ сторонъ и не способствуетъ этимъ установлению истины, а, съ другой стороны, сами втягиваютъ зачѣмъ-то въ борьбу страстей имя всего еврейского народа. Такъ напримѣръ едва возникло дѣло Бейлиса, какъ 813 раввиновъ сочли нужнымъ выступить съ голословнымъ протестомъ въ возводимомъ на Бейлиса обвиненіи:

„Мы, раввины, посвятившіе свою жизнь всестороннему изученію еврейской вѣры, ея письменности и устныхъ преданій, протестуемъ съ глубокимъ возмущеніемъ и негодованіемъ противъ кощунственного обвиненія, и приемлемъ священный долгъ предъ лицомъ Всемогущаго Бога, Бога Израилля, и передъ всѣмъ міромъ торжественно заявить:

„Нигдѣ, ни въ Священномъ Писаніи, ни въ Талмудѣ, ни въ комментаріяхъ къ нимъ, ни въ Зогарѣ, ни въ Каббалѣ, ни въ какихъ-либо изъ произведеній, имѣющихъ хотя бы самое отдаленное отношеніе къ еврейскому вѣроученію, ни даже въ устныхъ народныхъ преданіяхъ, нигдѣ не содержится ни малѣйшаго намека, который давалъ бы поводъ къ подобному обвиненію“.

Могутъ ли такія голословныя заявленія разувѣрить кого-нибудь послѣ того, какъ болѣе 1500 лѣтъ тому назадъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, создалось убѣжденіе, что ритуальные убийства существуютъ. Даже по существу протестъ раввиновъ слишкомъ слабъ, такъ какъ при желаніи

сама Библія даетъ много поводовъ усматривать существование въ древнемъ Израилѣ убийствъ, очень приближающихся по свойствамъ къ характеру ритуальныхъ убийствъ (например, эпизодъ съ убийствомъ царемъ Давидомъ дѣтей Рицпы: „и отдалъ ихъ въ руки Гаваонитянъ, и они повѣсили ихъ на горѣ предъ Господомъ. И погибли всѣ семь; они умерщвлены въ первые дни жатвы, въ началѣ жатвы ячменя“). Это была искупительная жертва за посланный Богомъ голодъ). Разубѣдить словомъ тысяче-лѣтнюю молву нельзя, а между тѣмъ события, касающеся одного еврея, оспаривается религией цѣлаго племени, именемъ цѣлаго народа и его Бога. Такъ какъ судебные процессы этого свѣтства крайне сложны и темны, не проливаются полнаго свѣта на истину, благодаря страстности, вносимой обѣими сторонами, то въ народной массѣ протесты, подобные приведенному, производятъ обратное впечатлѣніе — виновенъ не только Бейлисъ, но весь народъ, который выступилъ на его защиту, и опредѣленно и ясно ничего не доказалъ.

Зашитники другого еврейского лагеря, противники раввиновъ, впадаютъ въ противоположную крайность; ими руководитъ основное отрицательное свойство еврейской націи, погубившее ее въ соціальныхъ экспериментахъ, колоссальное самомнѣніе.

„Нравимся мы или не нравимся, пишетъ по поводу заявленія раввиновъ одинъ изъ такихъ представителей, это намъ въ концѣ концовъ совершенно безразлично. Ритуального убийства у насъ нѣть и никогда не было; но если они хотятъ непремѣнно вѣрить, что „есть такая секта“, пожалуйста, пусть вѣрятъ, сколько влѣзетъ. Какое намъ дѣло, съ какой стати намъ стѣсняться? Краснѣютъ развѣ наши сосѣди за то, что христіане въ Кишиневѣ вбивали гвозди въ глаза еврейскимъ младенцамъ? Нисколько; ходятъ, поднявъ голову, смотрять всѣмъ прямо въ лицо, и совершенно правы, ибо такъ и надо, ибо особа народа царственна, не подлежитъ отвѣтственности и не обязана оправдываться, даже тогда, когда есть въ чемъ оправдываться. Съ какой же радости лѣзть на скамью подсудимыхъ намъ, которые давнымъ давно слышали всю эту клевету, когда нынѣшихъ культурныхъ народовъ еще не было на свѣтѣ, и знаемъ цѣну ей, себѣ, имъ? Никому мы не обязаны отчетомъ, ни передъ кѣмъ не держимъ экзамена, и никто не доросъ звать на насъ къ отвѣту. Раньше ихъ мы пришли и позже

уйдемъ. Мы такъ есть, для себя хороши, иными не будемъ и быть не хотимъ“.

Такого рода выступления представителей еврейского народа дѣйствуютъ на массу еще хуже, чѣмъ протесты вышеупомянутаго характера раввиновъ. „Иными не будемъ и быть не хотимъ“—звучить вызовомъ, и при общей непріязни и ненависти къ евреямъ, служить не убѣжденіемъ, а масломъ, подливаемымъ въ огонь. Самъ писавшій эти строки останется въ сторонѣ; его слова, его бравада принимается массой, какъ голосъ изъ еврейского народа, и какъ свиснувшій надъ толпою бичъ, подхлестнетъ ее на эксцесы противъ бѣднаго еврейскаго люда, ни въ чемъ не повиннаго.

Но приведенные слова защитника еврейского народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противника примирительной тактики раввиновъ, говорятъ еще и о другомъ:

„Иными не будемъ и быть не хотимъ“. Это приговоръ еврея историческому дѣятелю изъ Израиля. Это не случайно вырвавшееся заключеніе, въ этихъ семи словахъ выражена вся сущность натуры древняго Израильянина, но сохранившаяся неизмѣнной съ ветхозавѣтныхъ временъ до нашихъ дней, и приведшая его по историческому пути отъ великаго—въ прошломъ, къ ничтожеству—въ настоящемъ; страстность съ горячностью, съ одной стороны, и колоссальное самомнѣніе съ ложной гордостью—съ другой.

„Иными не будемъ и быть не хотимъ“—не создаетъ „царственности особы народа“, какъ быть можетъ полагаетъ высказавшій это положеніе еврей, а служить лишь къ унижению его, такъ какъ всѣ остальные народы, культурно прогрессируя, вѣчно стремятся впередъ, къ усовершенствованію, къ достиженію высшей гармоніи между природнымъ духомъ народной массы и формой своего государственного строительства.

„Иными не будемъ и быть не хотимъ“—вѣроятно, съ такимъ же самомнѣніемъ, страстно горѣло въ умахъ и сердцахъ и тѣхъ старѣйшинъ и книжниковъ Израильскаго народа, которые оттолкнули протянутый имъ Христомъ хлѣбъ жизни. Но они не только оттолкнули Его; они съумѣли сдѣлать соучастниками своего преступленія весь нынѣшній еврейскій народъ. Въ 33-мъ году по Р. Х. небольшая кучка Іудейскихъ руководителей совершила преступленіе и, отвергнувъ учение Христа, не признавъ Его Мессіей, создала анти-христіанство. Приблизительно уже черезъ 500 лѣтъ

разсвяянный по всему міру єврейскій народъ былъ весь анти-христіанскимъ.

Первые христіане были всѣ изъ єврейскаго народа.
Куда же исчезли ихъ потомки?...

Вѣдь только благодаря исключительной духовной силѣ этихъ евреевъ, разнесшихъ свѣтъ Христова ученія въ мірѣ, христіанство смогло въ теченіи первыхъ 300 лѣтъ своего существованія выдержать невѣроятныя гоненія, насилия и истребленія, и не только не погибнуть, но побѣдить міръ силою высшей любви и непоколебимой вѣры въ истину Сына Божьяго. Куда же исчезли потомки этихъ безконечно могучихъ по духу евреевъ?...

Совершилась непостижимая мистерія, евреи-христіане исчезли съ лица земли. Въ наше время народныя массы убѣждены въ томъ, что Христа отвергъ єврейскій народъ. Такъ за преступленіе горсти евреевъ страдать можетъ весь єврейскій народъ.

И такъ—во всемъ, всегда.

Что это? Промыселъ Божій, или мрачная тайна сектантства?

Вѣрюющій въ начало всего отъ Единаго Бога имѣть отвѣтъ въ словахъ Ангела Уріела: „ты и того, что твое и съ тобою отъ юности, не можешь познать; какъ же сосудъ твой могъ бы вмѣстить въ себѣ путь Всевышняго“.

„Єврейскій вопросъ“ и большевистское ученіе въ существѣ своего происхожденія имѣютъ одинаковое основаніе, исходить отъ одного корня—религії Лжи.

Это не та будничная, дешевенькая ложь, которая питаетъ „єврейскій вопросъ“ ритуальными преступленіями, извращенными толкованіями положеній Талмуда, Каббалы и Зогары; это не та демагогическая ложь, которой полна дѣятельность совѣтскихъ главарей и которой насыщаются ихъ рѣчи, законы, книги, газеты, дабы прикрыть несостоятельность бездушного большевистского ученія. Это та міровая, материалистическая, историческая ложь, которая съ древнѣйшихъ временъ существованія человѣка вовлекла его въ борьбу съ Божественностью всякаго начала на землѣ. Это та ложь, которая въ большевизмѣ сплетается въ одно ученіе идей коммунизма съ насилиемъ, звѣрствомъ и безпредѣльной кровавой местью, а въ „єврейскомъ вопросѣ“—христіанскую заповѣдь любви съ израильскимъ завѣтомъ—„око за око и

зубъ за зубъ". Это та *Ложь*, о которой Христосъ предупреждалъ своихъ учениковъ: „ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ, и будуть говорить, что это Я и многихъ прельстять“.

Это *Ложь*, претворяющая на землѣ Божественныя и Христовы начала соціальныхъ человѣческихъ взаимоотношений въ политической формѣ материализованнаго соціалистического ученія. Это *Ложь*, которую гордыня человѣческаго ума стремится поставить *Правдой* на землѣ.

Напрасно полагать, что „еврейскій вопросъ“ присущъ исключительно еврейскому народу. Высшей *Ложью* страдаютъ всѣ мыслящіе народы міра и еврейскому народу принадлежитъ только историческое первородство въ этомъ вопросѣ, предопределеннное его Божественнымъ избранничествомъ. Давность этой ужасной болѣзни въ еврейскомъ народѣ, и соотвѣтственная ей быть можетъ большая восприимчивость ея еврейскими индивидуумами, дали ей наименование „еврейскаго вопроса“, и въ представлениіи массъ, не разбирающихся въ существѣ его, онъ пріобрѣлъ специфическое значеніе, присущее только всему еврейскому народу. При этомъ вопросъ колossalнаго мірового значенія, вопросъ бытія человѣчества подъ вліяніемъ низменныхъ человѣческихъ чувствъ, подъ вліяніемъ некультурности массъ, низведенъ въ область сектантскихъ и бытовыхъ обособленностей еврейскаго племени, съ загроможденіемъ ихъ порой къ тому же многочисленными навѣтами и сказками, создаваемыми молвой, темнотой массъ и далеко не христіанскими принципами.

Создавшаяся съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ внѣшняя оболочка, какъ бы кора, окутавшая весь еврейскій народъ, скрыла истинную сущность „еврейскаго вопроса“, и не позволяетъ христіанскимъ народнымъ массамъ подойти къ правильному разрѣшенію его. Съ другой стороны, огульныя презрѣніе и непріязнь ко всему еврейскому народу не позволяютъ пробудиться справедливому сознанію, что Бронштейны, Апфельбаумы, Тобельсоны, Сафаровы, Голощекины, Юровскіе не представляютъ собой всего еврейскаго народа, а являются въ дѣйствительности такими же исчадіями его, исключительными изувѣрами, сынами *Лжи*, какъ и россійские Ленины, Красины, Парскіе, Черновы, Керенскіе, Бѣлобородовы, Ермаковы, въ отношеніи русскаго народа.

Большой вредъ приносять тѣ россіяне, которые за-
темняютъ истинное ужасное зло, скрывающееся въ міровомъ
„еврейскомъ вопросѣ“ подъ оболочкой навязываемыхъ всему
еврейскому народу ритуальныхъ преступленій, фантасти-
ческихъ сіонскихъ протоколовъ и различныхъ ученій сек-
тантскихъ изувѣровъ. Это вызываетъ въ христіанскихъ на-
родахъ только огульное и искусственное озлобленіе, а озло-
бленіе родить преступную слѣпоту и предоставляетъ съ-
намъ Лжи скрываться за спиной всего народа Израиля,
безпрепятственно продолжая сѣять зло и умножая тѣмъ
своихъ сторонниковъ въ другихъ народахъ міра.

Опасное міровое зло „еврейского вопроса“ не въ еврей-
скомъ народѣ, а въ тѣхъ лежащихъ въ его основаніи прин-
ципахъ соціалистическихъ ученій, которые исторически
выдвигались различными представителями еврейской мысли,
мечтавшими съ древнѣйшихъ временъ въ гордынѣ своего
ума и самомнѣнія стать творцами земного бытія, въ воли
и законовъ единственнаго истиннаго начала всего вселен-
скаго творенія—Единаго Бога. Явилось это, какъ слѣдствіе
борьбы въ мірѣ, съ началомъ его существованія, двухъ
основныхъ тенденцій человѣческой мысли: материалисти-
ческой и идеалистической. Чрезмѣрная гордость и большое
самомнѣніе, развивавшіяся въ средѣ отдѣльныхъ мысли-
телей, затмили ихъ мудрость и уклонили ихъ отъ воспри-
нятія дѣйствительной религіи бытія, съ началомъ всего въ
Духѣ-Богѣ. Въ противовѣсь религіи Духа, они выдвинули
религію соціализма, а Божественность начала всего въ Духѣ
замѣнили кумиромъ самостоятельно существующей матеріи.

Эта высшая Ложь, замѣна въ законахъ бытія идеологіи
матеріей, послужила основаніемъ возникновенія съ древнѣй-
шихъ временъ мірового „еврейского вопроса“, какъ объ
этомъ особо ярко свидѣтельствуетъ хотя бы приведенный
выше приказъ Птоломея Филипатора. Вызванная этимъ во-
просомъ въ самомъ Израилѣ борьба тенденцій человѣческой
мысли поучительна и знаменательна для другихъ народовъ
міра, повторяющихъ нынѣ тѣ же ошибки въ духовной и по-
литической жизни, черезъ которые прошелъ еврейскій на-
родъ (въ теченіи своей древней, государственной, націо-
нальной и самостоятельной жизни. Сильные въ религіи
Духа христіанскіе народы должны не чуждаться еврей-
скаго народа, а умѣть уважать въ исторіи его зеркало,
отражающее въ себѣ повторяемые современными народами

соціальні експерименти отщепенцівъ быльхъ временъ Израїля.

Не Бебели, Марксы, Лассали и Сенъ-Симоны являются создателями современныхъ материализованныхъ соціалистическихъ учений; корни ихъ принциповъ, основы ложныхъ положеній лежать въ далекихъ, ветхозавѣтныхъ исканіяхъ мысли представителей Израильского племени. Бронштейны, Тобельсоны, Ленины, Черновы, Зензиновы и прочіе современные проповѣдники нынѣшнихъ разнообразныхъ соціалистическихъ платформъ и программъ имъютъ своихъ предшественниковъ еще въ допотопномъ періодѣ человѣческаго существованія. Объ этихъ сынахъ Лжи библейское сказаніе упоминаетъ еще въ словахъ Еноха, „седьмого человѣка по Адамъ“: „се идетъ Господь со тьмами святыхъ Ангеловъ Своихъ, сотворить судъ надъ всѣми и обличить всѣхъ между ними нечестивыхъ во всѣхъ дѣлахъ, которые произвело ихъ нечестіе, и во всѣхъ жестокихъ словахъ, которые произносили на Него нечестивые грѣшники“. „Это—ропотники“, добавляетъ Апостолъ Іуда, „ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ (нечестиво и беззаконно); уста ихъ произносятъ надутыя слова; они оказываютъ лицепріятіе для корысти“.

Ученія современныхъ соціалистическихъ мудрецовъ міра, оперирующихъ въ материалистическихъ тенденціяхъ мысли, не создаютъ чего-либо новаго, совершенного, а толкутся жалко на одномъ и томъ же мѣстѣ человѣческаго самомнѣнія, на которомъ толклись и ихъ предшественники соціалистическихъ теорій, формъ и экспериментовъ изъ древней исторіи Израильского народа. Ааронъ, Корей, Валаамъ, Офні, Финесь, Илій, даже отчасти такіе, какъ Соломонъ, Ездра, Рабби Акиба и сотни другихъ лицъ—это прародители современныхъ учителей и послѣдователей соціализма, революціонеры противъ религіи Духа и идеологическихъ тенденцій человѣческой мысли. Въ области созданія человѣчеству свѣтлой жизни и бытія на принципахъ материализованаго соціализма мудрость людская не сдѣлала ни шага впередъ по сравненію съ тѣмъ, что разсказываетъ древняя исторія Израїля, и какъ въ до-христіанскій періодѣ существованія Израїля, соціальные эксперименты руководившихъ лицъ и сословій создавали лишь катастрофы для народныхъ массъ, такъ и нынѣ міръ подвергаетъ себя тѣмъ же искушеніямъ раззоренія, рабства, гибели, слѣдя за про-

роками ложныхъ идей, какія пережилъ въ свое время еврейскій народъ.

Эти пророки ложныхъ соціальныхъ идей и являются дѣйствительными творцами мірового исторического вопроса, носящаго название „еврейскаго вопроса“. Имя это стало появляться въ исторіи со временъ Вавилонскаго плененія Израиля и начала его мірового разсѣянія и сохранилось до настоящихъ дней. Истинный смыслъ его, какъ революціоннаго соціалистическаго ученія, затмился съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ и его стали считать вопросомъ, присущимъ всему еврейскому народу.

Это другая изъ крупнѣйшихъ, роковыхъ, историческихъ ошибокъ, забронировавшая разрѣшеніе „еврейскаго вопроса“. Борьба съ нимъ—это борьба съ *Ложью* соціалистическихъ ученій, но такъ какъ, съ другой стороны, „еврейскій вопросъ“ ошибочно считается вопросомъ еврейскаго народа, то всякія попытки активной, коренной борьбы съ его основаніемъ встрѣчаются въ мірѣ, какъ акты проявленія группами христіанскихъ вѣроисповѣданій нетерпимости къ еврейскому народу и его анти-христіанской религії. Религіозная же нетерпимость недопустима по самому духу ученія Христа.

Страстная, ищущая работы мысли древняго Израиля не могла не привлекать вниманія мудрецовъ другихъ народовъ міра. Характерно, что величайшіе умы древней Греціи: Солонъ, Пифагоръ, Платонъ, Сократъ, входя при своихъ посѣщеніяхъ Египта и Сиріи въ соприосновеніе съ евреями, были болѣе расположены къ воспріятію идеалистическихъ тенденцій мыслителей Израиля, вылившихся въ религіи Единаго Бога, чѣмъ материалистическихъ, положившихъ основаніе религіи соціализма. Но когда съ началомъ разсѣянія Израиля, съ еврейскими отщепенцами отъ религіи Духа пришли въ соприосновеніе массы иноземныхъ народовъ, мыслители низшаго порядка, то, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и условій земного бытія, *Ложь* материализованнаго соціалистическаго ученія—религія соціализма получила возможность постепенно распространяться среди другихъ племенъ и заразить умы многихъ работниковъ мысли народовъ міра, а еще больше тѣхъ людей, которые искали пріобрѣсти черезъ это ученіе личныя земныя блага, земную славу и земную власть. Ученіе, полу-

чившее начало въ Израилѣ, какъ и религія Единаго Бога, стало міровымъ и своевременно было бы теперь „еврейскій вопросъ“ называть его настоящимъ именемъ—„міровымъ соціалистическимъ вопросомъ“, отдѣливъ его совершенно отъ имени еврейскаго народа и освободивъ отъ объединяемаго съ нимъ анти-христіанства еврейскаго племени.

Борьба съ *Ложью* материализованныхъ соціалистическихъ ученій, это борьба со всѣмъ, что противно понятію о единомъ началѣ всего отъ Единаго Бога; это борьба съ безбожьемъ въ религіозномъ отношеніи; борьба за идеологію человѣческаго бытія на землѣ. Это борьба за идеи высшаго порядка, за весь смыслъ человѣческаго существованія. Побѣда въ этой борьбѣ достигается не силою оружія, не физическимъ насилиемъ, а силою духовныхъ принциповъ, выдвигаемыхъ въ противовѣсь силѣ положеній *Лжи*. Христосъ на кровлѣ храма побѣдилъ силу искушенія *Лжи*—силою *вѣры* въ Свое предопредѣленіе, а созданному Имъ новему христіанскому обществу заповѣдалъ, въ качествѣ оружія побѣды надъ *Ложью*, новое идеалистическое начало соціального взаимоотношенія между людьми: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга; по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою. Нѣть больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“.

Ветхозавѣтный принципъ—„любите другъ друга, какъ самихъ себя“—Христосъ развилъ въ идею: чтобы жить вмѣстѣ, нельзя не любить другъ друга, какъ не могъ не возлюбить Самъ Проповѣдникъ любви, Христосъ, отдавшій добровольно жизнь за ближнихъ. Любовь есть основаніе всѣхъ взаимоотношеній между послѣдователями Христа. Для побѣды надъ *Ложью* надо любить другихъ больше, чѣмъ самихъ себя, создавая силу христіанскому обществу постояннымъ стремленіемъ достигнуть высшей любви, въ готовности отдать жизнь другъ за друга.

„Еврейскій вопросъ“ и современныя соціалистическая ученія—одной религіи, религіи соціализма, религіи *Лжи*. Бронштейны, Цедербаумы, Нахамкесы, Тобельсоны, Голощекины, Юровскіе—это сыны еврейскаго народа по племени, но не по духу, не по религіи. Они такие же революціонеры

еврейского народа, какъ и всякаго христіанскаго народа. Борьба съ еврейскимъ вопросомъ – это борьба съ соціализмомъ, съ отрицаниемъ Бога по духу и съ многобожіемъ по формѣ, такъ какъ каждое соціалистическое учение имѣть своего созданного имъ бога, служить только своему богу и не признаетъ созданныхъ боговъ другого соціалистического учения.

Керенскіе, Черновы, Ленины, Авксентьевы и сонмы другихъ россійскихъ и міровыхъ соціалистовъ разныхъ толковъ и направленій, это родные братья Бронштейновъ и Голощекинихъ по духу, но могутъ быть и врагами, по создаваемымъ себѣ богамъ *Лжи*.

Но для истинныхъ послѣдователей Христа, религіи Единаго Бога, они всегда бывали, есть и будутъ только *сынами Лжи*.

Это вдохновители по *Лжи* историческихъ, политическихъ и религіозныхъ преступленій. Это *вдохновители по Лжи* изувѣрскаго убійства Царской Семи въ городѣ Екатеринбургѣ.

Вдохновители по слѣпотѣ.

„Шовинизмъ, хвастливость и безграничное довѣріе къ своимъ силамъ сдѣлали нѣмцевъ легкомысленными, и этой чрезмѣрной самоувѣренностью страдаетъ каждый лавочникъ и сапожникъ, какъ и профессора, ученые и министры“. Такъ писалъ Достоевскій еще въ 1876 году.

„Народъ, пережившій Іену и создавшій Седанъ и Мецъ, по выраженію Ницше, отъ побѣдъ поглупѣлъ“.

Что эти заявленія не голословны, могутъ показать хотя бы слѣдующіе примѣры:

Нѣмецкій писатель Реймеръ доказываетъ, что Іисусъ Христосъ былъ Германецъ, такъ какъ никто, кроме германца, не могъ создать такое великое учение.

Другой писатель, Людвигъ Вольтманъ, утверждаетъ, что Микель Анджело, Леонардо да-Винчи, Рафаель были также нѣмцами.

Нѣмецкихъ дѣтей учебникъ Даніеля учитъ въ школахъ, что „Франція въ началѣ была небольшимъ королевствомъ; она расширилась за счетъ Германіи. Въ средніе вѣка Ліонъ и Марсель были германскими городами“.

„Мы лучшіе въ мірѣ колонисты, лучшіе моряки, лучшіе коммерсанты. Мы самый даровитый народъ, далѣе всѣхъ ушедшій въ наукахъ и искусствахъ. Мы виѣ сомнѣнія наиболѣе воинственная нація въ мірѣ. Мы имъ покажемъ, что значить затронуть Германію“. Таковъ общій смыслъ рѣчей Императора Вильгельма за послѣдніе годы.

Одинъ изъ нѣмецкихъ пангерманистовъ заявляетъ: „Всемірная Германія явится мыслимой только тогда, когда Россія будетъ разорвана на куски и окончательно низвергнута. Мы не поколеблемся отрѣзать широкія полосы земли отъ Франціи и Россіи“.

А въ статьѣ „Демократическій панславизмъ“ Карль Марксъ, въ стремлениі къ той же міровой, но революціонной гегемоніи, повторяетъ почти то же, что вышеприведенный пангерманистъ: „Ненависть къ русскимъ была и остается у нѣмцевъ основной революціонной страстью“. „Только въ союзѣ съ поляками и мадьярами и съ помощью самаго рѣшительного терроризма противъ славянскихъ народовъ мы будемъ въ состояніи обеспечить прочность революції“.

И поглупѣвъ до слѣпоты отъ такихъ воспитательныхъ тенденцій, не видя кому служить—пангерманизму или соціализму Маркса, нѣмецкій полковникъ, взятый въ плѣнъ, захлебываясь въ своеі легкомысліі, яростно исповѣдывалъ: „Мы нѣмцы бьемъ желѣзнымъ кулакомъ, чтобы искры летѣли, чтобы подъ нашимъ ударомъ все дробилось въ мелкіе куски, прахомъ разсыпалось. Мы воюемъ такъ, чтобы у васъ на цѣлое столѣтіе изъ рода въ родъ осталось страшное воспоминаніе обѣ этой войнѣ. Чтобы у васъ внуки и правнуки боялись нѣмцевъ. Чтобы у васъ дѣтей въ колыбеляхъ пугали нѣмцами. Чтобы у васъ отъ края и до края дрожали отъ мысли о возможности новой такой войны. Нашеювойной мы хотимъ сдѣлать васъ миролюбивыми. Поэтому мы и воюемъ не съ полками лишь, окопами вашими и пушками, мы еще безпощаднѣе громимъ ваши фабрики, заводы, мельницы и города, топчемъ ваши поля, уничтожаемъ ваши лѣса... Мы обезпложиваемъ, кастрируемъ враждебныя намъ страны“.

И только „пожавъ, что посѣяли“, руководитель военно-политического натиска на Россію легкомысленный и слѣпой нѣмецкій генералъ Гофманъ, какъ высѣченный младенецъ, признался: „Германская Имперія вывезла Ленина въ запломбированномъ вагонѣ изъ Швейцаріи въ Россію съ тѣмъ,

чтобы онъ и его товарищи дезорганизовали русскую армію...
Мы не сознавали той опасности для всего человѣчества, которая создалась этимъ прїездомъ большевиковъ въ Россію".

Достоевскій и Ницше, два человѣка противоположныхъ вѣроученій, оказались пророками для нѣмецкаго народа. Высокая работа мысли и культуры XVIII и первой половины XIX вѣковъ, выдвинувшая Германію на степень міровой, прогрессирующей націи, преломились въ безгра-ничное самомнѣніе, преступное легкомысліе и политическую слѣпоту. Міровой ужасъ послѣствій этой эволюціи заклю-чается въ томъ, что умственное и моральное паденіе по-стигло ~~п~~дѣйствительно великий и сильный народъ, сильный исключительнымъ национализмомъ, объединяющимъ въ средѣ націи всѣ классы и сословія, всѣ партіи и ученія.

Побѣды 66-го и 70-хъ годовъ превратили здоровый патріотизмъ въ каррикатурное юнкерство и общій шовинизмъ. Шовинизмъ не только милитаристической, но во всемъ: въ культурѣ, литературѣ, мысли, экономикѣ, торговлѣ, домаш-немъ быту и общественной жизни. Лавочникъ, портной, гимназистъ, бургеръ, рабочій, фабриканть, мыслитель, эко-номистъ, солдатъ, Императоръ—всѣ стали юнкерами; все подчинилось движенію силы физической и даже религію замкнули въ рамки „Германія прежде и выше всего“. Во-енная слава, самовлюбленность и самонадѣянная увѣренность въ міровомъ господствѣ въ недалекомъ будущемъ затмили умъ и сердце, какъ-будто какой-то злой духъ вселился въ германскій народъ съ конца второй половины XIX вѣка. Германіи Гете и Шиллера, Германіи Гегеля и Канта, Гер-маніи чистыхъ идей и высокихъ побужденій, Германіи романтической и сантиментальной, добродѣтельной и честной—больше не существуетъ.

Экономическая, политическая и умственная жизнь „Но-вой Германіи“, въ мечтахъ нѣмецкаго шовиниста, не укла-дывается уже въ рамкахъ географическихъ границъ „Ста-рой Германіи“ и ея многочисленныхъ колоній. Импульсъ шовинистического начала, глубоко проникшаго въ нѣмецкія массы, уносить помыслы тевтона далеко за предѣлы тще-славныхъ плановъ Александра Македонского и Наполеона: „Истинная исторія человѣчества начнется съ того времени, когда германецъ приступитъ къ собиранию подъ свою могу-

щественную руку наследия древности". Этим наследиемъ современный юнкеръ-германецъ считаетъ всѣ народы Европы, въ томъ числѣ и русскихъ, которые по мнѣнію выразителя вожделѣній Новой Германіи Чемберлена были когда-то всѣ подъ властью тевтоновъ.

Такъ мыслила самоувѣренная Германія передъ всемирной войной. Сотни тысячъ жертвъ, колоссальность народного напряженія и экономического истощенія страны не отрезвили нѣмцевъ отъ легкомысленного увлеченія своей силой и фантастическихъ стремленій власти. Военный полууспѣхъ первыхъ трехъ лѣтъ войны, выразившійся въ удержаніи обоихъ фронтовъ, вскружилъ нѣмцамъ головы еще болѣе и заставилъ ихъ быть совершенно слѣпыми ко всему остальному, что совершалось и подготавлялось вокругъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ аппетитъ къ міровой гегемоніи разросся, но, встрѣтивъ непреодолимую техническую преграду на западѣ, на суше и на морѣ въ задачѣ „собиранія наследия древности“, безумный шовинизмъ бросилъ Германію по еще болѣе легкомысленнымъ путямъ политическо-экономической авантюры на востокъ.

При этой перемѣнѣ фронта основная цѣль оставалась все той же—міровая гегемонія нѣмцевъ. Средствами для достижения ея намѣчалось: ослабленіе Россіи, экономическое завоеваніе Сибири и Азіи и борьба съ Англіей и Америкой по всей периферіи Евразійского материка.

Въ отношеніи Россіи честолюбивые планы Германіи мирнаго времени ограничивались только ея Европейской частью. Не смотря на все свое самомнѣніе въ материально-техническомъ могуществѣ, Германія, не потерпѣвъ военнаго пораженія на западномъ фронтѣ, поняла, что экономическое превосходство находится на сторонѣ коалиціи Англіи, Америки и Франціи, изъ коихъ первая къ тому же была непобѣдимой на морѣ, неуязвимой на территории метрополіи и полной распорядительницей судьбой колоній. Если бы Германія оставалась „Старой Германіей“, то, вѣроятно, былая ея мудрость подсказала бы ей въ свое время ни въ коемъ случаѣ не ввязываться въ войну съ Россіей, а искать разрѣшенія вопроса экономического соперничества съ Англіей въ добровольномъ и обоюдно-выгодномъ соглашательствѣ съ сильной Россіей. Но „Новой Германіи“ пути разсудка, логики и справедливости были чужды. Ей было понятно разрѣшеніе вопросовъ своего интереса только пу-

темъ насилий надъ другими народами, не останавливаясь въ средствахъ, которыми можно было бы утолить эту жажду насилий. Мораль Германіи, сильно поколебавшаяся еще до войны, въ теченіи войны такъ пала, что въ ея поступкахъ и мысляхъ путаются понятія о цѣляхъ и средствахъ, и порой кажется, что не путемъ насилий Германія стремилась къ власти, а желала власти, чтобы творить насилия.

Основная идея и цѣли новаго пути къ достиженню міровой гегемоніи выражены между прочимъ въ обширномъ трудѣ германского политического экономиста Вернера-Дайя, изданномъ въ 1917 году подъ названіемъ: „Наступленіе на Востокъ. Азіатская Россія, какъ Германская мирная экономическая цѣль“. Книга обширная; въ политическомъ отношеніи—значительная, а въ статистическомъ интересная. Она вышла изъ печати какъ разъ въ періодъ Брестъ-Литовскихъ переговоровъ въ первую ихъ фазу.

„Самымъ значительнымъ въ ходѣ мирныхъ переговоровъ между Германіей и Россіей является то, что они велись не столько съ цѣлью закончить войну (ибо оружіе было давно уже сложено), сколько для того, чтобы создать миръ для начала эпохи нашего всемірно-политического развитія и нашей всемірно-политической мысли“. Такъ начинаетъ авторъ книги свое вступленіе. Учитывая съ кѣмъ велись переговоры, это начало сразу отражаетъ, съ одной стороны, Германію Императора Вильгельма, а съ другой Германію Ницше.

Далѣе авторъ усиленно доказываетъ, что великая война представляетъ собою ни что иное, какъ пробу силъ экономического напряженія со стороны наиболѣе экономически сильныхъ и передовыхъ государствъ Европы—Англіи и Германіи, непрѣмиримыхъ враговъ съ точки зреенія конкуренціи во всемірномъ экономическомъ владычествѣ. Учитывая невозможность добиться положительныхъ результатовъ на западѣ и на морѣ, нѣмецкая торговля „должна считаться съ дѣйствительностью и, когда дѣло идетъ о расширеніи и упроченіи международного положенія нашего государства, обратиться въ сторону наименьшаго сопротивленія и наибольшей пользы“, и для этого Германія должна утвердиться на всемъ востокѣ Евразійскаго континента. „Этимъ путемъ она получитъ возможность сопротивляться своей противницѣ на всѣхъ точкахъ соприкосновенія периферіи, но не на морѣ, а на сушѣ. Конечные пункты этого сухопутнаго

пути лежать че́резъ ближайшія политическія станціи: съ одной стороны, че́резъ Балканы и Турцию, и съ другой, че́резъ Европейскую Россію—въ Сѣверной, Средней и Внутренней Азіи, т.-е. въ Сибири, Туркестанѣ, Монголіи, Сѣверной Персіи, Авганистанѣ и Западномъ Китаѣ”.

Авторъ полагаетъ, что этихъ *конечныхъ пунктовъ* Германія должна достичнуть „путемъ прочнаго союза съ Россіей”, доказывая, что между Россіей и Германіей нѣтъ никакихъ основаній къ существованію враждебныхъ чувствъ: „Мы воевали съ Россіей по необходимости, вслѣдствіе временнаго политическаго конфликта, тогда какъ съ Великобританіей мы воевали по необходимости и по убѣжденію”. Онъ удѣляетъ много труда и мѣста въ своемъ трудѣ, чтобы доказать русскимъ отсутствіе причинъ для соперничества между Германіей и Россіей, конечно, касаясь только вопросовъ экономическихъ, и, наоборотъ, убѣждаетъ, что эти двѣ страны дополняютъ другъ друга въ промышленномъ отношеніи, а потому совмѣстная работа можетъ быть только на обоюдную пользу обѣимъ странамъ. Однако выводъ его изъ всѣхъ этихъ экономическихъ доводовъ нѣсколько неожиданный и охлаждающій отъ увлеченія соблазномъ: „Русское государство получаетъ громадное преимущество тѣмъ, что приобрѣтаетъ возможность *простѣйшимъ и кратчайшимъ путемъ выйти изъ многочисленныхъ затрудненій и внутренней политики настоящаго положенія* (созданнаго при особомъ участіи нѣмцевъ). Германія извлекаетъ менѣе значительную пользу, такъ какъ она приобрѣтаетъ возможность установить прочную торгово-политическую станцію, посредствомъ *аннексированія русскаго рынка* на твердой почвѣ національнаго хозяйства”.

Проповѣдуя обоюдовыгодность союза между Россіей и Германіей, авторъ однако мыслить, что съ точки зре́нія германскаго положенія въ Россіи, „намъ въ основѣ безразлично, будемъ ли мы имѣть дѣло съ максималистическимъ, кадетскимъ или царскимъ правительствомъ. Будеть ли вести переговоры за Россію Ленинъ или Кривошeinъ, это ничего не измѣнитъ въ требованіяхъ, которыя мы предъявимъ Россіи. Эти требованія такъ опредѣленно вытекаютъ изъ потребностей *нашего развитія*, что даже контрь-революція, съ которой придется считаться, не ослабитъ ихъ силы до тѣхъ поръ, пока выгодное военное положеніе создастъ почву для возможности вообще требовать чего-либо отъ Россіи”.

Переговоры имѣется въ виду вести именно съ совѣтской Россіей, „когда мы надѣемся, что все готово для мирныхъ переговоровъ въ настоящемъ и для соглашенія въ будущемъ“. Дипломатіи ставится выработать „такія внѣшнія формы условій союза, которые не были бы ни унизительны, ни оскорбительны“.

Не смотря на постоянное повтореніе въ трактатѣ, что „Россія для Русскихъ“, что никакое русское правительство, какихъ бы политическихъ убѣждений оно ни было, не въ состояніи отдать страну въ жертву безграницной иностранной эксплоатаціи, тѣмъ не менѣе духъ положеній, проводимыхъ вождельніями автора, проникнуть всесвѣтло принципомъ—„Германія прежде и выше всего“, что совершенно исключаетъ необходимость въ добровольномъ согласіи Россіи на союзъ и на договоръ. „Пусть мѣняется мѣсто мирныхъ переговоровъ, пусть смѣняются господствующія партіи вражеской страны, основной пунктъ мирныхъ переговоровъ германской политики будетъ состоять все въ той же цѣли—континентально-политического захвата Востока. Общій ходъ германской политики не зависитъ ни отъ современного для данной минуты русского правительства, ни отъ условій соціальной жизни въ Россіи. Германская политика нуждается въ систематическомъ континентальномъ развитіи; рѣшеніе русской проблемы является для нея рѣшеніемъ совмѣстной проблемы; ей необходимо обеспечить за собою неприступную торгово-политическую позицію на Евразійскомъ континентѣ и для этого захватить важнѣйшия промышленные пункты. Поэтому она не должна обращать вниманія съ какой Россіей связываютъ ее основныя положенія восточной политики. Въ чужой странѣ она больше не знаетъ партій, а есть только партія сама въ себѣ. Поэтому она съ одинаковой опредѣленностью ставить свои требования—сегодня большевистской, завтра соціаль-революціонной, послѣ завтра кадетско-Романовской Россіи. Мы выскажемъ свои взгляды относительно необходимыхъ условій для заключенія мира, и будемъ считать личнымъ дѣломъ русского правительства того времени, съ какимъ чувствомъ оно восприметь наши условія и доведеть мирные переговоры до ихъ завершенія“.

Будетъ ли и какимъ способомъ будетъ бороться Россія противъ стремленія Германіи „стать твердой ногой въ Азіатской Россіи и взять въ свои руки экономическое раз-

витіє этой мощной и нетронутой страны вмѣстѣ съ Дальнимъ Востокомъ и его окраиной, нисколько нась не касается, ибо это не наше дѣло. Согласіе на заключеніе мира означаетъ въ то же время соглашеніе на основаніяхъ существующаго военнаго положенія. Въ данномъ случаѣ мы занимаемъ выгодное, а русскіе невыгодное положеніе". Къ такому нѣмецкому логическому выводу должно по мнѣнію автора „привыкнуть“ каждое русское правительство, какъ то, которое заключить миръ, такъ и то, которое ему наслѣдуетъ. „Если встрѣтятся препятствія, которыя затруднятъ пріобрѣтеніе данной привычки, то наше военное положеніе даетъ возможность *оказать нѣжное давленіе*, достаточное для того, чтобы отбросить ихъ въ сторону“.

Въ мирное время нѣмцамъ, оказывается, было затруднительно „дѣйствовать болѣе интенсивно въ торгово-политическомъ отношеніи“ въ Европейской Россіи, такъ какъ „автократическій строй русскаго правительства“ оказывалъ имъ въ этомъ постоянное препятствіе. Но теперь, съ уничтоженіемъ прежняго „царизма“, „даже при возвращеніи царизма, хотя бы и въ либеральной одеждѣ и, по всей вѣроятности, въ образѣ Великаго Князя Николая Николаевича“, нѣмцы увѣрены, что ни одно русское правительство не сможетъ не пожелать открыть имъ братскія объятія и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти „капиталь, индустрію и организацію отъ Германіи“, которая будетъ такимъ образомъ вознаграждена „соответственно ея военному положенію и военному давленію“. При этомъ авторъ обѣщаетъ, что по заключеніи договора Германія будетъ себя держать по отношенію къ Россіи „съ большимъ тактомъ и уваженіемъ“.

Въ заключеніи идеи и плана „континентального похода“ Германіи на Востокъ, ослѣпленный, съ одной стороны, нѣмецкимъ шовинизмомъ и легкомысліемъ, а съ другой, тщательно и подробно изученными богатствами Сибири, авторъ видѣтъ уже въ будущемъ „естественное политическое единеніе“ изъ Германіи и Японіи съ Россіей, окружающее Старый Свѣтъ „широкимъ желѣзнымъ поясомъ, который не разорветъ никакая сила, и съ твердыхъ краевъ котораго соскользнутъ всякия попытки охватить его“. При этомъ типичный современный тевтонъ забываетъ высказанное передъ этимъ свое предупрежденіе Сибири—не рвать съ Европейской Россіей, дабы не лишать себя помощи, „чтобы задержать возможныя шовинистическія намѣренія Японіи“. Но

къ чему нельзя допустить Японію, то, конечно, составляеть право Германія Вильгельма.

„Будущность Сибири исполнена жизни, силы, бодрости и, по своей внутренней энергіи, способна осуществить всѣ надежды; она находится въ напряженной готовности наброситься на всѣ образующіяся предпріятія настоящаго времени и принять въ нихъ дѣятельное участіе. Какъ только будутъ удалены виѣшніе административные тормазы, Сибирь отважится на этотъ шагъ, надо только чтобы нашелся руководитель, который направилъ бы на вѣрный путь ея разрозненныхъ силы“.

„Это и есть задача Германіи“.

Такимъ самонадѣяннымъ восклицаніемъ резюмируется идея политическо-экономического плана завоеванія нѣмцами Россіи въ промышленномъ отношеніи. Отъ начала до конца въ этомъ планѣ нѣтъ ни одной идеологической мысли, что является характернымъ знаменіемъ всѣхъ политическихъ и национальныхъ тенденцій Германіи послѣдняго времени; все строится на материальныхъ расчетахъ, материальныхъ выгодахъ, материальной власти, материализованной душѣ. Это и составляетъ мысль и духъ современного юнкерского тевтона, юнкерской Германіи въ цѣломъ. Если въ религії соціализма, въ религії *Лжи*, отвлеченная идея о духѣ замѣнена теоретической идеей о матери, то въ религії юнкерства даже эта теоретическая идея замѣнена материалистическими расчетами, а понятіе о Вселенскомъ Духѣ почти воплощено въ тезисѣ—„Германія прежде и выше всего“.

Это религія безграничной слѣпоты.

Путемъ насилия крайняя религія соціализма Бронштейна, Ченина, Тобельсона стремится *по идеѣ* достигнуть основной цѣли—всемірной власти интернаціонала. Путемъ такого же насилия религія слѣпоты юнкеровъ Германіи стремится достичнуть всемірной власти нѣмецкаго націонализма черезъ *материалистические* расчеты. Если Бронштейнъ, Ленинъ, Луначарскій, Голощекинъ, Бѣлобородовъ, Юровскій—*большевики слѣва*, то Людендорфъ, Вильгельмъ, Гофманъ, Вернеръ-Дайя, фонъ Кюльманъ—*большевики справа*. Средство побужденій, характеровъ, темпераментовъ и принциповъ религій этихъ двухъ большевистскихъ полюсовъ на столько велико, что сотрудничество ихъ другъ съ другомъ почти нормально и почти естественно: однихъ—*по Лжи*, другихъ—*по слѣпотѣ*. Такъ Красины, Клембовскіе, Шнеуры, Гуторы,

Саковичи, Ермаковы, работая въ лѣвомъ большевистскомъ лагерѣ *не по идѣю*, а по материальными причинамъ, являются по существу германскими юнкерами, рабами религіи слѣпоты. Германскіе соціалъ-демократы, работающіе по национальному шовинизму въ лагерѣ большевиковъ справа, остаются въ основѣ послѣдователями религіи *Лжи*.

Красины, Клембовскіе, Гуторы, Саковичи, Гофманы, Вильгельмы, Кюльманы—это вдохновители *по слѣпотѣ* историческихъ, политическихъ и религіозныхъ преступленій послѣдняго времени въ Россіи. Это вдохновители *по слѣпотѣ* изувѣрского убійства Царской Семьи въ городѣ Екатеринбургѣ.

Средство полюсовъ большевизма сказалось особенно ярко въ проявленіяхъ ихъ звѣрскаго и изувѣрскаго инстинктовъ: большевизмъ слѣва признаетъ необходимымъ проявленіе грубыхъ и вредныхъ дѣйствій для возбужденія въ массахъ революціоннаго энтузіазма, а большевизмъ справа—для утвержденія въ массахъ безропотнаго преклоненія передъ физическимъ правомъ. Въ области достижениія этихъ цѣлей послѣдователи религіи *Лжи* и религіи *слѣпоты* не знаютъ предѣловъ. Изувѣрскій терроризмъ большевизма слѣва слишкомъ свѣжъ въ памяти всѣхъ, чтобы нуждался въ отдельныхъ примѣрахъ. Терроризмъ большевизма справа уже, повидимому, нѣсколько забылся, но стоитъ вспомнить ужасы хотя бы Ченстоховскаго изувѣрства, совершенного германскими войсками, чтобы убѣдиться въ отсутствіи предѣловъ звѣрства и для этого полюса большевизма. Въ томъ же звѣрскомъ инстинкѣ объединяются и мысли руководителей большевистскихъ полюсовъ: выше приводились слова Карла Маркса, руководителя большевизма слѣва, а вотъ слова руководителя большевизма справа, Императора Вильгельма, проповѣдовавшаго въ 1900 году съ высоты своего престола солдатамъ, отправлявшимся въ Китай: „Не берите плѣнныхъ... пусть тѣ, кто попадеть въ ваши руки, погибнутъ. Какъ тысячу лѣтъ назадъ гунны при своемъ царѣ Аттилѣ приобрѣли себѣ имя, которое еще и теперь въ преданіи напоминаетъ объ ихъ могуществѣ, такъ имя германцевъ черезъ тысячу лѣтъ должно вспоминаться такъ, чтобы никогда больше (китаецъ) не смѣлъ косо взглянуть на немца...“

Оба руководителя большевистскихъ полюсовъ подготов-

вляютъ своихъ послѣдователей къ достижению въ будущемъ одной и той же цѣли—міровой власти черезъ ту кровавую и безумную эпоху звѣрства и насилия, которой ознаменовалось, сначала, участіе нѣмцевъ во всемирной войнѣ, а затѣмъ, дружественная работа объединившихся большевиковъ справа съ большевиками слѣва по насильственному утвержденію въ Россіи совѣтской власти. Человѣческая психологія часто непослѣдовательна въ реагированіи на переживаемыя историческія события. Кто непомнить того возмущенія, которымъ было охвачено русское общество при извѣстіяхъ о звѣрствахъ и насилияхъ нѣмцевъ надъ русскими, застигнутыми войной въ Германіи, и надъ Сербами въ захваченныхъ австрійцами и германцами ихъ городахъ и селахъ? Можно ли забыть предательскіе, изувѣрскіе и жестокіе способы веденія войны Германіей? Ужели забыты нѣмецкіе руководители на Балтійскомъ побережїѣ, натаскивавшіе матросню на кровавые подвиги, или нѣмецкіе инструктора въ Смольномъ институтѣ, вдохновлявшіе совѣтскихъ главарей на соціальныя операции надъ русской интеллигенціей?

Повидимому, многіе забыли; многіе поддались гипнозу „нѣжнаго давленія“; многіе въ тайникахъ души мнятъ потомъ перехитрить нѣмца. Десятки тысячъ россіянъ укрылись въ Германіи; тысячи ихъ мечтаютъ совмѣстно съ нѣмцами свергнуть большевиковъ слѣва и учредить царство большевизма справа. Тысячи другихъ такихъ же россіянъ творили подпольно эту же работу за спиной Колчака, Деникина, Юденича, и помогали большевикамъ слѣва отвращать отъ этихъ вождей народныя массы.

И обратно. Кто подготовлялъ въ ближайшиe годы революцію кромѣ послѣдователей религіи *Лжи*? „Жидовствующіе“ (не еврействующіе) россіяне. Ихъ было много—отъ лѣвыхъ кадетовъ до лѣвыхъ соціалистовъ включительно, да еще много среди беспартийной бюрократіи. Кто совершаѣтъ революцію? Русская интеллигенція и „жидовствующіе“. Кто углубилъ революцію, создавъ путь большевикамъ обоихъ полюсовъ? Та же интеллигенція съ „жидовствующими“.

А теперь? Творцы изъ интеллигенціи и творцы изъ „жидовствующихъ“ какъ бы исчезли, а на ихъ мѣсто народная масса выбросила имя *еврея, еврейскаго народа*. Евреи создали революцію. Евреи разгорили Россію. Евреи залили кровью нашихъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и дѣтей го-

рода и села, горы и долы Матушки Россіи. Евреи изувѣрски уничтожили Царскую Семью. Евреи виновники всѣхъ золъ, постигшихъ Россію. Еврейскій народъ долженъ за это отвѣтить.

Такова злая человѣческая психологія; о нѣмцахъ забыла, а на евреевъ взвалила. Если Россіи есть какому народу предъявлять въ будущемъ за все совершенное нынѣ зло вексель къ уплатѣ, то во всякомъ случаѣ къ германскимъ народамъ, а не къ еврейскому народу.

Въ Германіи родился большевизмъ справа, и Германія же бросила въ Россію большевизмъ слѣва. Если по существу борьба съ послѣднимъ, т.-е. борьба съ религіей Лжи есть идейная борьба, то борьба съ большевизмомъ справа, борьба съ религіей слѣпоты есть борьба съ материалистическими расчетами, борьба съ торгашами въ основаніи.

Въ маѣ 1917-го года въ Вѣнѣ состоялось совѣщаніе представителей германского и австрійского Генеральныхъ Штабовъ, на которомъ въ цѣляхъ прорыва русского фронта и внесенія разложенія въ ряды русской арміи было решено использовать революціонное движение въ Россіи и прибѣгнуть къ политическому оружію борьбы. Къ такого рода борьбѣ германскіе и австрійскіе офицеры Генерального Штаба подготовливались специально еще въ мирное время, и небольшой опытъ испытанія силы этого оружія былъ проведенъ нѣмцами еще въ 1905 году, въ войну Россіи съ Японіей. Къ использованію теперь именно политического оружія борьбы нѣмцевъ побуждали двѣ причины: первая, необходимость сосредоточить максимумъ вооруженныхъ силъ на Западномъ фронтѣ для попытки нанести Антанѣ рѣшительный и послѣдній ударъ, и вторая, вырвать изъ рукъ Англіи ея политический успѣхъ въ Россіи.

Германскій Генеральный Штабъ считалъ, что Февральская революція и сверженіе династіи Романовыхъ въ Россіи были произведены русскими революціонными элементами при значительномъ моральномъ содѣйствіи и денежной помощи со стороны Англіи. Эта причастность послѣдней должна была укрѣпить въ новой Россіи вліяніе экономической соперницы Германіи, почему захватъ политического руководства въ свои руки казался нѣмцамъ очень заманчивымъ и увлекательнымъ, въ цѣляхъ развитія въ дальнѣй-

шемъ своего нового политическо-экономического плана „Наступленія на Востокъ“.

Моментъ для наложенія на Россію своего политическаго кулака представлялся Германіи очень своевременнымъ (необходимо имѣть въ виду, что Германія слѣпо вѣрила въ свои силы, какъ физическія, такъ равно и политическія): опредѣлившееся слабовластіе политическаго центра Россіи, при сильномъ недовольствѣ создавшимся положеніемъ крайнихъ фланговъ, и при полной политической незрѣлости массы населенія, предоставляли казалось Германіи возможность вести двойную игру, дѣйствуя на низменные инстинкты темнаго населенія городовъ и деревень. Первой задачей основного плана нѣмцевъ являлось ослабленіе интеллигентныхъ и вооруженныхъ силъ Россіи и приведеніе ихъ къ тому состоянію, при которомъ Германія могла бы приступить къ мирнымъ переговорамъ и предъявить свои экономико-политическія требованія. Этого положенія намѣчалось достичнуть, съ одной стороны, установленіемъ жестокаго террора противъ интеллигенціи, а съ другой, путемъ овладѣнія темной массой, дѣйствуя подъ видомъ проведенія принциповъ крайняго соціалистическаго народовластія на я низменные инстинкты. Въ дальнѣйшемъ руководившіе исполненіемъ этого плана нѣмецкіе большевики справа разсчитывали, соединившись съ россійскими большевиками справа, устранить насильственно соціалистическихъ вождей революціи и водворить въ Россіи юнкерско-полицейскій режимъ, родственный и дружественный по духу Германіи Вильгельма.

Устраненіе съ россійскаго престола бывшаго Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны вполнѣ отвѣчало политическимъ планамъ Германіи и согласовалось съ личными несимпатіями Вильгельма къ покойному Главѣ Дома Романовыхъ и Его Супругѣ. Въ политическомъ отношеніи бывшій Царь по личнымъ воззрѣніямъ и качествамъ былъ твердой преградой для Германскихъ вожделѣній, непреклонно отстаивая національные интересы Россіи и не допуская нѣмцевъ къ самостоятельному хозяйственію. Николай II унаслѣдовалъ отъ Отца въ полной мѣрѣ тезисъ „Россія для русскихъ“, и если германофильствующіе русские круги и германофильски настроенные нѣкоторые Члены Дома Романовыхъ, часть министровъ и придворныхъ, стояв-

шихъ „у власти“, создали Ему въ отечествѣ репутацію пособника Вильгельма, то будущая безстрастная и справедливая исторія сумѣетъ разобраться въ исторической интригѣ, создавшей трагедію послѣдняго царствованія, объективно, отнеся успѣхъ этой интриги къ слабости воли покойнаго Государя Императора и его слишкомъ большому (тоже чисто русской чертѣ) довѣрію къ людямъ, при неумѣніи ихъ выбирать, но не къ Его личному германофильству, какового въ Немъ не было и не могло быть.

Еще въ 1899 году известный германофобъ профессоръ Золотаревъ при громадномъ стеченіи публики высшаго Петроградскаго свѣта прочелъ свою знаменитую лекцію, громившую предшественниковъ Императора Александра III за ихъ послабленія, допущенные въ отношеніи нѣмцевъ въ Россіи, и за слишкомъ большое увлеченіе колонизаціей нѣмцами южныхъ губерній, и восхвалявшую Александра III, положившаго предѣлъ грозному, но мирному завоеванію Россіи нѣмцами. Присутствовавшій на лекціи Государь Императоръ Николай II по окончаніи ея подошелъ къ лектору и, въ присутствіи всей обширной аудиторіи, обнялъ профессора Золотарева и поцѣловалъ его, благодаря за здравость и смѣлость исторической справедливой критики. Вильгельмъ не могъ забыть этого попѣлуя Николая II, который къ тому же не поддавался ни на какие шовинистические и честолюбивые планы Императора-актера. Такъ между прочимъ Николай II отклонилъ въ 1905 году предложеніе Вильгельма ввести въ Варшаву Германскія войска и отказался отъ участія въ фантастическомъ планѣ раздѣла міра „союзомъ трехъ Императоровъ“: Россіи, Германіи и Турціи.

Нелюбовь и недовѣріе Государя Императора къ Вильгельму опирались на опредѣленномъ пониманіи политического зла и корысти, сосредоточенныхъ въ этомъ германцѣ-юнкерѣ по отношенію къ Россіи. Императрица Александра Федоровна не только не любила, Она ненавидѣла Германію и Императора Вильгельма и не могла говорить объ этомъ безъ сильнаго волненія и злобы. Ея ненависть вытекала изъ того зла, которое Германія причинила Гессенскому герцогству: „если бы Вы знали, сколько они сдѣлали зла моей родинѣ!“ говорила Она близкимъ людямъ. Это чувство ненависти было такъ остро въ Ней быть можетъ и потому, что лишившись маленькой дѣвочкой матери, Она все время

воспитывалась въ Англіи у бабушки Королевы Викторії, вслѣдствіе чего и для Германіи и Вильгельма Императрица Александра Федоровна являлась опредѣленной англофилкой. Вильгельма Она характеризовала какъ „актеръ, отличный комедіантъ, фальшивый человѣкъ“. Въ Тобольскѣ Государыня высказывала про него: „Я знаю его мелкую натуру, но Я никогда не ожидала, что онъ можетъ унизиться до общенія съ большевиками. Какой позоръ“. Только общей болѣзнью слѣпоты, обуявшей русское общество въ послѣдніе годы, можно объяснить возникновеніе клеветы противъ Императрицы Александры Федоровны, обвинявшей Ее въ германофильтвѣ и любви къ Императору Вильгельму. Оба, и Государь и Государыня, *больше всего боялись* во время ареста въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ, чтобы *Ихъ насильно не увезли въ Германію*, что вполне могли продѣлать шовинистскіе Германскіе руководители для своихъ политическихъ цѣлей.

Во исполненіе задачи, поставленной политикой, Германскимъ Генеральнымъ Штабомъ, во главѣ съ генералами Людендорфомъ и Гофманомъ, былъ разработанъ подробный планъ „военно-политического наступленія“ противъ Россіи, детально предусматривавшій рядъ послѣдовательныхъ политическихъ этаповъ во внутреннемъ развитіи русской революціи, въ связи съ тѣми чисто военными мѣропріятіями, которая одновременно намѣчалось проводить военными силами Германіи. Общее руководство исполненіемъ плана было возложено на генерала Гофмана, а для непосредственнаго руководства политической атакой германскимъ Генеральнымъ Штабомъ была назначена ему известная группа членовъ циммервальдовской интернаціональной конференціи, во главѣ съ Ленинымъ и Бронштейномъ, съ которыми еще раньше у нѣмецкаго военно-политического шпіонажа были связи. Шайка этихъ главарей была вывезена нѣмцами изъ Швейцаріи, привезена черезъ Германію и Финляндію въ запломбированномъ вагонѣ и доставлена въ Смольный институтъ въ Петроградѣ, где помѣщался совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Здѣсь же обосновался и секретный штабъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ, ближайше управлявшій послѣдовавшими внутренно-политическими операциами, терроромъ и пропагандой.

Въ началѣ сентября 1917-го года обѣ этомъ нѣмецкомъ планѣ во всѣхъ его подробностяхъ стало известно въ М-

гилевѣ, въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго. Документы были получены изъ вполнѣ вѣрного источника, почему тогдашній Начальникъ Штаба Генералъ Духонинъ докладывалъ о замыслахъ Германіи Предсѣдателю Совѣта Министровъ и Верховному Главнокомандующему Керенскому и предупреждалъ о серьезности надвигающейся опасности. Керенскій отнесся къ предупрежденію, повидимому, съ недовѣріемъ и, кажется, не сообщилъ даже своимъ коллегамъ по Правительству о полученныхъ въ Ставкѣ агентурнымъ путемъ свѣдѣніяхъ.

Между тѣмъ события октября и ноября мѣсяцевъ стали развиваться съ поразительной точностью, во всемъ согласно съ программой, намѣченной планомъ германского Генеральнаго Штаба. Ставка, имѣя въ стѣнахъ Смольнаго института свою агентуру, была вполнѣ осведомлена о присутствіи тамъ нѣмецкихъ офицеровъ генерального штаба, объ ихъ руководствѣ различными террористическими актами и борьбой на внутреннихъ фронтахъ и о предстоящемъ переворотѣ въ Петроградѣ. Къ этому же времени приблизительно необходимо отнести присоединеніе къ нѣмцамъ россійскихъ большевиковъ спраva. Увѣренные въ силѣ власти Германцевъ надъ главарями циммервальдовской шайки, и убѣжденные, что въ нужный и желательный моментъ эти главари будутъ уbraneы со сцены и власть перейдетъ въ ихъ руки, россійские ревнители юнкерской германской религіи слѣпты—свѣтское офицерство военного времени, нѣкоторые жандармскіе и полицейскіе чины и къ стыду значительное количество высшаго генералитета арміи стали тайно прымкать къ нароставшему пролетарскому большевистскому движению слѣва. Изъ числа такихъ генераловъ въ Ставкѣ появились генералы Гуторъ и Бончъ-Бруевичъ, которые стали пытаться убѣдить генерала Духонина въ томъ, что сохраненіе вѣрности союзникамъ ошибочно, что внутренне-политической моментъ требуетъ учесть значеніе новаго движенія, какъ безусловно всенароднаго, и категорически опровергали данныя агентурныхъ свѣдѣній о причастности къ этому движению германскаго Генеральнаго Штаба.

Генералъ Духонинъ остался вѣренъ русскому национальному началу и, какъ честный солдатъ, палъ на свое мѣсто, не уступивъ его добровольно ни сыnamъ Лжii, ни германскимъ юнкерамъ, ни россійскимъ предателямъ, соблазнившимъ его, генераламъ Гуторамъ, Бончъ Бруевичамъ

и Одинцовы мъ. Необходимо отмѣтить, что во главѣ налачей, ворвавшихся утромъ 20-го ноября въ кабинетъ генерала Духонина, были—переодѣтый германскій офицеръ и переодѣтый русскій жандармскій офицеръ Родіоновъ, который еще въ мирное время состоялъ на службѣ у германскаго Генеральнаго Штаба, и который позднѣе былъ командированъ съ латышами въ Тобольскъ для перевоза Царской Семьи въ Екатеринбургъ.

Германцы честно выполнили принятая на себя, по уговору съ Ленинымъ и Бронштейномъ, обязательства: организовали матросню и чернь для Выборгской кровавой бойни, перебили тѣми же „народными войсками“ юнкеровъ въ Петроградѣ и свергли правительство Керенскаго, помогли ликвидировать Царскосельскую авантюру Главковерха Керенскаго, разложили фронты и развратили солдатъ, расстерзали Духонина, овладѣли Ставкой и, наконецъ, изгнали изъ Киева непослушныхъ Петлюровцевъ, помогши совѣтскому воеводѣ, бывшему подполковнику Муравьеву, овладѣть Украиной.

10-го февраля нѣмцы предъявили утвержденной ими въ Россіи власти Ленина и Бронштейна къ уплатѣ первого вексель—подписать актъ о прекращеніи войны съ Германіей, Австріей и Болгаріей.

,,Надо бы было, мы бы вамъ и чуму привили“.

Такимъ откровеннымъ заявлениемъ привѣтствовали нѣмецкіе офицеры въ Берлинѣ русскихъ офицеровъ, привезенныхыхъ туда послѣ пораженія гетмана Скоропадскаго на Украинѣ.

Трагический, постыдный конецъ германской украинской авантюры еще не открылъ глазъ нѣмецкимъ юнкерамъ и не привель ихъ къ сознанію, что пока въ стремленіи къ власти надъ міромъ юнкеръ религіи *Лжи* побѣдилъ юнкера религіи *сльпоты*.

Ленинъ и Бронштейнъ, по ихъ собственному мнѣнію, борцы за міровую власть пролетаріата и истребители капитализма; по мнѣнію же заключившихъ съ ними сдѣлку германцевъ—наемные начальники политического авангарда

Германіи въ борьбѣ за міровую власть нѣмецкаго капитала. Германская армія капитала всей могучей силой своего национализма поддерживаетъ авангардъ, уничтожающій капиталъ. Колossalный абсурдъ, только и могшій родиться въ головѣ юнкерской Германіи, „поглупѣвшей отъ побѣды“.

Результаты постройки нѣмцами этой новой Вавилонской башни не замедлили сказаться—совершенно неожиданно для генерала Гофмана и всей безумствовавшей юнкерской Германіи, ихъ щедро оплоченный агентъ Лейба Бронштейнъ, онъ же Левъ Троцкій, комиссаръ совнаркома, отказался поставить свою подпись на первомъ же договорномъ актѣ съ Германіей. Лейба Бронштейнъ вовсе не раздѣлялъ трусливой покорности и раболѣпного преклоненія передъ нѣмецкимъ шовинизмомъ, подобно генераламъ Гуторамъ, Бончъ-Бруевичамъ, Клембовскимъ, Балтійскимъ, Одинцовымъ и прочей плеядѣ россійскихъ Іудъ и природныхъ большевиковъ справа.

Германія вынуждена была объявить войну своимъ союзникамъ по постройкѣ Вавилонской башни.

. Тяжелое время настало тогда для совѣтской власти. Зашаталась пятиконечная звѣзда, прочно было утверждавшаяся надъ святыми соборами и стѣнами Кремля Бѣлокаменной Матушки Москвы. Нѣмцы заняли Украину, соединились съ примкнувшимъ къ нимъ Донскимъ казакомъ генераломъ Красновымъ, лишили своихъ ставленниковъ въ Москвѣ хлѣба, надвинулись къ Пскову и Петрограду, закрыли пути подвоза съ моря, сдавили воронье гнѣздо совнаркома со всѣхъ сторонъ и въ самое гнѣздо посадили своего сатрапа Мирбаха, какъ эмблему нѣмецкой власти надъ созданнымъ ими совѣтскимъ режимомъ въ Москвѣ.

Желѣзный кулакъ самонадѣянныхъ и слѣпыхъ тевтонскихъ юнкеровъ-генераловъ стянулъ петлю на шеяхъ Ленина и Бронштейна, и съ ними вмѣстѣ грозилъ задушить въ ужасныхъ мукахъ голодной смерти 100 миллионовъ подданныхъ совѣтской державы. Застоналъ народъ; вопли голодныхъ людей, плачь распухшихъ съ голода дѣтей, проклятия обезумѣвшей отъ произвола власти толпы, леденящіе ужасомъ крики и стоны безчисленныхъ жертвъ разгулявшейся черни и разнузданной, полуопьяной совѣтской опричнини наполнили Русь отъ края и до края и, казалось, нѣть той силы, нѣть той воли, которая могли бы разжать эти

хищно сжавшіеся надъ Россіей когти одураченныхъ и обманутыхъ германскихъ дикарей.

На Ленина и Бронштейна надвигалась гроза и съ другой стороны—молодая Сибирскія войска и добровольцы со всей Россіи, сорганизовавшись подъ покровомъ чехо- словацкаго восстанія, быстро надвигались изъ нѣдръ Сибири къ берегамъ Волги и лѣсамъ Урала. Съ сѣвера отъ Архангельска и Мурмана стремились протянуть сибирякамъ руку связи и помощи англичане, и кольцо внѣшнихъ враговъ готовилось замкнуться вокругъ царства большевистской державы. Искры подымавшихся на окраинахъ Соврессіи противъ поработителей народа и узурпаторовъ власти пожаровъ внутреннихъ восстаній разлетались все дальше и дальше, и уже загорались города по среднему и верхнему теченіямъ Волги, угрожая перекинуться въ самое сердце Россіи.

Ужасъ голодныхъ бунтовъ, съ одной стороны, произволъ наглой, иностранной, наемной опричнины—съ другой, угроза поголовного народнаго восстанія—съ третьей стороны, и все это стягиваемое и сжимаемое внѣшними, россійскими и иностранными силами враговъ и бывшихъ союзниковъ, вотъ та обстановка, среди которой оказались къ лѣту 1918-го года нанятые и привезенные изъ Швейцаріи сыны Лжи, непосредственные выполнители политической авантюры легко-мысленныхъ и ослѣпленныхъ германскихъ шовинистовъ. Въ созданномъ ими центральномъ аппаратѣ этой политической авантюры, носившемъ сокращенное название „совнаркома“, „циариль страшный хаось, растерянность и полная неразбериха“, говорить одинъ изъ идейныхъ россійскихъ коммунистовъ, попавшій въ это время изъ провинціи въ Москву для получения руководящихъ указаний, но вернувшійся ни съ чѣмъ назадъ, за невозможностью добиться чего-либо отъ главы циммервальдовской шайки товарища Ленина.

Владиміръ Ильичъ Ульяновъ, по кличкѣ Ленинъ, поставленный нѣмцами во главѣ ихъ политического плана наступленія на Россію, типъ вполнѣ опредѣленный и ясный: „правая бровь у него выше лѣвой, правая ноздря ниже лѣвой; асимметрія въ лицѣ, указывающая на дегенеративность, вырожденіе. Такіе люди страдаютъ маніей величія, они упорны въ своихъ мнѣніяхъ“, таково заключеніе врача о Ленинѣ, а выявленная имъ дѣятельность добавляетъ—дегенерать физической, дегенерать умственный и моральный.

Проповѣдникъ соціалистическихъ свободы и равенства и садическій преступникъ, наслаждавшійся въ стѣнахъ своего кабинета ежедневно подававшимися ему списками разстрѣянныхъ, утопленныхъ, удушенныхъ и замученныхъ жертвъ реформъ всемірного братства и любви. Лидеръ раскола соціалъ-демократической партіи, руководившій не столько идеями, сколько стремлениемъ захватить капиталы партіи, и продажный главарь циммервальдовской шайки, спрятавшійся отъ своихъ хозяевъ и народа въ стѣнахъ русскаго Кремля, охраняемаго наемными звѣрями интернаціональной гвардіи изъ подонковъ Венгрии, Германіи, Латвіи и Китая.

Ленинъ готовъ былъ снова продаться передъ лицомъ создавшейся обстановки: онъ заговорилъ о необходимости сотрудничества съ буржуазными классами, о допустимости свободнаго волеизъявленія въ окраинныхъ областяхъ бывшей Россіи, о неизбѣжности всевозможныхъ уступокъ народнымъ массамъ. Онъ признавался въ неудачности произведенныхъ опытовъ и въ тайныхъ засѣданіяхъ съ своими клевретами откровенно считалъ дѣло проиграннымъ, высказывая мысль, что пора уходить.

А Лейба Бронштейнъ?

Соціалъ-демократическая обстановка нисколько его не потрясла; эта же адъ на землѣ Соврессіи былъ именно той атмосферой, въ которой ярче всего проявлялись сила воли, энергія, хитроумность и вся отрицательная геніальность этого человѣка-демона. Пока Ленинъ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ и изыскивалъ способы наиболѣе благополучной и обеспеченной новой купли-продажи совѣсти и... жизни, Бронштейнъ, какъ злой духъ, метался по всѣмъ угламъ своего стонавшаго, но официально облагодѣтельствованного имъ царства. Гдѣ онъ ни появлялся съ своими опричниками, потоки крови, заревы пожаровъ, неописуемыя пытки и звѣрства затмѣвали и заливали кровь, пролитую возставшими, искру протesta, брошенную изстрадавшимся народомъ. Не око за око и зубъ за зубъ, а сотни, тысячи человѣческихъ жизней расплачивались за одну жизнь совѣтского дѣятеля, за одну мысль противодѣйствія ему—Лейбу Бронштейну. „Нѣть ничего лучшаго, какъ вспыхнувшее возстаніе“, говорилъ Лейба, „это какъ нарывъ, вышедший наружу; одинъ сильный и ловкий ударъ ланцета и—все кончено“. „Никакихъ уступокъ, никакихъ послабленій; разстрѣль, огонь, пытка, терроръ—вотъ единственный отвѣтъ на всякія

угрозы". Онъ прилеталъ на минуту въ Москву, чтобы здѣсь опредѣленно гдѣ-либо на митингѣ разгромить колебанія Ленина, внести отъ себя тайныя поправки въ Ленинскія распоряженія, и мчался снова по Россіи, неся съ собою кровь, кровь и кровь безъ конца.

Въ этотъ періодъ существованія вновь созданного царства послѣдователей религіи *Лжи*, между главарями большевизма слѣва произошелъ безусловно расколъ; болѣе сильными, исторически закаленными, изувѣрскими, идейными борцами оказались сыны *Лжи* изъ еврейскаго племени, во главѣ съ Лейбой Бронштейномъ, Нахамкесъ-Стекловымъ и Янкелемъ Свердловымъ. Ихъ клевреты, въ большинствѣ сыны *Лжи* ихъ же племени, были разсыпаны всюду и вкраплены во всѣ офиціальные совѣтскія организаціи на мѣстахъ и въ центрѣ. Много распоряженій, исходившихъ отъ офиціальной совѣтской власти, незамѣтно для нея самой видоизмѣнялось и проводилось на мѣстахъ такъ, какъ это было надо и желательно восторжествовавшей въ то время партіи Лейбы Бронштейна. Онъ былъ въ то трудное время вершителемъ судебъ Россіи и тайною главою большевистской власти, а не Ленинъ, за которымъ оставалось офиціальное положеніе главы. Онъ былъ главнымъ вдохновителемъ и организаторомъ знаменитой чрезвычайки, всесильного и жестокаго органа, сосредоточившаго въ сущности въ своихъ рукахъ почти полностью государственную власть совѣтской Россіи. Этотъ органъ сталъ въ дѣйствительности тѣмъ административнымъ органомъ, который управлялъ страной, а не совѣты, президіумы и исполнкомы, остававшіеся офиціальными органами власти и создававшіе виѣшнюю форму народовластія совѣтскому режиму.

Эта система организаціи совѣтской власти должна обратить на себя особое вниманіе изучающихъ различныя событія, совершившіяся за періодъ лѣта 1918 года, такъ какъ только эта установившаяся двойственность въ управлѣніи страной разъясняетъ многія обстоятельства, почти совершенно неуловимыя, если пользоваться только одними офиціальными документами дѣятельности главарей большевистскаго режима. Коренная ложь, лежащая въ основѣ большевистскаго ученія, не могла не повлечь за собой *лжи* и въ попыткѣ практическаго примѣненія ученія въ жизни. Ложь должна была быть всюду: и въ проповѣдывавшейся идеологіи, и въ формулировавшихъ ее законахъ, распоряженіяхъ и

приказахъ, и въ путяхъ проведенія ихъ въ жизнь, и въ самихъ свойствахъ этихъ путей, составляющихъ систему административной правительственной сѣти управлениія страной. Въ каждомъ органѣ, въ каждомъ управлениі, въ каждомъ учрежденіи совѣтской власти должна была быть непремѣнно ложь. Вѣдь только черезъ вѣчную, бесконечную и постоянную ложь, во всѣхъ проявленіяхъ вновь строившейся жизни людей, можно было привести ихъ къ конечной цѣли, къ религіи Лжи.

Уловить при изученіи эту колоссальную ложь всегда и во всемъ нельзѧ, такъ какъ эта ложь создается не столько формой, сколько самимъ духомъ большевистского ученія. Когда въ эту ложь втягиваются бессознательные и тупые русскіе люди (Медвѣдевъ, Ермаковъ, Якимовъ—въ Екатеринбургѣ; весь составъ исполкома—въ Алапаевскѣ; Мотовилихинскіе рабочіе—въ Перми), или русскіе люди, примкнувшіе къ большевизму слѣва не по идеѣ религіи Лжи, а по расчету, по слѣпотѣ, по большевизму справа (Саковичи, Бѣлобородовы, Гуторы, Бончъ-Бруевичи, Муравьевы, Родіоновы), то ложь почти сама всплываетъ на поверхности гнусныхъ дѣяній этихъ предателей вѣры и родины. Но когда творцами лжи являются непосредственно искушенные, закаленные, идеиные и исторически воспитанные послѣдователи религіи Лжи изъ рядовъ Израильского племени (Бронштейнъ, Янкель Сверловъ, Исаакъ Голощекинъ, Сафаровъ), то уловить ложь почти невозможно; она чувствуется сердцемъ, нащупывается логикой, но не фиксируется документами, не вырисовывается какъ фактъ. Истина почти всегда остается покрытой туманомъ искусственной ложи.

Лейбу Бронштейну не смущали угрозы нѣмцевъ. Со своими клеветами онъ не остановился ни передъ голодными бунтами, ни передъ опасностью переворота, ни передъ стягивавшимся кольцомъ военныхъ силъ внѣшнихъ противниковъ; не смущали его и заколебавшіеся коллеги съ Ленинымъ во главѣ.

Бронштейнъ и его сподвижники—это прямые потомки революціонеровъ древняго Израиля; революціонеровъ прежде всего противъ Бога, а затѣмъ противъ всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ Единаго Бога, въ томъ числѣ и противъ своего еврейскаго народа. Ихъ революціонный фанатизмъ не остановился въ древности передъ разрушениемъ ради борьбы съ Богомъ资料 of his народа, передъ его разсѣяніемъ

по всему міру, передъ навлеченіемъ на него проклятія другихъ народовъ міра. И теперь Бронштейнъ выгналъ отъ себя пришедшихъ къ нему представителей еврейскаго народа, пытавшихся уговорить его прекратить злое дѣло, навлекающее бѣды на весь народъ. Онъ отрекся отъ своего народа, отъ религіи своего народа, отъ анти-христіанства современаго еврейскаго племени.

Бронштейнъ и его сподвижники—евреи по племени, израильские революціонеры—по ідеѣ, и послѣдователи религіи діавола—по духу. Эта историческая преемственность дѣлаетъ ихъ совершенно исключительными дѣятелями въ ряду всѣхъ прочихъ совѣтскихъ работниковъ. Они интернационалисты не по ідеѣ, а по существу; они противники существующихъ государственныхъ формъ не по духу, а по мистической, исторической наслѣдственности отъ революціонеровъ Израиля; они безбожники не по отрицанію Бога, а по преемственности отъ предковъ древне-исторической борьбы съ Богомъ. Поэтому въ ихъ дѣятельности прежде всего всегда и во всемъ движущимъ импульсомъ является борьба съ Богомъ, борьба съ Его религіей и всякой идеологіей, носящей начало Божественности. Созиданіе новой жизни, ея новыхъ соціальныхъ формъ для нихъ задача второстепенная, быть можетъ послѣдующая, но пока совершенно отбрасываемая, какъ это было и въ теченіи всей ихъ безконечной революціонной дѣятельности въ исторіи Ветхаго Завѣта.

И теперь, когда внѣшніе и внутренніе противники сдали совѣтскую власть со всѣхъ сторонъ, когда соціалистические эксперименты Ленина грозили довести массы до изступленія, вся энергія, предпріимчивость, дьявольская жестокость и безумное изувѣрство Бронштейна и его послѣдователей сосредоточились не на сопротивленіи надвигавшейся политической и соціальной опасности, а главнымъ образомъ на борьбѣ съ Богомъ, съ Богомъ русскаго народа, съ его вѣрой, со всѣмъ тѣмъ, что въ исторически воспитавшемся представлениі русскаго народа было связано съ его идеологическимъ міровоззрѣніемъ—Божественностью происхожденія, или Божественностью освященія: Помазанникъ Божій, Православная вѣра, Богохранимая Держава и Патрархальная семья.

Уничтоженіе Царской Семи и близкихъ Ей по духу Членовъ Дома Романовыхъ и приближенныхъ, надруганіе надъ

върой и гоненія на ея служителей, безгранице уничтоженіе народныхъ массъ, интернаціоналізація армії и націоналізація жёнщинъ и дѣтей въ семье—вотъ ближайшія задачи, поставленныя себѣ изувѣрами израильского племени большевистскаго режима.

Подготовка преступленія Центромъ.

Съ момента Октябрьскаго переворота 1917 года, Царская Семья, проживавшая подъ охраной въ Тобольскѣ, оказалась всецѣло во власти главарей большевистскаго движенія. Къ тому времени охрана Ея уже успѣла въ большей массѣ достаточно распуститься и развратиться, и любой „комиссаръ-ораторъ“ могъ бы легко подвинуть товарищѣй на совершение какого-угодно насилия и гнусности..

Однако прошли ноябрь, декабрь, январь—большевики Ея не трогаютъ, не интересуются, но и не заботятся о Ней. По позднѣйшему заявлению еврея Сафарова, пролетарская власть не видѣла въ Ней опасности и не боялась Ея.

За этотъ періодъ въ совѣтской власти еще не проявился расколъ и партія израильскихъ Богоборцевъ не выявилась въ своей спеціальной дѣятельности.

Но вотъ наступилъ февраль, мѣсяцъ, съ котораго для главарей совѣтской власти начали сгущаться тучи надъ ихъ головами. Февраль, мартъ, апрѣль—это періодъ постепенного наростанія событій, все болѣе и болѣе охватывавшихъ правительство въбунтовавшихся наемниковъ нѣмецкими желѣзными тисками, контръ-революціонными внѣшними русскими силами и многочисленными восстаніями своихъ насилиемыхъ властю подданныхъ. Обстановка потребовала для спасенія положенія максимальнаго напряженія энергіи, рѣшительныхъ дѣйствій власти и, главное, разгрома и уничтоженія наиболѣе опасныхъ для духа религіи Лжи очаговъ реакціи и „предразсудковъ“ народной идеологіи.

Въ этотъ именно періодъ, потребовавшій полнаго выявленія дѣятельности, сорганизовалась по своей спеціальности партія Бронштейна, выбросила всюду своихъ активныхъ работниковъ, окутала Россію паутиной организаций

чрезвычайной слѣдственной комиссіи и приступила къ своей исторической миссіи Бого-борству.

Могла ли быть ими оставлена въ сторонѣ Царская Семья въ Тобольскѣ?

Конечно нѣтъ. Свержение Царя, развращеніе народа материализованными соціалистическими учеными низвергнуть идеологію народа, исторически воспитанной и вытекающей изъ духа самаго русскаго народа, не могутъ. Не такъ легко откажется русскій народъ отъ „Помазанничества Богомъ“ своихъ Верховныхъ Государственныхъ Правителей.

Современный большевикъ Бронштейнъ, какъ потомокъ революціонеровъ Израиля, вѣроятно, лучше зналъ и понималъ устойчивость этой идеологіи, чѣмъ современный русскій большевикъ Ленинъ. Въ немъ это сознаніе было укрѣплено всей исторіей революціоннаго движенія въ древнемъ Израилѣ, которое въ концѣ концовъ привело къ сектантству въ религіи: Христосъ-Мессія, Онъ же будетъ и земной Царь; но не къ отказу народа отъ своей идеологіи.

Нити паутины Бронштейна протянулись и къ Тобольску.

Изучая исторію періода, предшествоавшаго убийству Царской Семьи, создается впечатлѣніе, что уже въ это время судьба бывшаго Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи была предрѣшена, и главари задуманнаго преступленія стали опутывать намѣченныя будущія жертвы какъ бы паутиной, дабы не выпустить Ихъ изъ своихъ рукъ и покончить съ Ними, когда моментъ будетъ благопріятный, или когда по какимъ-либо обстоятельствамъ создастся положеніе, угрожающее вырвать Ихъ изъ рукъ Бронштейновскихъ изувѣровъ.

Эти мысли логически вытекаютъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: какъ уже известно, составъ Екатеринбургскаго президіума областнаго совѣта былъ совершенно исключительнымъ: изъ 12 членовъ – восемь были евреи (Сафаровъ, Войковъ, Исаакъ Голощекинъ, Чуцкаевъ, Янкель Юровскій, Поляковъ, Хотимскій, Красновъ), при этомъ Сафаровъ и Войковъ были связаны непосредственно съ Бронштейномъ, Нахамкесомъ и Янкелемъ Свердловымъ еще по Швейцаріи, а Исаакъ Голощекинъ личными отношеніями съ Янкелемъ Свердловымъ и Апфельбаумомъ-Зиновьевымъ. Въ Тобольскій мѣстный совдепъ были включены евреи: Дуцманъ, Пейсель, Дислеръ и Заславскій, причемъ исключительно эти четверо вошли въ президіумъ совѣта и про-

явили особый интересъ къ Августѣйшимъ Узникамъ. Всѣ послѣдовавшія событія, связанныя съ судьбой Царской Семиы въ Тобольскѣ, обсуждались и разрѣшались именно этими членами совдепа. Изъ нихъ еврей Заславскій, игравшій главнѣйшую роль, былъ присланъ въ Тобольскъ изъ Москвы и вмѣстѣ съ нимъ былъ командированъ въ Тобольскъ матросъ Хохряковъ, кронштадтскій звѣрь-человѣкъ, участникъ всѣхъ бывшихъ крупнѣйшихъ террористическихъ актовъ противъ офицеровъ и буржуевъ. При Хохряковѣ въ тайнѣ состоялъ особый Екатеринбургскій отрядъ изъ латышей, мадьяръ и нѣмцевъ, выдѣленный, какъ уже говорилось выше, изъ особаго Голощекинскаго отряда.

Еврей Заславскій и матросъ Хохряковъ прїѣхали въ Тобольскъ 14-го марта. Хохряковъ имѣлъ право непосредственныхъ сношеній съ Москвой и Екатеринбургомъ, и дѣйствительное назначеніе его въ Тобольскѣ прикрывается назначеніемъ его предсѣдателемъ мѣстнаго совдепа. Въ губернаторскомъ домѣ, где содержалась Царская Семья, Хохряковъ не показывался вплоть до окончанія инцидента съ Яковлевымъ, о чёмъ будетъ сказано дальше. Послѣ же отѣзда Яковлева Хохряковъ объявилъ себя распорядителемъ судьбой оставшихся въ Тобольскѣ Царскихъ Дѣтей и предъявилъ мандатъ „уполномоченнаго всероссійскими исполнительными комитетами совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ и областнымъ совѣтомъ Урала по перевозкѣ Семи бывшаго Царя“.

Еврей Заславскій по прибытии въ Тобольскъ зачислился въ члены президіума мѣстнаго совдепа, но изрѣдка навѣдывался въ губернаторскій домъ и велъ большевистскую пропаганду среди солдатъ охраны.

Такимъ путемъ главари въ Москвѣ имѣли возможность тщательно наблюдать за Царской Семьеи въ Тобольскѣ и въ любой моментъ черезъ Заславскаго, Хохрякова и особый Екатеринбургскій отрядъ покончить съ Членами Царской Семии. Есть полное основаніе допустить, что еврей Заславскій и матросъ Хохряковъ были командированы именно для того, чтобы покончить, не откладывая, съ Царской Семьеи. Но дѣйствовать въ открытую изувѣры боялись: во-первыхъ, охраны, бывшей при Царской Семьеи, во-вторыхъ, благопріятно настроенного къ Царской Семьеи населенія Тобольска, и, въ третьихъ, опасеніемъ открытымъ убийствомъ вызвать въ народныхъ христіанскихъ массахъ движенія на идеоло-

гическихъ началахъ. Безъ лжи въ такомъ преступлениі главари обойтись не могли; они должны были, или дѣйствовать въ тайнѣ, или совершить убийство, прикрывшись какой-либо провокацией. Такъ по крайней мѣрѣ можно предполагать изъ послѣдовавшей дѣятельности еврея Заславскаго.

Заславскій, прїѣхавъ въ Тобольскъ, повидимому, намѣтилъ прежде всего отдѣлить охрану отъ Царской Семьи, изолировать послѣднюю и поставить Ее въ обстановку болѣе скрытой жизни, чѣмъ въ губернаторскомъ домѣ, на виду у всего города. Для этого онъ сталъ распускать среди членовъ мѣстнаго совѣда и между чинами охраны Семьи всевозможные провокационные слухи: что Царской Семьѣ угрожаетъ опасность нападенія какихъ-то шаекъ, рѣшившихся будто бы покончить съ бывшимъ Царемъ и его Семьей; что подъ губернаторскій домъ ведется подкопъ, съ цѣлью взорвать его вмѣстѣ со всѣми живущими въ немъ, и тому подобная ложная и фантастическая свѣдѣнія, которая однако легче всего воспринимаются темной народной массой и совѣтскими дѣятелями изъ ея среды. Въ результатѣ мѣстный совѣдъ, по предложенію евреевъ Дуцмана, Пейселя и Дислера, поддержанному предсѣдателемъ Хохряковымъ, постановилъ: перевести Царскую Семью „на гору“, какъ называлась въ Тобольскѣ тюрьма, расположенная на горѣ за городомъ. Такъ какъ безъ согласія охраны еврей Заславскій не рисковалъ приступить къ перемѣщенію, то, для убѣжденія солдатъ въ необходимости такого мѣропріятія, 10-го апрѣля въ совѣдѣ были приглашены депутаты отъ каждой роты охраннаго отряда. Предчувствуя недобрѣе замыслы, съ депутатами пошелъ, незванымъ, комендантъ охраны полковникъ Кобылинскій.

Въ мѣстномъ совѣдѣ делегація была принята президѣумомъ въ составѣ только что упомянутыхъ выше трехъ евреевъ: Дуцмана, Пейселя и Дислера, къ которымъ присоединился Заславскій, подъ предсѣдательствомъ Хохрякова. Пришедшемъ было объявлено рѣшеніе совѣда—перевести всю Царскую Семью „на гору“. Попытка полковника Кобылинскаго опровергнуть рѣшеніе заявлениемъ, что охрана Царской Семьи подчиняется не мѣстному совѣду, а центральной власти—не помогла. Тогда полковникъ Кобылинскій повернулъ вопросъ такъ, что для охраны Царской Семьи отъ готовящихся, по разсказамъ еврея Заславскаго, покушеній, въ тюрьму должна быть переведена и вся охрана, безъ ко-

торой обойтись нельзя. Тутъ естественно делегаты товарищи-охранники загалдѣли, зашумѣли, стали угрожать президіуму, и совѣтъ евреевъ принужденъ былъ отступить, сославшись на то, что собственно говоря окончательного рѣшенія совѣтъ по этому вопросу еще не выносилъ, а только высказывается принципіально.

Во всякомъ случаѣ замыселъ главарей на этотъ разъ сорвался и предупредилъ ихъ на будущее время быть еще болѣе осмотрительными и искуссными. Можно думать, что въ замыслахъ еврея Заславскаго скрывалась первая попытка революціонеровъ Израиля покончить съ Царской Семьей, такъ какъ о постигшей неудачѣ Заславскій поспѣшилъ донести въ Москву, приписывая ее опасному настроению солдатъ существующей при Царской Семье охраны.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ намѣчается вторая попытка сподвижниковъ Бронштейна по племени и духу покончить съ Тобольскими Августѣйшими Узниками.

12-го апрѣля въ Тобольскѣ было получено распоряженіе, подписанное Янкелемъ Свердловымъ: „Долгорукова, Татищева, Гендрикову и Шнейдеръ считать также арестованными“. До этихъ поръ упомянутые чины свиты, добровольно послѣдовавшіе за Царской Семьей въ ссылку, проживали напротивъ губернаторскаго дома въ домѣ Корнилова и пользовались относительной свободой, т. е. могли ходить по городу въ сопровожденіи солдатъ охраны. Послѣ распоряженія Янкеля Свердлова ихъ перемѣстили въ губернаторскій домъ и судьба ихъ, слѣдовательно, должна была быть тождественной съ судьбою всей Царской Семьи. Чѣмъ руководился Янкель Свердловъ при выборѣ придворныхъ? Почему были указаны именно эти четыре лица? Отчего исключили состоявшихъ въ одинаковомъ положеніи баронессу Буксгевденъ и доктора Деревенько? Вопросы, которые останутся безъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, и только въ отношеніи доктора Деревенько, судя по его дальнѣйшему образу дѣйствій, можно съ достаточнымъ вѣроятіемъ заключить—не подходилъ по духу къ обреченной Царской Семье.

Повидимому, въ это же время въ Москву сошлись обстоятельства, понудившія совѣтскую власть принять мѣры къ перевозкѣ Царской Семьи изъ Тобольска въ Москву. Каковы были причины, побудившія Москву предпринять

этую перевозку, можно судить лишь предположительно по совокупности всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это рѣшеніе.

Можно опредѣленно сказать, что въ данномъ случаѣ никакое давление нѣмецкихъ группъ или германофильтровавшихъ монархическихъ русскихъ партій здѣсь не имѣло мѣста. Въ этотъ періодъ нѣмцы въ Россіи, занявъ Украину, Псковъ, угрожая Петрограду, чувствовали себя полными хозяевами положенія и вполнѣ увѣрены были въ достиженіи желаемой экономической победы. Бывшій Царь имъ быть совершенно не нуженъ; въ разыгравшемся до апогея самоубініи, они, совмѣстно съ примыкающими къ нимъ русскими элементами, лелеяли совершенно иной планъ реставраціи монархической Россіи. Ихъ взоры были обращены туда, на югъ, въ Крымъ, гдѣ скромно и тихо проживалъ популярнѣйшій изъ Великихъ Князей Николай Николаевичъ, къ которому всей душой тянулись доблестные остатки былой могучей русской арміи во главѣ съ генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ. Имъ было вовсе не до несчастной Царской Семьи.

Рѣшеніе офиціальной совѣтской власти перевезти Царскую Семью могло быть вызвано двумя причинами: или, опасаясь повсемѣстныхъ восстаній, совѣтская власть боялась самосуда или похищенія, или же перевозка была инспирирована офиціальной совѣтской власти партіей Бронштейна, которая могла использовать перевозку для выполненія своихъ темныхъ замысловъ. Послѣднее, судя по послѣдовавшимъ событиямъ, представляется болѣе вѣроятнымъ.

Для выполненія перевозки Царской Семьи совѣтская власть командировала въ Тобольскъ Василія Васильевича Яковлева, снабдивъ его мандатомъ: „чрезвычайного комиссара всероссійского центрального исполнительного комитета рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и казачьихъ депутатовъ“. Полномочія и предписанія были выданы Яковлеву отъ президіума Ц. И. К., за подпись Янкеля Свердлова и скрѣпою Аванесова. Этими документами Яковлевъ уполномочивался вывезти изъ Тобольска всю Царскую Семью, причемъ всѣ лица охраны Царской Семьи обязывались исполнять всѣ его требованія и приказанія подъ угрозой „разстрѣла на мѣстѣ“ въ случаѣ неповиновенія.

Яковлевъ прїѣхалъ въ Тобольскъ 22-го апрѣля вечеромъ. Онъ не принадлежалъ ни къ изувѣрамъ партіи Бронштейна,

ни къ коммунистамъ Ленина. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ состоялъ въ партіи эсъ-эровъ и еще при Царскомъ режимѣ, какъ одинъ изъ активнѣйшихъ дѣятелей партіи, былъ за что-то приговоренъ къ смертной казни, но удачно бѣжалъ и скрывался за границей, въ Германию и Швейцаріи.

Яковлевъ былъ типичнымъ россійскимъ идеянымъ политическимъ дѣятелемъ крайнихъ соціалистическихъ направлений, но совершенно былъ чуждъ темной дѣятельности закулисныхъ сторонниковъ Бронштейна и, конечно, не предполагалъ даже о существованіи таковыхъ въ центральныхъ и мѣстныхъ органахъ власти и о степени могущества и вліянія этой изувѣрской организаціи. Получивъ отъ официальной центральной власти полномочія на перевозку Царской Семьи, онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ, чтобы честно выполнить принятое на себя обязательство.

Неудача миссіи еврея Заславского была представлена сторонниками Бронштейна официальной совѣтской власти въ Москвѣ, какъ актъ неповиновенія охраны мѣстной совѣтской власти, вытекавшій изъ контрѣ-революціонности солдатъ охраны, сформированной еще при прежнемъ правительстве. Совершенно ясно, что Яковлевъ былъ инструктированъ въ Москвѣ именно въ такой окраскѣ происшедшаго инцидента, почему въ Тобольскѣ онъ прежде всего постарался заручиться расположениемъ солдатъ охраны.

23-го апрѣля Яковлевъ собралъ весь отрядъ и обратился къ товарищамъ съ длинной рѣчью, дѣйствуя главнымъ образомъ на ихъ слабыя струнки. Говорилъ онъ хорошо, просто, ясно и увлекательно; было видно, что онъ прекрасно понимаетъ психологію толпы и умеетъ ею пользоваться. Съ первыхъ же словъ онъ заявилъ солдатамъ, что вотъ ихъ представитель Лунинъ пріѣзжалъ въ Москву и хлопоталъ о суточныхъ деньгахъ; деньги онъ, Яковлевъ, привезъ и каждому будетъ выдано не по 50 копѣекъ суточныхъ, какъ было при временномъ правительстве, а по 3 рубля на человѣка въ сутки. Затѣмъ онъ предъявилъ солдатамъ свое удостовѣреніе. Солдаты стали осматривать его, стали особо подробно разбирать печать на немъ, видимо, питая нѣкоторое сомнѣніе въ личности Яковлева. Онъ это сразу же понялъ и снова началъ говорить солдатамъ о суточныхъ, о томъ, что вотъ теперь они все будуть отпущены и станутъ свободнымиѣхать по домамъ, къ своимъ семьямъ и т. п.

Въ концѣ онъ упомянулъ, что вотъ-де между отрядомъ и мѣстнымъ совѣтомъ произошли недоразумѣнія изъ-за вопроса о переводе Царской Семьи въ тюрьму, что онъ эти недоразумѣнія выяснить.

Какъ ни были уже развращены солдаты, но инстинктивно почувствовали, что Яковлевъ пріѣхалъ съ чистой задачей по отношенію къ Царской Семье и приняли его сторону. Конечно, большую роль сыграли и привезенные Яковлевымъ деньги, розданные солдатамъ на слѣдующій же день. Однако все это не спасло въ будущемъ положенія.

Странная обстановка создалась въ Тобольскѣ съ пріѣзломъ туда Яковлева; совершенно необъяснимая, если не учитывать той двойственности и лжи, которая выявились во всей системѣ большевистского управления и режимѣ, обрушившихся вообще на несчастную Россію. Яковлевъ вполнѣ убѣжденъ считалъ себя единственнымъ и высшимъ представителемъ всероссійской центральной власти въ Тобольскѣ, и въ то время ни минуты не сомнѣвался въ честности и добросовѣтности этой командировавшей его центральной власти, возглавлявшейся евреемъ Янкелемъ Свердловымъ. Онъ вѣрилъ въ силу этой власти, въ ея единомысліе и единодушіе въ достижениіи цѣлей перестроенія Россіи въ новыя соціальные формы, и не могъ предполагать, что въ совѣтской Россіи можетъ параллельно существовать другая власть, другая болѣе значительная сила, руководимая въ достижениіи цѣли своими побужденіями, своими идеями, не „дебатируемыми“ открыто въ офиціальныхъ органахъ совѣтской власти, и не довѣряемая каждому честному работнику офиціальной власти, хотя бы „чрезвычайному уполномоченному“.

Въ Тобольскѣ одновременно съ Яковлевымъ находились еврей Заславскій и палачъ Хохряковъ, командированные также по распоряженію Москвы и располагавшіе къ тому же силами особаго отряда интернаціональныхъ палачей. Хохряковъ пользовался безусловно большимъ довѣріемъ не только центральной власти, но и промежуточной мѣстной, Екатеринбургской; онъ былъ уполномоченнымъ отъ ЦИКА, какъ и Яковлевъ, но съ добавленіемъ „и Уральскаго областного совѣта“. Къ Яковлеву же при его проѣздѣ черезъ Екатеринбургъ Исаакъ Голощекинъ приставилъ Авдѣева „для оказанія содѣйствія“, но въ дѣйствительности для наблюденія за поведеніемъ и каждымъ шагомъ Яковлева. Авдѣевъ

неотступно былъ все время при Яковлевѣ, всюду совалъ свой носъ, высказывалъ свои соображенія, съ которыми Яковлеву приходилось считаться и порой вести борьбу. Онъ не содѣйствовалъ Яковлеву, а мѣшалъ, тормозилъ и усложнялъ его задачу.

Заславскій съ Хохряковымъ, дѣйствуя отъ центральной власти, стараются запрятать Царскую Семью въ тюрьму. Яковлевъ, дѣйствуя отъ той же власти, имѣть опредѣленное приказаніе—вывезти въ Москву. Не чувствуется ли во всемъ этомъ дѣйствіе двухъ разныхъ силъ центральной власти, не однородныхъ въ путяхъ достиженія цѣлей, не единомышленныхъ въ руководящихъ ими идеяхъ? Одна изъ силъ, болѣе лживая, темная, злобная и фанатичная, какъ бы прячется за другой силой, дѣйствующей явно, пользуясь для проведенія своихъ плановъ не органами управления второй силы, а лишь специальными своими агентами, вкрапленными во всѣ органы.

Вечеромъ въ день прїезда Яковлевъ видѣлся съ евреемъ Заславскимъ, Хохряковымъ и прочими, упоминавшимися выше главарями мѣстнаго совдепа, и, казалось, не усмѣтрѣль въ нихъ людей другого лагеря и какой-либо опасности для выполненія своей задачи. Но на другой день положеніе совершенно измѣнилось. Дѣло въ томъ, что послѣ бесѣды съ солдатами охраны Яковлевъ отправился въ губернаторскій домъ и здѣсь узналъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ боленъ настолько серьезно, что нельзѧ было думать о перевозкѣ его въ Москву, особенно принявъ во вниманіе необходимость тяжелаго пути въ распутицу на лошадяхъ до Тюмени. Было ясно, что вывезти всю Царскую Семью, какъ это было поручено Яковлеву, онъ не сможетъ, что создавало опять неблагопріятную обстановку для замысловъ еврейскихъ изувѣровъ центра. Когда вечеромъ Яковлевъ сообщилъ объ этомъ главарямъ мѣстнаго совдепа и заявилъ, что онъ намѣренъ вывезти хотя бы часть Семьи, то Заславскій и Хохряковъ, поддержаные евреями Дуцманомъ, Пейселемъ и Дислеромъ, рѣзко стали въ оппозицію Яковлеву, грозили ему силой не допустить выполненія такого замысла и создали настолько острую форму преній, что Яковлевъ почувствовалъ серьезную опасность, угрожавшую ему и Царской Семье со стороны упомянутыхъ лицъ.

Яковлевъ сильно заволновался; привезенной съ собой охраны у него было слишкомъ мало, чтобы противопоста-

вить ее мѣстнымъ силамъ Заславскаго и Хохрякова, особенно если имъ удалось бы перетянуть на свою сторону и охрану, состоявшую при Царской Семье, для чего теперь обстановка складывалась благопріятно въ пользу Заславскаго. Не подозрѣвая, что послѣдній могъ дѣйствовать по тайнымъ указаніямъ изъ центра, Яковлевъ рѣшилъ прежде всего получить подтвержденіе отъ центральной власти своего намѣренія везти часть Семи, а затѣмъ, насколько возможно, обезвредить влияніе Заславскаго въ охранѣ и обеспечить себѣ этимъ возможность выѣзда изъ Тобольска. На Заславскаго и Хохрякова онъ смотрѣлъ лишь какъ на мѣстныхъ дѣятелей и считалъ ихъ поведеніе проявленіемъ самоуправства мѣстныхъ совдепистовъ, пользующихся физической силой, находящейся въ ихъ распоряженіи, и нежелающихъ считаться съ распоряженіями центральной власти.

Яковлевъ бросился на прямой проводъ съ Москвой, изложилъ сложившуюся обстановку, тревоя съ мѣстнымъ совдепомъ, опасенія насилия со стороны мѣстныхъ красноармейцевъ и противодѣйствія охраны и получилъ отвѣтъ... веати хотя бы одного бывшаго Царя, а съ нимъ можетъ вѣхать кто угодно.

Яковлевъ, какъ ему казалось, добился первого успѣха; тѣмъ не менѣе заторопилъ съ отѣзгомъ, потребовавъ, чтобы онъ состоялся въ слѣдующую же ночь, но нервность его не покидала и опасеніе возможныхъ насилий не оставляло. Поэтому день 24-го апрѣля онъ посвятилъ задачамъ по обезвреживанію Заславскаго.

Какъ человѣкъ интеллигентный, умный и наблюдательный, Яковлевъ замѣтилъ, что въ мѣстномъ Тобольскомъ совдепѣ существовало два боровшихся направлениія: Омскъ считалъ Тобольскъ принадлежащимъ къ сферѣ влиянія Западной Сибири, а Екатеринбургъ, причислявшій себя къ Центральной Россіи и центральной власти Европейской Россіи, оспаривалъ и считалъ Тобольскъ Уральскимъ городомъ. Представителемъ Омска въ совдепѣ былъ студентъ Дегтяревъ, а представителемъ интересовъ Центральной Россіи и Екатеринбурга тотъ же еврей Заславскій. Яковлевъ рѣшилъ использовать это соперничество между Дегтяревымъ и Заславскимъ и дискредитировать послѣдняго въ глазахъ солдатъ охраны. Для этого 24-го апрѣля днемъ Яковлевъ снова собралъ весь отрядъ на митингъ и

привелъ туда Дегтярева и Заславского, который не подозрѣвалъ хитрости Яковлева. На митингѣ Дегтяревъ выступилъ съ рѣчью къ охранникамъ, все содержаніе которой сводилось къ обвиненію Заславского въ томъ, что онъ искусственно нервировалъ солдатъ охраны, создавая ложные слухи объ опасности, угрожавшей Царской Семье, о подкопахъ, ведущихся подъ домъ и т. п. Заславскій пытался защищаться, но тщетно. Его ошикали, освистали и въ результатѣ онъ вынужденъ былъ покинуть собраніе.

Потерпѣвъ снова неудачу въ глазахъ охранниковъ, Заславскій спѣшно бросился въ Екатеринбургъ, выѣхавъ изъ Тобольска часовъ на шесть раньше Яковлева.

Все это столкновеніе съ Заславскимъ и Хохряковымъ можетъ быть, конечно, всегда истолковано какъ инцидентъ, возникшій на почвѣ самоуправства мѣстныхъ большевистскихъ дѣятелей. Но въ связи съ общимъ ходомъ послѣдовавшихъ событій, безусловно чувствуется, что всѣ эти отдѣльныя событія находились во внутренней связи между собою и вытекали изъ какого-то особаго плана, совершенно отличного отъ плана доставки Царской Семьи куда-либо въ другой пунктъ, и руководящій центръ котораго былъ въ Москвѣ, въ средѣ центральной совѣтской власти.

Освободившись отъ Заславского, Яковлевъ все же не успокоился; предчувствіе недоброго его не покидало, но онъ не сознавалъ откуда надо ждать опасности. Ему все же продолжала представляться угроза со стороны мѣстныхъ Тобольскихъ силъ, мѣстныхъ вліяній. Только поздно вечеромъ 24-го, когда все уже было подготовлено къ отѣзду, онъ снова собралъ охрану и тутъ объявилъ, что увозить изъ Тобольска бывшаго Государя и сопровождающихъ Его Государыню Императрицу, Великую Княжну Марію Николаевну и доктора Боткина, причемъ просилъ солдатъ сохранить это въ секретѣ. Послѣднее нѣсколько смущило солдатъ, но примирились они на томъ, что выбрали изъ своей среды товарищей: Матвѣева, Карсавина, Шикунова, Лупина, Лебедева и Набокова, которые должны были сопровождать Государя до мѣста новаго назначенія.

Отѣзду состоялся въ 4 часа утра 25-го апрѣля. Яковлевъ никому не объявлялъ пункта, куда онъ долженъ доставить бывшаго Царя, но не переставалъ торопить и въ дорогѣ, какъ бы допуская возможность погони. Нигдѣ не останавливались, перепрягали на станціяхъ лошадей и мча-

лись дальше; даже чай пили не выходя изъ повозокъ. Дорога была ужасная, такъ какъ распутица испортила путь, а разлившіяся рѣчки имѣли глубокіе броды. Тѣмъ не менѣе къ вечеру 25-го Яковлевъ привезъ арестованныхъ въ Тюмень и здѣсь, перейдя въ приготовленный классный вагонъ, въ тотъ же вечеръ двинулись на Екатеринбургъ.

Яковлевъ вздохнулъ свободнѣе, но... тутъ-то его и поджидала опасность, совершино для него неожиданная.

Ночью на 25-е апрѣля въ Камышловъ онъ узналъ, что Екатеринбургскіе главари рѣшили его не пропускать на Москву и задержать. Выбитый совершино изъ колеи своихъ „чрезвычайныхъ полномочій“ еще Тобольскими инцидентами, ничего не понимая въ происходящемъ, Яковлевъ повернуль назадъ на Омскъ, дабы оттуда взять направлениe на Москву черезъ Челябинскъ, Уфу и Самару. Однако въ Куломзинъ передъ самымъ Омскомъ поѣздъ опять задержали и мѣстные желѣзнодорожные служащіе объявили ему, что изъ Омска приказано никуда поѣздъ не выпускать впредь до получения указаний. Яковлевъ пошелъ къ аппарату съ Омскомъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, и оказалось слѣдующее: Екатеринбургъ, предупрежденный будто бы Заславскимъ и телеграммой Хохрякова, сообщилъ Омску, что Яковлевъ объявляется виѣ закона, такъ какъ намѣревался вывезти бывшаго Государя Императора въ Японію. Тогда Яковлеву ничего не оставалось дѣлать, какъ отцѣпивъ паровозъ,ѣхать самому въ Омскъ и переговорить по прямому проводу съ Москвой. Онъ вызвалъ центральный исполнительный комитетъ, который уполномачивалъ его на перевозку Царской Семьи въ Москву и получилъ отъ Янкеля Свердлова приказъ... везти бывшаго Государя въ Екатеринбургъ...

Пока Яковлевъ хлопоталъ въ Тобольскѣ честно выполнить возложенное на него порученіе офиціальной совѣтской власти, въ Екатеринбургѣ, въ этомъ сильномъ промежуточномъ этапѣ распорядительной сѣти Бронштейновской партіи и чрезвычайной слѣдственной комиссіи, происходило слѣдующее: какъ уже высказывалось раньше до 25-го апрѣля среди областныхъ главарей совѣтской власти, повидимому, совершино не существовало предположеній о размѣщеніи Царской Семи въ городѣ Екатеринбургѣ. Изъ весьма ограниченныхъ свѣдѣній, данныхъ членомъ областного президіума Саковичемъ, можно допустить, что среди заправиль

этого органа советской власти обсуждались совершенно иные предположения в отношении судьбы Царской Семьи, которую Яковлевъ долженъ былъ провезти черезъ Екатеринбургъ. Саковичъ хорошо помнилъ, что на засѣданіи президіума, происходившемъ не въ офиціальномъ мѣстѣ засѣданій и не при полномъ числѣ его членовъ, обсуждался вопросъ—какъ будетъ лучше покончить со всей Царской Семьей при этой перевозкѣ: устроить ли крушение поѣзда и такимъ образомъ раздавить всѣхъ, или организовать охрану отъ провокаторского покушенія на крушение поѣзда, т.-е. перестрѣлять въ пути всѣхъ, представивъ дѣло гибели Членовъ Царской Семьи, какъ случайное слѣдствіе проишедшаго боя съ мнимой бандой злоумышленниковъ. Саковичъ запомнилъ, что участвовали въ этомъ засѣданіи евреи Войковъ, Сафаровъ, Исаакъ Голощекинъ, латышъ Тупетуль и рабочій Бѣлобородовъ; возможно, что участвовали и некоторые другие комиссары, но хорошо запомнилъ именно этихъ, очевидно потому, что ими было наиболѣе проявлено активности въ этомъ гнусномъ заговорѣ.

Саковичъ также помнилъ, что по вопросу о перевозкѣ Царской Семьи тогда же были сношенія съ Москвой, т.-е. съ центральной властью, отъ которой были получены по этому поводу указанія. Судя по тѣмъ образцамъ сношеній между Екатеринбургскими главарями и представителями центральной власти, которые попали въ руки слѣдствія, можно опредѣленно заключить, что Екатеринбургъ всегда и во всемъ проявлялъ полную подчиненность главарямъ центра и постоянно инструктировался Москвой. Поэтому совершенно нельзя допустить, что задержка Царской Семьи въ Екатеринбургѣ могла явиться самочиннымъ актомъ мѣстной советской власти, и что Янкель Свердловъ былъ вынужденъ дать Яковлеву приказаніе везти бывшаго Царя въ Екатеринбургъ подъ давленіемъ неизбѣжности положенія. Наоборотъ, можно думать, что когда изувѣры евреи центра узнали отъ Яковлева о болѣзни Наслѣдника Цесаревича, то, не отказываясь отъ своего умысла, но видя необходимость снова отложить его выполненіе, рѣшили использовать создавшуюся обстановку и перевезти Семью по частямъ въ Екатеринбургъ, дабы освободиться отъ вѣчно осложнявшей ихъ планъ охраны при Царской Семье. Соответственно сему, адепты Бронштейновской партіи въ Екатеринбургѣ, Сафаровъ, Войковъ и Голощекинъ, вѣроятно, и получили

указаниe задержать Яковлева. Такимъ предположенiemъ логичнѣе объясняется приказаниe, полученное Яковлевымъ въ Омскѣ отъ Янкеля Свердлова.

Въ Екатеринбургъ Яковлевъ прїѣхалъ въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля. Здѣсь къ нему отнеслись враждебно и солдаты, взятые имъ въ Тобольскѣ изъ охраны, были обезоружены и арестованы. Ихъ продержали нѣсколько дней, но затѣмъ, дабы не раздражать охраны, остававшейся въ Тобольскѣ при Дѣтяхъ, отпустили обратно въ Тобольскъ. Яковлевъ, выдержавъ бурное объясненіе въ президіумѣ, помчался въ Москву докладывать о результатахъ своей командировкы и, какъ онъ говорилъ, жаловаться на обращеніе съ нимъ областного совѣта. Въ приемѣ же отъ него арестованныхъ ему была выдана слѣдующая расписка:

Рабочее и Крестьянское
Правительство
Российской Федеративной
Республики Советов.
Уральский Областной Совет
Рабочих
Крестьянских и Солдатских
Депутатов.
ПРЕЗИДИУМ
№ 1.

Екатеринбург. 30 апреля 1918 г.

РАСПИСКА.

1918 года апрѣля 30 дня, я нижеподпісавшійся Председатель Уральского Областного Совета Раб., кр. и солд. Депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Василия Васильевича Яковлева доставленныхъ им из г. Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывш. вел. княгиню Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге.

А. Белобородов.

Член Обл. Исполн. Комитета *Б. Дицковский.*

Былъ ли выслушанъ кѣмъ-либо въ Москвѣ Яковлевъ—неизвѣстно. По прибытии его въ Москву, Лейба Бронштейнъ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ, оказанныхъ совѣтской власти Яковлевымъ, послѣшилъ дать ему въ командинаніе армію на Самарскомъ фронѣ и отправить его изъ Москвы. Только теперь, вѣроятно, Яковлевъ понялъ ложь, царившую въ совѣтской власти и ея системѣ управления и проведенія въ

жизнь принциповъ социальныхъ формъ нового строительства. Совѣсть его, какъ старого честного соціалиста, не могла примириться съ ложью, и въ октябрѣ 1918-го года онъ дезертировалъ изъ рядовъ совѣтской арміи и сдался бѣлогвардейскимъ Сибирскимъ войскамъ.

Центральная власть и преступленіе.

Въ упоминавшейся выше книгѣ нѣмецкаго экономиста Вернеръ-Дайя помѣщены между прочимъ слѣдующія характерныя для момента мысли:

„Несмотря на проявленную жизненную страсть, русскій человѣкъ въ корнѣ все-таки слишкомъ трезвъ и—по существу явлений—слишкомъ проученъ, чтобы въ концѣ концовъ не взвѣсить и не оцѣнить политическихъ событій соотвѣтственно ихъ выгодѣ. Поэтому кадеты смогутъ признать (что, вѣроятно, стало имъ уже ясно по примѣру германского веденія войны), что экономическая жизнеспособность и прочность Германіи въ состояніи выдержать соревнованіе съ англійскими“.

„Можно уже теперь предсказать, что большевистское правительство быть можетъ послѣ нѣсколькихъ промежуточныхъ градаций будеть снова уничтожено буржуазно-кадетской контрь-революціей, во главѣ которой тогда, по всей вѣроятности, станеть Великій Князь Николай Николаевичъ“.

Во второй половинѣ 1917-го года и первой половинѣ 1918-го политика Германіи почти всецѣло сосредоточилась въ рукахъ „Верховнаго командованія“. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ порой совершенно не было известно о тѣхъ политическихъ задачахъ, которыя задумывались и проводились въ жизнь „командованіемъ“. Читая Вернера-Дайя, иногда представляется, что не былъ ли онъ однимъ изъ политическихъ вдохновителей „командованія“, или быть можетъ стоялъ слишкомъ близко къ нему, по крайней мѣрѣ мысли, высказанныя имъ въ его трудѣ „Наступленіе на Востокъ“, во многомъ являлись руководящимъ импульсомъ въ политическихъ комбинаціяхъ, воспламенявшихъ шовинистическихъ генераловъ военнаго командованія.

Подтвержденіемъ тому, какъ примѣромъ особо яркимъ, служитъ приведенная выше выдержка. Апрѣль, май и начало іюня 1918-го года были періодомъ, когда германское

„военное командование“ въ Россіи, усумнившись въ возможності работать съ большевиками, увлеклось новой политической фантазіей. Занявъ Украину, утвердивъ въ ней гетмана Скоропадского, нѣмцы на Дону вошли въ соприкосновеніе съ военными организаціями, объединившимися вокругъ генерала Краснова, который принялъ отъ нѣмецкаго командованія руку помощи и получалъ отъ него снаряды, оружіе, патроны. Зная объ очень тяжеломъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи добровольческихъ группъ генерала Алексѣева, нѣмцы задумали черезъ генерала Краснова сговориться съ генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ и, увлекаясь своей слѣпой самовлюблённостью, возмечтали при помощи этихъ генераловъ выдвинуть и провести на россійскій престолъ популярнаго въ народныхъ массахъ и въ военныхъ сферахъ Великаго Князя Николая Николаевича, проживавшаго въ то время въ Крыму.

Конечно, нѣмцы проиграли задуманную ими новую политическую комбинацію, какъ рѣшительно была проиграна ими ставка на большевиковъ. Генералы Алексѣевъ и Деникинъ категорически отказались отъ какихъ-либо разговоровъ съ ними, а въ отношеніи Великаго Князя Николая Николаевича само собою сомнѣваться нельзя было; все это были слишкомъ национальные русскіе люди и слишкомъ понимавшіе въ комъ крылся корень вла, постигшаго Россію, чтобы пойти на какие-либо компромиссы съ нѣмцами и продать имъ свою родину.

Что было дѣлать дальше ограниченнымъ и слѣпымъ германскимъ генераламъ-политикамъ, признававшимъ въ своемъ самомнѣніи единственными способами достижениѧ цѣлей или насилие, или провокацио, или подлость. Вотъ теперь-то, примѣрно въ началѣ іюня, возможно, у нихъ возникла мысль достигнуть своихъ экономическо-политическихъ цѣлей новымъ насилиемъ, новой подлостью, и на этотъ разъ надъ измученнымъ физически и морально, провокаторски обезщеменнымъ ими же еще въ мирное время, и нынѣ всецѣло, какъ они могли воображать, находившимся въ ихъ власти и воли, несчастнымъ, сверженнымъ и всѣми забытомъ, бывшимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. Безвыходность положенія—съ одной стороны, туманившій голову шовинизмъ—съ другой, и вожделѣнія власти со стороны подстрекавшихъ, предавшихся всецѣло нѣмцамъ и перекочевавшихъ въ Берлинъ россійскихъ лже-

націоналистовъ и лже-патріотовъ, могли понудить нѣмецкое командование на подлый планъ: использовать и.и.ч бывшаго Царя, какъ угрозу совѣтской власти, и понудить ее этимъ на полное подчиненіе себѣ и своимъ требованіямъ.

Конечно, если только такой планъ существовалъ, то онъ исходилъ исключительно изъ нѣдръ различныхъ политиковъ, ставившихъ бюро германского „военного командования“ и ни въ коемъ случаѣ не могъ быть продуктомъ творчества Берлинского Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Однако пока изученіе и изслѣдованіе исторіи уничтоженія Царской Семи распологаетъ слишкомъ недостаточными материалами, чтобы утверждать безусловность существованія такого плана, и окончательное разъясненіе этого темнаго вопроса принадлежитъ будущимъ историческимъ работамъ. Настоящее же изслѣдованіе вынуждено не обходить вопроса молчаніемъ только потому, что при попыткѣ освѣтить роль центральной совѣтской власти въ преступленіи, совершенномъ въ Иппатьевскомъ домѣ, оно наткнулось на рядъ обстоятельствъ, связанныхъ въ значительной степени въ томъ или другомъ видѣ съ именемъ нѣмецкаго командования въ Россіи.

Обстоятельства эти слѣдующія:

Съ начала іюня 1918-го года различные совѣтскіе дѣятели стали усиленно распространять свѣдѣнія, что нѣмецкое командование въ Москвѣ потребовало отъ совѣтской власти выдачи бывшаго Государя Императора и Его Семи и перевозки Ихъ въ Германію. Объ этомъ говорили всюду: и въ офиціальныхъ совѣтскихъ органахъ, и въ салонахъ совѣтскихъ свѣтскихъ дамъ, и въ подпольныхъ бѣлогвардейскихъ организаціяхъ Москвы, и въ широкихъ массахъ населенія Москвы и Екатеринбурга, и даже за границей. А въ рядахъ охранниковъ Августѣйшихъ Узниковъ Иппатьевского дома говорилось опредѣленно, что Царская Семья будетъ вывезена въ Германію, и что Императоръ Вильгельмъ пригрозилъ товарищу Ленину, „чтобы ни одинъ волосъ не упалъ съ головы Царя“. Свѣдѣнія эти держались очень упорно и настойчиво, оставляя впечатлѣніе, что быть можетъ такого опредѣленного и категорического требованія и не существовало, но что-то все-таки похожее было.

Не одни только свѣдѣнія заставляютъ такъ думать, были и косвенные документальныя указанія на возможность въ этомъ направленіи „нѣжнаго давленія“ со стороны нѣмецкаго командования на офиціальную совѣтскую власть.

Въ серединѣ іюня со стороны Одессы пріѣхалъ въ Екатеринбургъ уже упоминавшійся раньше нѣкто, назвавшійся Иваномъ Ивановичемъ Сидоровымъ. „Какъ же вы черезъ фронтъ пробрались?“—спросили его. „Фронта никакого нѣть, отвѣтилъ онъ, былъ нѣмецкій кордонъ, и нѣмцы меня пропустили, а дальше никакихъ „товарищей“ не видѣлъ.“.

Повѣрить такому заявлению рѣшительно нельзя. Сидоровъ—это слишкомъ опредѣленный контрь-революціонеръ для совѣтской власти: бывшій флигель-адъютантъ, офицеръ дѣйствительной службы, выѣхавшій изъ непріятельского для совѣтской власти района, могъ проѣхать въ довольно краткій срокъ отъ Одессы до Екатеринбурга только при исключительномъ покровительствѣ обстоятельствъ, выражавшемся въ то время въ сотрудничествѣ съ нѣмцами и въ вынуждаемомъ ими согласіи совѣтскихъ властей. Къ тому же изъ словъ самого Сидорова вытекало, что у него были, повидимому, достаточно легальные документы для путешествія въ то время по Россіи.

Междудѣмъ Иванъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Екатеринбургъ съ опредѣленной цѣлью—для переговоровъ съ заключеннымъ въ Иппатьевскомъ домѣ бывшимъ Царемъ, и не стѣснялся особенно говорить объ этомъ со многими, совершенно не зная своихъ собесѣдниковъ. Онъ говорилъ, что необходимо спасти Царскую Семью, что для этого надо сплотить офицерство, что надо все сдѣлать для предотвращенія опасности, которая угрожаетъ Семье. Сидоровъ высказывалъ, что необходимо, чтобы Государь Николай Александровичъ былъ опять Царемъ, а не Великій Князь Михаилъ Александровичъ, у которого „не такой характеръ“. Что подъ этимъ подразумѣвалъ Сидоровъ—неизвѣстно, но о наличіи опасности для Царской Семи онъ заявлялъ определенно. Сидоровъ посѣщалъ въ Екатеринбургѣ нѣкоторыхъ лицъ не одинъ; съ ними появлялся иногда, какъ онъ его называлъ, „адъютантъ“, но съ которымъ онъ говорилъ не по русски, а на какомъ-то иностранномъ языке.

Въ Екатеринбургѣ Иванъ Ивановичъ сошелся съ докторомъ Деревенько, который бывалъ въ домѣ Иппатьева и навѣщалъ больного Наслѣдника Цесаревича. Черезъ Деревенько ему удалось установить доставку заключеннымъ молока, яицъ, масла, хлѣба, сливокъ и т. п.; доставка продуктовъ производилась ежедневно, начиная съ 18-го іюня. Бывшій комендантомъ „дома особаго назначенія“ комиссаръ

Авдѣевъ относился въ общемъ благосклонно къ этой доставкѣ продуктовъ Царской Семьѣ и пошелъ даже дальше, передавая приносившимъ продукты женщинаамъ разныя мелкія просьбы заключенныхъ—принести нитокъ, иголокъ и т. п., а однажды его помощникъ Мошкинъ передалъ, что „Императору нуженъ табакъ“, причемъ именно сказалъ „Императоръ“.

Такимъ образомъ Сидоровъ для сношенія съ бывшимъ Царемъ имѣлъ два пути: словесный и письменный—черезъ доктора Деревенько, и только письменный—черезъ доставляемые продукты. Оба эти пути связи просуществовали три недѣли, до 5—8 іюля, когда новый комендантъ дома Янкель Юровскій прекратилъ посѣщенія доктора Деревеньки и ограничилъ доставку продуктовъ только молокомъ. Слѣдовательно, Иванъ Ивановичъ располагалъ вполнѣ достаточнымъ временемъ для необходимыхъ переговоровъ съ заключенными.

Но въ концѣ іюня Сидоровъ уѣхалъ изъ Екатеринбурга также благополучно, какъ и прѣѣхалъ, заявивъ передъ отѣзломъ, что онъ „не сошелся во взглядахъ“ съ офицерами находившейся въ Екатеринбургѣ Академіи Генеральнаго Штаба. Привезенныхъ съ собой писемъ для Царской Семьи: отъ Толстыхъ, Хитрова и Иванова Луцевина, и иконы въ футлярѣ по назначению онъ не передалъ и они попали въ слѣдственное производство. Онъ уѣхалъ, сознательно оставивъ Царскую Семью передъ той опасностью, которая, по его же словамъ, Ей угрожала.

Была ли связь между миссіей Сидорова и политическими планами, увлекавшими нѣмецкое командование, опредѣленно ничего сказать нельзя, но одно, что можно заключить, что предложенія, привезенные Сидоровымъ бывшему Царю, оказались непріемлемыми для послѣдняго, не смотря на весь ужасъ состоянія съ Дѣтьми во власти большевистскихъ изувѣровъ руководителей и подъ охраной гнусныхъ каторжниковъ Летеминыхъ. Нельзя допустить, что Сидоровъ не смогъ передать цѣли своей миссіи бывшему Царю черезъ посредство доставлявшихся продуктовъ, или проще на словахъ черезъ доктора Деревенько. Не могъ же быть докторъ Деревенько такимъ низкимъ человѣкомъ, чтобы отказать въ передачѣ, не подвергая себя при этомъ никакой опасности? Слѣдовательно, само по себѣ предложеніе Сидорова было таковыемъ, которому Государь предпочелъ смерть со всей Своей

Семьей, чѣмъ принять отъ Ивана Ивановича протянутую съ условной милостыней руку. А таковыи непрѣемлемыи предложеніемъ для бывшаго Государя Императора могла быть прежде всего какая-нибудь компромиссная сдѣлка съ нѣмецкой оріентацией.

Съ отъѣздомъ Сидорова изъ Екатеринбурга совпадаютъ тѣ слухи объ убийствѣ бывшаго Царя, которые усиленно распространились по Москвѣ и о которыхъ уже говорилось выше. Замѣтно, что официальная совѣтская власть была безусловно обеспокоена возможностью такого убийства, что едва ли вытекало изъ какихъ-либо гуманныхъ тенденцій этой власти, такъ какъ по своему существу гуманность не соотвѣтствовала духу большевистскихъ принциповъ. Между тѣмъ известно, что повѣрка слуховъ была экстренно возложена Лениннымъ на командующаго арміей Берзина, что послѣдній очень серьезно отнесся къ этому порученію и производилъ повѣрку цѣлой комиссіей и, судя по словамъ Саковича, ответственность за цѣлость Царя была возложена Лениннымъ на самого Берзина. Для совѣтской власти забота о сохраненіи Царской Семиы могла быть слѣдствіемъ какихъ-либо политическихъ расчетовъ, своихъ или нѣмецкихъ, но ни въ коемъ случаѣ не гуманитарного начала. Еврей Сафаровъ, изъ партіи израильскихъ революціонеровъ Бронштейна, изувѣръ анти-официальной совѣтской власти и противникъ ея готовности идти на уступки и соглашательства, въ своей статьѣ „казнь Николая Кроваваго“, настойчиво утверждаетъ, что въ имперіалистическихъ и бѣлогвардейскихъ лагеряхъ существовали въ это время стремленія въстановить при помощи нѣмцевъ въ Россіи монархической строй во главѣ съ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. При всей невозможности серьезно считаться съ материалами Сафаровскаго изготошенія, нельзя не отмѣтить, что и онъ, подобно Вернеру-Дайя, ставить во главѣ движенія кадетъ и, соотвѣтственно нѣмецкимъ фантазерамъ изъ генераловъ, усматриваетъ въ генералѣ Алексѣевѣ средство для достижения бѣлогвардейцами цѣли.

Нѣть дыма безъ огня, говорить пословица, и во всѣхъ разговорахъ, беспокойствахъ и обстоятельствахъ не могло не быть какого-то, пока не выясненного основанія. Въ Москвѣ въ это время проживалъ Великій Князь Павелъ Александровичъ съ супругой—графиней Палей. Сынъ ихъ, графъ Владимиръ Палей, находился въ Алапаевскѣ, гдѣ онъ со-

держался съ заключенными тамъ Великимъ Княземъ Сер-
гѣемъ Михайловичемъ и Князьями Ioannомъ, Игоремъ и Кон-
стантиномъ Константиновичами. Съ ними же Владиміръ
Палей погибъ въ Нижне-Семишенской шахтѣ. Въ одномъ
изъ писемъ отъ близкаго человѣка, адресованномъ Владиміру
Палею изъ Москвы въ іюнѣ мѣсяцѣ, имѣется тоже упоми-
наніе о разговорахъ того времени: „здѣсь всѣ говорятъ,
что по требованію нѣмцевъ Царскую Семью перевезутъ въ
Германію“. Дѣйствительно, въ концѣ іюня официальная со-
вѣтскія власти въ Москвѣ отдали приказаніе Екатеринбургу
подготовить въ Перми поѣздъ для вывоза куда-то Августѣйшей Семьи. Было ли это результатомъ „нѣжнаго дав-
ленія“ нѣмецкаго командованія, дѣйствительно ли таковое
имѣло искреннее намѣреніе вывезти Царя насильственно
къ себѣ на родину, или только пользовалось такимъ тре-
бованіемъ, какъ угрозой совѣтской власти?... вопросы не-
разрѣшенніе, но поѣздъ готовился Екатеринбургской со-
вѣтской властью и готовился безусловно для Царской
Семьи.

Характерно, что разводящій охранной команды Анатолій Якимовъ, присутствовавшій при разстрѣлѣ въ Иппатьев-
скомъ домѣ, говоритъ, что послѣ того какъ Царская Семья
собралась въ нижней комнатѣ и палачи заняли свои мѣста, Янкель Юровскій, обратясь къ Государю, сказалъ: „Николай Александровичъ. Васъ родственники хотѣли спасти, но этого имъ не пришлось и мы должны Васъ сами разстрѣ-
лять“. Охранникъ Проскуряковъ, слышавшій объ обстоятель-
ствахъ разстрѣла отъ другихъ очевидцевъ, стоявшихъ
поодаль, передаетъ слова Янкеля Юровскаго въ такой ре-
дакціи: „Ваши родственники не велятъ Вамъ больше жить“. Та- ли или другая была сказана фраза, суть не измѣняется — Янкель Юровскій опредѣленно указалъ на какія-то поползно-
венія „родственниковъ“. Подъ „родственниками“ для полу-
грамотнаго Янкеля Юровскаго были опредѣленно нѣмцы, Вильгельмъ. Если бы не было въ дѣйствительности какихъ-то
поползновеній, давленій нѣмцевъ, то зачѣмъ было бы Ян-
келю Юровскому упоминать о нихъ Государю передъ убий-
ствомъ? Янкель Юровскій изувѣръ изъ партіи Бронштейна; онъ отличнo освѣдомленъ о всѣхъ официальныхъ и тай-
ныхъ дѣяніяхъ главарей совѣтской власти. Ему не было никакихъ оснований выдумывать исторію о „родственникахъ“ передъ совершеніемъ преступленія.

Трудно допустить, чтобы наврали Якимовъ и Проскуряковъ; эти слова Янкеля Юровскаго были приведены ими въ ихъ первыхъ показаніяхъ, данныхъ въ разныхъ пунктахъ разнымъ допрашивавшимъ судебнымъ лицамъ и въ разное время. Сговора между ними не могло быть, такъ какъ послѣ совершившагося убийства пути ихъ разошлись.

Таковы обстоятельства, съ которыми встрѣтилось изученіе Иппатьевскаго кошмарнаго преступленія, и съ которыми нельзя не считаться. Официальная совѣтская власть въ Москвѣ могла быть подъ тѣмъ или другимъ давлѣніемъ нѣмецкаго командованія въ этотъ именно періодъ своего существованія.

Но пока нѣмцы въ Россіи витали въ области различныхъ фантастическихъ комбинацій и купались въ морѣ своей самонадѣянной слѣпоты, партія энергичнаго, фанатичнаго Бронштейна подготовлялась къ нанесенію рѣшительныхъ ударовъ: одного—по главному вицѣшнему противнику текущаго момента—по нѣмцамъ, и другого — по главному внутреннему, духовно-политическому противнику—по носителямъ идеологическихъ началъ русскаго народа. Діавольское счастье, организаціонные и, главное, агитаціонные таланты были на сторонѣ изувѣровъ израильскаго племени, и не слѣпымъ, политически бездарнымъ большевикамъ справа было бороться съ этими исторически искусившимися во лжи, хитрости и политической ловкости революціонерами міровой славы.

Въ одной изъ своихъ рѣчей Лейба Бронштейнъ говоритъ: „кровавый кайзеръ и его генералы не изъ чувства глубокой симпатіи вступили съ нами въ переговоры. Если бы ихъ предоставить собственной волѣ, то Германія еще неоднократно попыталась бы схватить за горло революціонную Россію, и, если бы это удалось ей, то Россія погибла бы подъ аплодисменты буржуазіи и нашихъ всѣхъ союзниковъ“. Въ этихъ словахъ въ Лейбѣ Бронштейнѣ какъ будто дышетъ жаръ русскаго націоналиста. Но слово „Россія“ употреблено имъ лишь по моменту. Въ дѣйствительности же онъ ратуетъ не за Россію, а за революціонный Израиль; Россію онъ самъ погубилъ подъ аплодисменты нѣмецкихъ генераловъ и своихъ революціонеровъ Израиля, а теперь уже революціонному Израилю угрожала опасность,

и надъ его защитой и обезпеченіемъ ему побѣды работалъ Лейба Бронштейнъ съ своимъ сподвижниками по духу и по разсчету. Если въ мирное время агитационная работа Бронштейновъ сумѣла загипнотизировать міръ, овладѣть его волей и воспрепятствовать кому бы то ни было подымать противъ нихъ голосъ, подъ угрозой яростныхъ обвиненій въ черносотенствѣ, ретроградствѣ, косности и безнравственности принциповъ, то въ періодъ напряженійшей борьбы за революціонную власть различныхъ соціалистическихъ течений, на фонѣ общей ненависти другъ къ другу всѣхъ партій въ одномъ народѣ и всѣхъ народовъ между собой, Бронштейнамъ немного труда надо было, чтобы одержать побѣду, даже въ той критической обстановкѣ, которая сложилась для совѣтской Россіи въ то время.

Изувѣры евреи, имѣя всюду свою агентуру, были отлично освѣдомлены о внутреннемъ положеніи въ Германіи. Они знали, что нѣмецкіе легкомысленные генералы, насадивъ большевизмъ въ Россіи, успѣли заразить той же болѣзнью и свой народъ. Они понимали, что при такомъ настроеніи нѣмецкихъ массъ, генералы уже не въ состояніи выступить открыто противъ совѣтской власти. Въ ихъ силахъ оставалось дѣйствовать только тайно, за-кулисно, а потому и революціонеры Израїля рѣшили прибѣгнуть къ тому же способу дѣйствія, признавая моментъ благопріятнымъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ.

6-го іюля послѣдовалъ первый громовой ударъ противъ нѣмцевъ. Удачно спровоцированные элементы лѣвыхъ эс-эровъ убили въ Москвѣ представителя Германіи Мирбаха и подняли слабое возстаніе противъ совѣтской власти. Возстаніе было быстро и кроваво подавлено. Атака была удачной; нѣмцы, ошеломленные дерзостью удара и поколебленные общимъ для нихъ положеніемъ до потери способности противостоять ими же созданной совѣтской власти, отказались отъ активной борьбы съ ней. Поле внѣшней битвы осталось за партіей Бронштейна. Оставалось нанести столъ же искусственно второй, внутренній ударъ.

Началось съ гоненій на церкви, агитаціи противъ религій, съ исключенія преподаванія Закона Божія, установлениія налоговъ на иконы, націонализациіи по отдѣльнымъ областямъ женщинъ, дѣтей, преслѣдованія родителей за обученіе дѣтей молитвамъ и съ колоссального истребленія лицъ духовнаго званія. Послѣднее на Уралѣ вылилось въ такія

громадныя цифры убитыхъ, замученныхъ, задушенныхъ пастырей церкви и служителей церковныхъ причтовъ, монаховъ и монашекъ, что не могло оставлять никакого сомнѣнія въ истинномъ смыслѣ и дѣйствительной цѣли проводимыхъ мѣропріятій. Самъ характеръ истребленія принялъ формы какого-то исключительного изувѣрства, свойственаго только фанатикамъ древнѣйшихъ дикихъ, темныхъ сектъ, вѣрованій и религій. Для всякаго христіанина, не отуманенного дымомъ предшествовавшихъ революціонныхъ соціалистическихъ экспериментовъ 1917 года, не могло не бросаться въ глаза, что вдохновителями всѣхъ этихъ разнообразныхъ видовъ изувѣрскихъ мученій и истязаній лицъ духовнаго званія должны были быть люди не русскаго происхожденія, хотя въ офиціальныхъ матеріалахъ, касающихся всѣхъ этихъ совершенныхъ „казней“ контрѣреволюціонеровъ и упоминающихъ объ исполнителяхъ казни, фигурируютъ исключительно имена русскаго племени.

Революціонеры Израиля центральной совѣтской власти приближались къ конечной цѣли. Уже два раза ихъ попытки наложить руку на „Помазанника Божія“ оканчивались неудачей: въ первый разъ по неосторожности еврея Заславскаго, и во второй разъ по честности соціалиста Яковлева. Въ обоихъ случаяхъ значительнымъ препятствіемъ явились русскіе люди изъ народа—охрана изъ русскихъ людей. Теперь паразиты Израиля рѣшили все это учесть.

Въ концѣ іюня въ Москву былъ вызванъ изъ Екатеринбурга областной военный комиссаръ и членъ президіума Исаакъ Голощекинъ. Остановился онъ у Янкеля Свердлова. Съ его пріѣздомъ въ ЦИКЪ было приступлено къ обсужденію вопроса о дальнѣйшей судьбѣ Царской Семьи, причемъ офиціально, повидимому, рѣшили вывезти Ее изъ Екатеринбурга. Однако одновременно, вѣроятно именно въ это же время, вдохновителями изувѣрами было предрѣшено уничтожить Царскую Семью и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ, проживавшихъ на Уралѣ. Къ уничтоженію Царской Семьи, какъ къ совершенію акта исключительной революціонной идеи, израильские главари безусловно подходили съ опаской и страхомъ, вызвавшими нервность и возбужденность, отмѣченныя даже Саковичемъ. Причинъ къ этому было двѣ: одна—глубокаго внутренняго чувства, другая—внѣшняго, сознательнаго характера. Для вдохновителей и руководителей преступленіемъ уничтоженіе „Помазанника Божія“ и

Его Семьи было определеннымъ актомъ борьбы съ Богомъ, основнымъ, историческимъ импульсомъ всего ихъ революционного чувства. Въ этомъ отношении какими бы они ни были изувѣрами, въ нихъ не могъ не родиться тотъ же страхъ, который охватилъ воиновъ, пришедшихъ отъ начальниковъ и первосвященниковъ взять Іисуса Христа; когда Онъ имъ сказалъ: „это Я“, они отступили назадъ и пали на землю. Какъ исторические преемники революционеровъ Израиля, они не могли не чувствовать страха *послѣдствій преступлениія*: „мы вспомнили, что обманщикъ тотъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну“. И въ этихъ цѣляхъ они думали не только объ убийствѣ Царской Семьи, но именно объ *уничтоженіи*, полагая по своей религіи *Лжи*, что физическое, материальное уничтоженіе можетъ предотвратить *воскресеніе* духовное.

И на этотъ разъ первоначально намѣчалось использовать для уничтоженія Царской Семьи предполагавшуюся офиціальную Ея перевозку изъ Екатеринбурга. Когда при второй попыткѣ обсуждался способъ уничтоженія въ аналогичной перевозкѣ, то рассматривалось два плана: или устроить крушеніе поѣзда, или организовать провокационную защиту отъ мнимаго покушенія злоумышленниковъ. Повидимому, теперь остановились сначала на второмъ планѣ, и для „охраны“ поѣзда былъ выдѣленъ, какъ и при попыткахъ въ Тобольскѣ, особый отрядъ латышей, мадьяръ и нѣмцевъ изъ состава того же интернаціонального Голощекинскаго „особаго отряда“. Для организаціи же „дѣла, согласно указаніямъ центра“, въ Пермь былъ командированъ изъ Екатеринбурга пьяница и распутникъ комиссаръ Сыромолотовъ.

Съ другой стороны вдохновители и руководители преступленія приняли на этотъ разъ мѣры для огражденія задуманного злодѣянія со стороны вліянія людей охраны, составленной изъ простыхъ людей, хотя бы таковыми являлись самые типичные „товарищи“ и даже „сознательные рабочіе“. Русскій человѣкъ, русскій народъ—были второй причиной ихъ страха передъ лицомъ подготовляемаго ими идеяного преступленія. Они были совершенно лишены возможности совершить убийство открыто, явно, на глазахъ массы, не боясь ея, какъ совершали они тысячи своихъ другихъ убийствъ по политически-гражданскимъ и „демократическимъ“ мотивамъ. Этимъ обстоятельствомъ рѣаче

всего подчеркивается, кто въ дѣйствительности только и могли быть вдохновителями и руководителями этого анти-идеологического преступленія противъ русскаго народа. Это могли быть только тѣ, для которыхъ Богоискательство духовной натуры русскаго народа въ массѣ было важнѣйшей преградой въ достижениіи конечной цѣли религіи *Лжи* и главнѣйшимъ объектомъ для борьбы. Это могли быть только тѣ сотрудники совѣтской власти, которые въ своей плоти и крови носили исторической революціонный ядъ борьбы съ тѣмъ же началомъ въ глубокой древности въ своемъ собственномъ народѣ.

Такимъ выдѣленіемъ личностей вдохновителей и руководителей преступленія вовсе не устраивается участіе офиціальной совѣтской власти въ уничтоженіи Царской Семьи и полная ея отвѣтственность передъ русскимъ народомъ въ этомъ злодѣяніи. Офиціальная совѣтская власть добровольно и охотно во всей своей массѣ санкціонировала планы и факты преступленія и съ полной безпринципностью и безнравственностью пошла по путямъ *лжи* въ дальнѣйшей исторіи скрытія преступленія отъ своего народа и истиннаго свѣта. Но офиціальная совѣтская власть руководилась при проведеніи преступленій этого рода общими низменными, тактическими принципами гражданско-политического характера, тогда какъ вдохновителями въ ея средѣ должны были быть изувѣры, руководившіеся сильными отрицательными идеями начальами. Это отдаляетъ въ совѣтской власти вдохновителей отъ вдохновляемыхъ. Въ этомъ отношеніи вдохновители идеинаго изувѣрского убийства Царской Семьи выдѣляются изъ офиціальной совѣтской власти.

Трудно установить, опасались ли вдохновители преступленія охраны изъ русскихъ рабочихъ, состоявшей при Царской Семье въ Иппатьевскомъ домѣ только потому, что не довѣряли вообще русскому человѣку изъ обыкновенныхъ крестьянъ или рабочихъ, или же, кромѣ этого опасенія, существовала еще боязнь, вытекавшая изъ возможнаго немецкаго давленія. Въ послѣднемъ случаѣ могла повториться снова исторія Тобольскихъ неудачъ, т.-е. въ критическую минуту охрана оказалась бы на сторонѣ Царской Семьи и тѣхъ, кто Ее вывозилъ бы по офиціальному распоряженію совѣтской власти. Тогда приведеніе въ исполненіе задуманнаго преступленія сильно осложнилось бы, такъ какъ злоумышленникамъ едва ли удалось бы обмануть охрану.

Какъ бы то ни было въ дѣйствительности, но составъ и настроеніе внутренней охраны дома Иппатьева сильно беспокоили въ Москвѣ Янкеля Свердлова и Исаака Голощекина, и по этому поводу, вѣроятно, были секретные переговоры съ руководителями въ Екатеринбургѣ, что опредѣленно вытекаетъ изъ отвѣта Щѣлобородова Исааку Голощекину отъ 4-го іюля, попавшаго въ материалы слѣдственного производства, въ которомъ онъ сообщалъ о произведенныхъ замѣнахъ въ составѣ внутренней охраны (полный текстъ документа приведенъ въ 1-й главѣ настоящей книги). Это беспокойство и вызванная имъ переписка свидѣтельствуютъ также, что задуманный вдохновителями въ Москвѣ рѣшительный ударъ такъ нервировалъ ихъ, такъ подрывалъ ихъ спокойствіе, что они начинали уже какъ бы не довѣрять своимъ агентамъ (Сафарову, Войкову, Юровскому) въ Екатеринбургѣ и считали нужнымъ вдаваться чрезмѣрно въ детали дѣла, опасаясь новой неудачи, подобной Тобольскимъ.

Но вотъ обстановка измѣнилась и сложилась благопріятно для изувѣровъ—рѣшительная побѣда надъ нѣмцами 5—6 іюля освобождаетъ вдохновителей отъ необходимости прибѣгать къ сложному плану уничтоженія Царской Семьи при перевозкѣ. Частными распоряженіями перевозка откладывается, интернациональная охрана поѣзда отзыается, и въ Екатеринбургѣ помчался самъ Исаакъ Голощекинъ приводить въ исполненіе новый планъ уничтоженія Августѣйшихъ Узниковъ простѣйшимъ, болѣе вѣрнымъ, но и исключительнымъ по изувѣрству способомъ. Окончательныя детали какъ самого убийства, такъ и способовъ уничтоженія тѣлъ убитыхъ, были, конечно, разработаны уже на мѣстѣ ближайшими руководителями и исполнителями злодѣянія, которые однако, повидимому, въ силу существовавшей сугубой субординаціи въ Бронштейновской организаціи, представляли каждый свой шагъ, ранѣе его исполненія, на утвержденіе въ Москву. Это можно судить, напримѣръ, потому, что даже проектъ извѣщенія Екатеринбургскаго президіума о разстрѣлѣ бывшаго Царя передавался, еще до совершенія убийства, утромъ 16-го іюля, на цензуру Янкелю Свердову, и только по утвержденіи центральной властью, извѣщеніе было опубликовано въ Екатеринбургѣ.

Въ одномъ изъ ящиковъ канцелярского стола въ помѣщеніи бывшаго Екатеринбургскаго президіума нашелся цѣнныій для исторіи преступленія документъ, характери-

зуючій роль главарей-изув'юровъ центра въ совершившемся въ Иппатьевскомъ домѣ злодѣяніи и ихъ причастность къ трагедії въ Алапаевскѣ и Перми. Это запись разговора по прямому проводу Янкеля Свердлова, повидимому, съ Бѣлобородовымъ, который вообще посвящался въ тайные планы вдохновителей лишь по столько, по сколько это нужно было для проведенія вопросовъ черезъ мѣстные офиціальные органы власти, почему, напримѣръ, онъ не зналъ, что убийство въ Алапаевскѣ было совершено по телеграфному приказу, подписанному его товарищемъ евреемъ Сафаровымъ.

Вотъ этотъ документъ:

„Свердловъ.—Прежде всего сообщи работа Алапаеихъ дело рукъ КОМИСЛ (следственной комиссіи исполнительного комитета) или нетъ?

„Отвѣтъ.—Сейчасъ об этом ничего не известно. Производится разследование.

„Свердловъ.—Необходимо немедленно запросить Мотовилиху и Пермь. Примите меры скорейшему оповещению нас. Что у васъ слышно?

„Отвѣтъ.—Положение на фронте несколько лучше чем казалось вчера. Выясняется, что противник оголил все фронты и бросил все силы на Екатеринбург; удержим ли долго Екатеринбург трудно сказать. Принимаем все меры к удержанию. Все лишнее из Екатеринбурга эвакуировано.

„Вчера выехал к вам курьер с интересующими васъ документами; сообщи решение ЦИК и можем ли мы оповестить население известнымъ вамъ текстомъ?

„Свердловъ.—В заседании президиума ЦИК от 18-го постановлено признать решение Ур. обл. совдепа правильнымъ. Можете публиковать свой текстъ; у нас вчера во всех газетах было помещено соответствующее сообщение; сейчас послал за точнымъ текстомъ и передамъ его тебе. Пока же сообщаю следующее: 1) держитесь во чтобы то ни стало, посылаем подкрепления во все районы; отправляем значительные отряды; надеемся при ихъ посредстве сломить Чеховъ. 2) посылаем на все фронты несколько сот надежныхъ партийной публики изъ Петерскихъ и Московскихъ рабочихъ специальной работы среди армии, такъ и среди населения. 3) еще раз напоминаю необходимости обезпечить тылъ. 4) сообщу о немцахъ. После убийства Мирбаха немцы потребовали ввода батальона въ Москву. Мы категорически отка-

зали; были на волосок от войны. Немцы теперь отказались от этого требования. Повидимому войны сейчас не будет.

„Больше пока ничего сообщить нечего.

„Сейчас передам точно текст нашей публикации“.

Дальше идет дословный текст объявления центральной советской власти о „казни Николая Романова“, помыщенного выше и перепечатанного из № 144 газеты „Уральский Рабочий“.

Необходимо иметь в виду, что разговоръ по прямому проводу происходилъ въ присутствіи постороннихъ лицъ—телеграфистовъ и чиновниковъ, почему оба разговаривавшіе сдержаны въ выраженіяхъ и словахъ. Такъ Свердловъ, знаяшій уже раньше о предстоящемъ убійствѣ Царской Семьи, совершенно не касается существа этого преступленія, а Бѣлобородовъ иносказательно сообщаетъ ему о высылкѣ съ курьеромъ интересующихъ центральную власть документовъ: это Исаакъ Голощекинъ, везущій въ Москву три таинственныхъ тяжелыхъ ящика, въ которыхъ, можно предполагать, были головы несчастныхъ жертвъ.

Характеренъ вопросъ Янкеля Свердлова о КОМИСЛ: это органъ, изъ которого затѣмъ развернулись чрезвычайные слѣдственные комиссіи и который въ то время былъ специальнymъ органомъ партіи Бронштейна по выполнению на мѣстахъ всѣхъ необходимыхъ ей террористическихъ актовъ. Сѣть этихъ органовъ управлялась непосредственно изъ центрального органа въ Москвѣ, сплошь да рядомъ минуя исполнительные органы офиціальной советской власти на мѣстахъ. Организуя такую сѣть для Уральской области, Москва избрала мѣстнымъ ея центромъ Мотовилихинскій заводъ и Пермь, а не Екатеринбургъ, почему распоряженія слѣдственной комиссіи могли легко не быть известными въ административныхъ органахъ края. Членами именно Мотовилихинской слѣдственной комиссіи, Алексѣемъ Пльшковымъ, Иваномъ Бересневымъ и Жужговымъ, было совершено похищеніе и убійство Великаго Князя Михаила Александровича. Поэтому-то знаяшій объ этомъ Янкель Свердловъ и указываетъ Бѣлобородову кого надо запросить по Алапаевскому убійству, т.-е. кто помимо Екатеринбургскихъ дѣятелей могъ совершить преступленіе. Быть можетъ Бѣлобородовъ и зналъ всѣ обстоятельства, но передъ телеграфистами никакого другого отвѣта Янкелю Свердлову дать не могъ, такъ какъ офиціально онъ доносилъ въ

Москву, что Великие Князья въ Алапаевскѣ похищены бѣлогвардейской бандой.

Приведенный документъ лишній разъ подтверждаетъ, что вдохновительнымъ центромъ убийства Царской Семьи и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ не могла не быть Москва. „Можете публиковать свой текстъ“, снисходительно и почти пренебрежительно отвѣчаетъ Янкель Свердловъ предсѣдателю Екатеринбургскаго областного совѣта Бѣлобородову; мы свое уже опубликовали и вамъ сейчасъ его сообщу, а ваше, если хотите, публикуйте... вотъ кажется смыслъ тона вдохновителя Янкеля Свердлова; тонъ снисходительного, но сознавшаго свою власть начальника къ провинциальному подчиненному.

Они вдохновители послѣ удачно совершенного преступленія почувствовали свои силы совершенно окрѣпшими въ Россіи. Шайка циммервальдовскихъ революціонеровъ Израиля почувствовала себя полными, свободными и всесильными хозяевами водворенія въ Россіи царства религіи *Лжеи*, опыта, неудавшагося ихъ племеннымъ предкамъ въ Израилѣ. Начался тотъ неудержимый разгромъ жизни былой могучей и сильной духомъ страны, который повергъ ее въ современное притупленное, придушенное состояніе. Началась та бесконечная Вальпургіева ночь, пляска дикихъ и сатанинскихъ соціалистическихъ экспериментовъ, которая бросила обезумѣвшихъ и изголодавшихся людей въ погонѣ за кускомъ земного хлѣба въ кровавую Антихристову борьбу: брата на брата, отца на сына, сына на мать и матери на дочь. И въ тріумфѣ своей победы, уливаясь успѣхомъ, вдохновители изувѣры готовы крикнуть Россіи: „Мы распяли вашу Россію, мы распяли вашу идеологію...“

„Если ты Христосъ—сойди съ креста...“

„Истинно, истинно говорю вамъ, звучать свѣтлыя и блажестныя, далекія, но вѣчныя слова Иисуса Христа, если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“.

Послѣ преступленія.

Недолго продержалась „столица краснаго Урала“ Екатеринбургъ въ совѣтской власти послѣ совершившагося въ ея стѣнахъ кроваваго, кошмарнаго преступленія. Приближеніе войскъ Войцеховскаго вынудило главарей областного совѣта бѣжать на Пермь. Съ ними же скрылись изъ города чины чрезвычайной слѣдственной комиссіи, большая часть охранниковъ отряда особаго назначенія и всѣ люди особаго отряда Петра Ермакова. Всѣ они, совершивъ изувѣрское злодѣяніе въ Иппатьевскомъ домѣ, умчались продолжать свою преступную дѣятельность въ Перми и ея окрестностяхъ и разсыпались по разнымъ направленіямъ.

Большая часть областныхъ комиссаровъ покинула городъ 24-го іюля, всего часовъ за 6 до вступленія передовыхъ Сибирскихъ и Чешскихъ частей, и направилась въ подготовленномъ поѣздѣ на Пермь черезъ Богдановичи и Алапаевскъ, такъ какъ Кунгурское направление было уже перехвачено бѣлогвардейскими войсками. Комиссарскій поѣздъ, обеспечивая себѣ по совѣту Янкеля Свердлова тылъ, хитроумно прикрывался отъ возможныхъ случайностей двигавшимся передъ нимъ эшелономъ офицеровъ Академіи Генерального Штаба во главѣ съ генераломъ Андогскимъ; „пусть разстрѣляютъ ученыхъ офицеровъ, а мы успѣемъ скрыться“, говорили комиссары, достойные творцы новой совѣтской Россіи. Ониѣхали отдыхая, въ веселомъ настроении и сильно пьянствуя. Одинъ изъ нихъ, судя по описанію комиссаръ Тупетулъ, членъ областного президіума и участникъ совѣщаній, обсуждавшихъ „перевозку“ Царской Семьи въ Екатеринбургъ, сильно подвыпивши, часто бѣгалъ на паровозъ и отводилъ душу въ бѣсьдѣ съ паровознымъ машинистомъ. Разсказывалъ онъ ему о себѣ, дѣлился впечатлѣніями о пережитыхъ послѣднихъ дняхъ въ Екатеринбургѣ, повѣдалъ и объ убийствѣ Царской Семьи. Разсказывалъ, какъ подвыпившій некультурный человѣкъ, съ подробностями, деталями, упоминалъ и о дѣятеляхъ этого преступленія, главаряхъ и исполнителяхъ, такъ что у машиниста, до того стоявшаго совершенно въ сторонѣ отъ событий въ городѣ и дѣятельности совѣтскихъ представителей, составилось опредѣленное и прочное мнѣ-

ніє: „главарь преступленія въ Иппатьевскомъ домѣ—это Исаакъ Голощекинъ, все отъ него исходило“.

Исаакъ Голощекинъ выѣхалъ изъ Екатеринбурга въ отдельномъ вагонѣ-салонѣ поздно вечеромъ 19-го іюля и направился прямо въ Москву. Онъ ѿхалъ тѣмъ специальнымъ курьеромъ, о которомъ Бѣлобородовъ сообщалъ Янкелю Свердлову въ разговорѣ по прямому проводу, и который везъ „документы“, интересовавшіе Янкеля Свердлова. Онъ везъ съ собой въ салонѣ три очень тяжелыхъ не по объему ящики. Это не были сундуки или чемоданы изъ числа тѣхъ Царскихъ, въ которые Янкель Юровскій съ Никулинымъ послѣ совершенія убійства упаковали разграбленныя и похищенные ими изъ дома Иппатьева вещи Царской Семьи. Это были самые обыкновенные, досчатые, укупорочные ящики, забитые гвоздями и увязанные веревками, которымъ, не касаясь содержимаго въ нихъ, совсѣмъ было не мѣсто въ салонѣ. Здѣсь же, конечно, они бросались въ глаза и не могли не привлечь къ себѣ вниманія спутниковъ Исаака Голощекина, сопровождавшихъ чиновъ охраны и поѣздной прислуги. Исаакъ Голощекинъ замѣтилъ это и интересовавшимся поспѣшилъ пояснить, что онъ везетъ въ этихъ ящикахъ образцы артиллерійскихъ снарядовъ для Путиловского завода.

Въ Москвѣ Исаакъ Голощекинъ, забравъ ящики, уѣхалъ къ Янкелю Свердлову и пять дней жилъ у него, не возвращаясь въ вагонѣ. Съ его пребываніемъ въ Москвѣ среди мелкихъ служащихъ совнаркома, преимущественно изъ числа тѣхъ американскихъ эмигрантовъ, съ которыми такъ хорошо была знакома русская военная статистика, распространился слухъ, что Исаакъ Голощекинъ привезъ въ спирту головы бывшаго Царя и Членовъ его Семьи, а одинъ болѣе пессимистически смотрѣвшій на прочность совѣтской власти въ Россіи, потирая руки, говорилъ: „ну теперь во всякомъ случаѣ жизнь обезпечена; поѣдемъ въ Америку и будемъ демонстрировать въ кинематографахъ головы Романовыхъ“.

Конечно, такой взглядъ на обеспеченную будущность могъ быть слѣдствіемъ только слуховъ и досужей молвы, но, какъ выразился сподвижникъ и сотрудникъ Исаака Голощекина и Янкеля Юровскаго, докторъ Саковичъ: „я не вѣрю въ разстрѣль бывшаго Государя, но, сталкиваясь съ Голощекинымъ и Юровскимъ, я могу допустить, что не

считаясь ни съ чѣмъ, они—циники до мозга костей—могли совершить любую гнусность. Отчего бы эти „циники“ не могли совершить и другой гнусности, какъ совершили первую, и привезти въ ящикахъ Исаака Голощекина головы христіанскихъ мучениковъ Царской Семьи, какъ неоспоримое доказательство для центральныхъ изувѣровъ Израиля факта совершенного убийства. Какие документы, въ прямомъ значеніи слова, и съ какой цѣлью могли бы интересовать Янкеля Свердлова, Нахамкеса и Бронштейна? Документы о заговорѣ? Но ихъ какъ известно не было, какъ не было и заговора. Дневники Государя? Но совѣтская власть могла располагать ими и безъ убийства. Бѣлобородовъ же въ разговорѣ говорить иносказательно объ интересующихъ документахъ, ставя ихъ въ тѣсную связь съ совершеннымъ преступлениемъ. Какие же это могли быть „документы“ въ дѣйствительности, и были ли это „документы“ въ прямомъ смыслѣ слова?

Исаакъ Голощекинъ провелъ въ Москвѣ пять беспокойныхъ дней; вдохновителемъ и вдохновляемымъ главарямъ совѣтской власти надо было обдумать и рѣшить, что дѣлать, если преступленіе случайно обнаружится и подымется шумъ, а особенно за-границей, такъ какъ теперь совѣтская власть уже начинала интересоваться вопросомъ, „что скажутъ за-границей“, ибо мечтала раздвигать рамки исповѣдуемаго интернационала. Но для сыновъ религіи *Лжи* нѣть той вѣщней, или внутренней политической дилеммы, которой они не могли бы разрѣшить. То же было и теперь. Было рѣшено, что при надобности все преступленіе будетъ приписано своимъ политическимъ сотрудникамъ и врагамъ—лѣвымъ эс-эрамъ, которые будто бы совершили убийство Царской Семьи въ цѣляхъ дискредитировать совѣтскую власть коммунистовъ.

Черезъ пять дней Исаакъ Голощекинъ съ четырьмя новыми спутниками вернулся въ вагонъ-салонъ и проѣхалъ съ ними въ Петроградъ. Ящиковъ при немъ уже не было. Въ пути были разговоры и о Царской Семье, причемъ Исаакъ Голощекинъ говорилъ спутникамъ, что „теперь дѣло съ Царицей уложено“, но особенно по этому поводу не распространялся, такъ что подслушавшему удалось еще только услыхать, что тѣло бывшаго Царя было сожжено.

Изъ Петрограда Исаакъ Голощекинъ вернулся въ Пермь, гдѣ Уральскій областной совѣтъ снова открылъ свои дѣй-

ствія, а Исаакъ Голощекинъ занялъ въ немъ опять должность военного комиссара. Но и въ дальнѣйшемъ Исаакъ Голощекинъ продолжалъ частоѣздить въ Москву, гдѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ партіи Бронштейна. Въ послѣдній разъ онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Пермь 24-го декабря 1918 года, какъ разъ въ день потери большевиками этого города.

Извѣстно, что за время его дѣятельности въ Перми имя его было постоянно связано съ различными звѣрствами, учлененными совѣтскими властями въ отношеніи духовенства Пермской Епархіи. Онъ причастенъ къ убийству Епископа Гермогена, онъ же фигурировалъ и въ убийствѣ Епископа Андроника. Это былъ по всему одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ партіи Бронштейна, имѣя повсемѣстно исключительное значеніе въ чрезвычайныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ, не входя однако въ ихъ официальный составъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе якихъ и ярыхъ мѣстныхъ революционеровъ Израиля, опредѣленно работавшій на поприщѣ идейно-религіозной борьбы партіи Бронштейна.

Правой рукой Исаака Голощекина какъ въ самомъ преступлени, такъ и въ сокрытии тѣлъ убитыхъ Членовъ Царской Семьи, былъ Янкель Юровскій. Послѣ совершенія преступленія онъ совмѣстно съ Исаакомъ Голощекинымъ поѣхалъ въ Москву, но что стало съ нимъ дальше пока установить не удалось¹⁾.

Въ 1920 году въ заграничной печати появились записки и воспоминанія одного англичанина, попавшаго послѣ оставленія Екатеринбурга Сибирскими войсками въ плѣнъ къ большевикамъ и встрѣтившагося тамъ съ Янкелемъ Юровскимъ. По словамъ англичанина, Янкель Юровскій производилъ впечатлѣніе человѣка, если не сумасшедшаго, то сильно, нервно потрясенного. Онъ выказывалъ признаки страданія маніей преслѣдованія, сильно паль духомъ, опустился и въ общемъ являлся очень яркимъ типомъ че-

¹⁾ По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ Янкель Юровскій былъ назначенъ политическимъ комиссаромъ въ 27 совѣтскую дивизію товарища Айзина (евреи изъ Челябинска). Въ концѣ 1919 года эта дивизія была переброшена на Брангелевский фронтъ, гдѣ Айзинъ съ Юровскимъ и со всѣмъ штабомъ были захвачены бѣлогвардейцами въ плѣнъ и по приговору полевого суда—разстрѣляны.

ловѣка съ нечистой совѣстью, совершившаго преступленіе и теперь ожидающаго ежеминутно расплаты и наказанія за содѣянное зло.

14-го іюля 1918 года въ день, когда для Янкеля Юровскаго уже было известно, что черезъ два дня ему предстоить стать палачемъ окаруливаемыхъ имъ Августѣйшихъ Узниковъ, онъ присутствовалъ на послѣднемъ богослуженіи, совершенномъ въ Иппатьевскомъ домѣ для Царской Семьи. Служба прошла въ исключительно тѣсномъ духовномъ общеніи между служившимъ обѣдницуprotoіереемъ Сторожевымъ и молившимися Членами Августѣйшей Семьи. Это было именно то рѣдкое, но полное высокой благости настроение, которое невольно охватываетъ всѣхъ присутствующихъ и заставляетъ даже невѣрующихъ становиться серьезными, устранивъ какія-либо наклонности къ шуткѣ, насмѣшкѣ, изадѣвательству или критикѣ.

Когда послѣ окончанія службы отецъ Сторожевъ вошелъ въ комендантскую комнату для того, чтобы переодѣться, онъ услышалъ сзади себя сказанныя серьезнымъ тономъ слова:

„Ну вотъ помолились и отъ сердца отлегло“. Это говорилъ Янкель Юровскій.

Отецъ Сторожевъ ему отвѣтилъ: „Знаете, кто вѣрить въ Бога, тотъ дѣйствительно получаетъ въ молитвѣ укрѣпленіе силъ“. Тогда Янкель Юровскій, продолжая быть серьезнымъ, сказалъ:

„Я никогда не отрицалъ вліянія религіи и говорю это совершенно откровенно“.

Не слишкомъ ли много Янкель Юровскій взялъ на себя, рѣшившись стать убійцей „Помазанника Божія“ и Его Семьи? Соответствовали ли его силы силамъ идейнаго послѣдователя Бронштейна, силамъ Богоборца? Не почувствовалъ ли онъ уже послѣ совершенія преступленія, что онъ перешелъ ту грань, за которой человѣкъ не можетъ не только исповѣдывать, но даже говорить о какой либо религіи Духа? Сознательно ли онъ вступилъ на поприще религіозной борьбы, или безсознательно, какъ слишкомъ обыденный и ограниченный еврей, и сталъ оружіемъ въ рукахъ сильного и безжалостнаго борца за религію *Лжи* Исаака Голощекина?

Если правду писалъ англичанинъ, то въ безсознательности принятой на себя непосильной миссіи и непосильнаго преступленія становится вполнѣ естественнымъ и неизбѣж-

нымъ то состояніе, въ которомъ нашелъ Янкеля Юровскаго иностранный корреспондентъ.

То не людской судъ, то Божій судъ начинался надъ Янкелемъ Юровскимъ.

17-го іюля утромъ, выспавшись послѣ совершеннаго ночью злодѣянія, Павель Медвѣдевъ пришелъ въ домъ Иппатьева и засталъ тамъ полную картину открытаго, хамскаго грабежа. Въ комнатахъ, где проживала покойная Августѣйшая Семья, былъ полный беспорядокъ. Царскія вещи были перерыты, выворочены и разбросаны повсюду. Драгоцѣнныя вещи, камни, золото, серебро лежали кучками на столѣ и диванѣ въ комендантской комнатѣ. Въ этой комнатѣ теперь находились Исаакъ Голощекинъ, Янкель Юровскій, Никулинъ „и латыши“; они разбирали драгоцѣнности и укладывали ихъ въ Царскіе же чемоданы.

При видѣ этой картины злоба и зависть закрались въ душу Медвѣдева: „иши грабители, разбойники; все себѣ забираютъ“. Онъ нашелъ на столѣ какую-то книгу Священнаго писанія; приподнялъ ее... подъ ней лежали 60 рублей кредитными билетами десятирублеваго достоинства. Эти деньги онъ потихоньку взялъ себѣ. На полу поднялъ три серебряныхъ колечка съ записями на нихъ какихъ-то молитвъ и нѣсколько носовыхъ платковъ, и тоже взялъ и то, и другое себѣ. Больше ничего самъ не бралъ изъ Царскихъ вещей, кромѣ одной пары мужскихъ носковъ и одной женской рубашки, еще раньше полученныхъ имъ отъ Мошкина. Потомъ Янкель Юровскій позволилъ ему взять маленькую кожаную сумочку доктора Боткина и въ ней нѣсколько пустяшныхъ вещицъ доктора. Все это онъ передалъ 18-го іюля своей женѣ, пріѣхавшей къ нему по его вызову. Въ этотъ же день онъ получилъ отъ Янкеля Юровскаго 8.000 рублей для раздачи ихъ семьямъ охранниковъ въ Сысерть, куда онъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ женой.

Вернулся Павель Медвѣдевъ въ Екатеринбургъ 21-го іюля и въ этотъ день, снявъ охрану съ дома, распустилъ ее; кого домой, а кто записался въ красную армию—на вокзалъ. Самъ до 24-го іюля проболтался и пропьянствовалъ въ городѣ, а вечеромъ вмѣстѣ со старымъ своимъ пріятелемъ комиссаромъ Мрачковскимъ уѣхалъ въ Нижній Тагиль. Тамъ комиссаръ Сысертскаго завода Алексѣй Яковлевичъ Сафо-

новъ ваялъ его къ себѣ въ помощники по выпечкѣ хлѣба для арміи и онъ находился при немъ до октября.

Въ октябрѣ его послали „на формировку“ въ Пермь, но Павелъ Медвѣдевъ былъ уже недоволенъ властями и служить, какъ другіе, въ красной арміи онъ не желалъ. Онъ считалъ себя обиженнымъ, не оцѣненнымъ. Онъ причислялъ себя къ сознательнымъ работникамъ новаго режима, не къ грабителямъ, а его, какъ всякаго хулигана, хотѣли насильно послать въ солдаты. У него были большія заручки; онъ обратился къ военному комиссару Исааку Голощекину и тотъ помогъ Медвѣдеву, давъ ему какую-то записку въ отдѣлъ формирования. Тамъ комиссаръ еврей Гольдбергъ, сдѣлавъ какую-то приписку на запискѣ Исаака Голощекина, послалъ его въ опредѣленный вагонъ на станцію Пермь 2-я. Въ вагонѣ Медвѣдевъ нашелъ нѣсколько неизвѣстныхъ ему лицъ; они повели Павла Медвѣдева къ Камскому желѣзнодорожному мосту, показали ему приспособленія для взрыва этого моста на случай надобности, и приказали ему находиться на правомъ берегу Камы въ особой избушкѣ и охранять приспособленія для взрыва моста. Медвѣдевъ подъ фамиліей Бобылева поселился въ этой избушкѣ и жилъ тамъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ рабочимъ Сысертскаго завода Петромъ Васильевичемъ Алексѣевымъ. Специальной же охраной моста вѣдалъ особый комиссаръ по фамиліи Колеговъ, при которомъ состояла команда мадьяръ.

23-го декабря наканунѣ занятія Перми войсками генерала Пепеляева Медвѣдевъ получилъ письменное приказаніе взорвать мостъ и ему были переданы принадлежности для взрыва. Затѣмъ къ нему пришелъ комиссаръ 5-го участка службы пути Яковлевъ и подъ росписку вручилъ еще одно предписаніе взорвать мостъ. Мостъ уже былъ подъ ружейнымъ огнемъ наступавшихъ Сибириаковъ. Колеговъ, Яковлевъ и Алексѣевъ, равно какъ и мадьяры, убѣжали. Медвѣдевъ никогда не имѣлъ дѣла съ подрывными средствами и, вѣроятно, взорвалъ бы раньше самого себя, чѣмъ мостъ. Кроме того Сибириаки были уже сзади него и если бы ему и удалось взорвать мостъ, то вслѣдъ за симъ его разстрѣляли бы на мѣстѣ бѣлогвардейцы. Павелъ понялъ, что совсѣмъ власти его бросили между двухъ огней, не жалѣя его.

Тогда Медвѣдевъ рѣшилъ моста не взрывать и добровольно сдаться подходившимъ Сибирикамъ. Его обыскали,

нашли револьверъ Нагана, нашли принадлежности для взрыва моста. Но никто его не допросилъ и не спросилъ даже фамиліи. Вмѣстѣ съ другими добровольно сдавшимися краснсармейцами онъ былъ сначала помѣщенъ въ такъ называемыя красныя казармы, а потомъ его командировали на должность санитара въ 139-й эвакуационный госпиталь, гдѣ 11-го февраля 1919 года его разыскалъ агентъ слѣдователя Соколова Алексѣевъ, арестовалъ и 16-го февраля привезъ въ Екатеринбургскую губернскую тюрьму.

Здѣсь Павла Медвѣдева допросили слѣдственныя власти. Онъ представлялся человѣкомъ, достаточно развитымъ для его положенія, какъ рабочаго. Это типичный русскій большевикъ изъ фабричной среды. Онъ не былъ ни особенно угнетенъ, ни подавленъ. Чувствовалась въ немъ нѣкоторая растерянность, конечно, понятная въ его теперешнемъ положеніи. Но она не отражалась на его душевномъ состояніи. Онъ владѣлъ собой и оставлялъ своимъ разсказомъ впечатлѣніе человѣка „себѣ на умѣ“. Объясненія его сами по себѣ представлялись совершенно достовѣрными. Онъ рассказывалъ о фактахъ, какъ обыкновенно о нихъ говорить человѣкъ, когда онъ говоритъ правдиво; въ главныхъ чертахъ не было ничего такого, что заключало бы въ себѣ внутреннія противорѣчія и оставляло бы впечатлѣніе лживости, выдуманности объясненій.

Только въ одномъ отношеніи онъ привиралъ—когда обрисовывалъ свою собственную роль, свое собственное участіе въ дѣлѣ. Ясно совершенно было, что свое участіе онъ всемѣрно старался затушевать и свалить часть своей вины на другихъ. Въ конечномъ выводѣ его объясненіе—это типичное сознаніе убійцы въ убійствѣ, учиненномъ многими лицами съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и по предварительному уговору; каждый изъ многихъ убійцъ, признавая основной фактъ преступленія и свою юридическую виновность, всячески старается отпихнуться за счетъ другихъ отъ своей фактической вины, затушевывая свою роль, замалчивая или отрицаю факты, имъ самимъ учиненные. Поэтому Медвѣдевъ упорно отрицалъ, что онъ участвовалъ въ разстрѣлѣ, и даже тогда, когда ему была сдѣлана очная ставка съ его женой. Онъ говорилъ, что въ моментъ самого разстрѣла Янкель Юровскій послалъ его на улицу послушать, будутъ ли слышны выстрѣлы. Но показанія Летемина, Проскурякова, Якимова и жены Медвѣдева опредѣленно

устанавливаютъ, что Медвѣдевъ никуда въ это время не выходилъ и былъ единственнымъ изъ охранниковъ, который участвовалъ фактически въ разстрѣлѣ.

Недолго пришлось Павлу Медвѣдеву просидѣть въ Екатеринбургской тюрьмѣ; 25-го марта того же года онъ умеръ отъ сыпного тифа и 27-го того же мѣсяца погребенъ. Событие это записано въ метрическихъ книгахъ Градо-Екатеринбургской Михайло-Архангельской церкви за 1919 годъ въ ст. № 50 и подписано священникомъ А. Глубоковскимъ.

Такъ совершился Божій судъ надъ однимъ изъ восьми русскихъ палачей, участвовавшихъ въ непосредственномъ разстрѣлѣ бывшаго Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи.

О судьбѣ слѣдующаго палача, звѣря-матроса Хохрякова известно слѣдующее:

Хохряковъ ушелъ съ красной арміей на Тагилъ, а затѣмъ, состоя начальникомъ особаго карательнаго отряда, отличался въ Перми многочисленными кровавыми, звѣрскими подвигами по искорененію контрѣ-революціи и имперіалистовъ-буржуевъ. По мѣстнымъ рассказамъ, Хохрякову приписывается и начальствованіе командой, покончившей съ графиней А. В. Гендриковой, Е. А. Шнейдеръ и другими.

Во время одного неудачнаго для него столкновенія съ бѣлогвардейской командой подъ Тагиломъ Хохряковъ былъ убитъ; тѣло его доставили въ Пермь, гдѣ состоялось торжественное погребеніе на театральной площади въ центрѣ города. Какъ народному герою совѣтскаго царства, ему былъ воздвигнутъ особый памятникъ, изображавшій, по рассказамъ, громадный кулакъ съ зажатымъ въ пальцахъ краснымъ знаменемъ. Когда войска генерала Пепеляева заняли Пермь, тѣло Хохрякова было вырыто изъ могилы и выброшено въ ассенизационныя поля, а памятникъ снесены и земля на площади выровнена.

Изъ документовъ, оставшихся послѣ Хохрякова, и писанныхъ имъ собственноручно, выясняется, что „за время командировки въ Тобольск съ особымъ поручениемъ“ имъ было израсходовано 130.242 рубля 15 копѣекъ, и сверхъ того выдано „т. Родионову начальнику Уральскихъ отрядовъ находящихся въ г. Тобольске и коминданту охраны семьи бывшаго царя“ 10.000 рублей, а всего 140.242 рубля 15 копѣекъ.

Изъ числа оправдательныхъ документовъ, приложенныхъ къ отчету Хохрякова, характерны для исторіи минувшихъ событій слѣдующія его помѣтки:

„на параходе Русь товарищам комисарам было отпущено 20 ложек, 20 вилок, 20 ножей, 20 тарелок, 5 порций телятины, 2 порции бефстроганов, 3 порции курицы, 1 отбивная, 1 сельтерской“.

„напокупку сестных припасов как себя так и для прибывающих куреров из Екатеринбурга“

„встреча латышских стрелков“

„выдано т. Родионову для расплаты сломовыми извощиками заперевозку сост. Екат. 1 богажа бывшаго царя“

„Екатеринбургскому отряду находящемуся в Тобольске с особым поручением“

Расписка еврея Заславского въ полученіи 500 рублей „для личных расходов и расплаты по некоторым домам“

„квитанции от телеграм посылаемых в Обласовет и Москву“. Ихъ было послано: въ Екатеринбургъ—29, въ Москву—4, въ Тюмень—1 и въ Ишимъ—1.

Для будущей Россіи Хохряковъ оставилъ по себѣ память, какъ объ одномъ изъ тѣхъ кошмарныхъ злодѣевъ, вышедшихъ изъ Кронштадта, которыхъ едва ли въ состояніи забыть русскій христіанинъ, пережившій ужасы погромовъ и рѣзни въ Кронштадтѣ, Выборгѣ и Севастополѣ и мрачную эпопею соціалистического возрожденія Россіи, эпохи Гучковъ—Керенскій—Бронштейнъ.

Слѣдующіе два изувѣра-палача, Петръ Ермаковъ и Александръ Костоусовъ, съ ихъ сподвижниками: Вагановымъ, Леватнымъ, Партинымъ, бросились изъ Екатеринбурга сначала на Тагиль.

Вагановъ былъ вскорѣ настигнутъ недалеко отъ Екатеринбурга своими земляками изъ Верхъ-Исетска и растерзанъ. Прочимъ удалось уйти и присоединиться къ частямъ красной арміи въ Верхотурье. Отсюда Ермаковъ съ Леватнымъ перешли въ Пермь, а Костоусовъ съ Партинымъ въ Кунгуръ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ Ермаковѣ и Леватномъ чрезвычайно разнорѣчивы: одни говорятъ, что Ермаковъ своей жестокостью и безумной дикостью возстановилъ противъ себя даже заядлыхъ большевиковъ и былъ ими гдѣ-то при-

конченъ; другие рассказываютъ, что Ермаковъ и Леватныхъ, разорившись изъ-за чего-то съ большевиками, ушли отъ нихъ вглубь Сибири, продолжая свою дѣятельность на большихъ дорогахъ. Какъ бы то ни было, но фактъ безусловный, что эти природные каторжники, которые выставлялись совѣтской властью, какъ сознательные ея сотрудники изъ народа, не нашли себѣ отечества даже на территории большевистского царства, превосходя своимъ злодѣйствомъ все, что только можно себѣ представить.

Костоусовъ и Паргинъ въ Кунгурѣ поступили въ большевистскую развѣдку и контрь-развѣдку и продолжали въ нихъ свою кровавую дѣятельность надъ мѣстнымъ обывателемъ и интеллигентомъ. При отступлениі красной арміи Костоусовъ ушелъ съ ней на Пермь, а затѣмъ далѣе на Вятку, а Паргинъ попалъ въ плѣнъ и по приговору военно-полевого суда былъ разстрѣленъ по обвиненію въ работѣ въ качествѣ тайного агента и палача въ контрь-развѣдкѣ противника. Какъ участникъ сокрытія тѣлъ Членовъ Царской Семьи, онъ не былъ допрошенъ.

Изъ числа рабочихъ Сысертскаго завода и фабрики Злоказова, служившихъ въ охранѣ „дома особаго назначенія“, кроме Павла Медвѣдева позднѣе были задержаны въ разныхъ мѣстахъ: разводящій Якимовъ и охранники—Проскуряковъ, Семеновъ, Чуркинъ, Соловьевъ, Луговой, два брата Болотовыхъ и Сивковъ. Всѣ они самостоятельно уходили изъ рядовъ красной арміи и изъ подъ власти большевиковъ, пробирались къ себѣ на родину и стремились зажить честнымъ заработкомъ, будучи по существу вовсе не большевиками.

Что же это были за люди? Что ихъ толкало дѣлаться добровольно красноармейцами, преступниками, братоубийцами, измѣнниками вѣрѣ и слугами изувѣровъ религії Лжи? Вѣдь такихъ было много, очень много, такъ много, что здоровые элементы народной массы не смогли взять преобладанія надъ ними, и они повели всю Россію за вожаками изъ интеллигенціи, „жидовствующими“ и соціалистами, по пути революціи, ея углубленія, ея расширенія—до пропасти, созданной безумствовавшими революціонерами Израиля и ихъ сотрудниками изъ россійскихъ и интернациональныхъ утопистовъ большевизма.

Викторъ Проскуряковъ, этотъ охранникъ-мальчишка 17-ти лѣтъ, активный дѣятель всѣхъ стадій охватившей

Россію революції и развала, въ своїй исповѣди-показанії говорить: „Я вполнѣ самъ сознаю, что напрасно не послушался отца и матери и пошелъ въ охрану. Я самъ теперь сознаю, что нехорошо это сдѣлали, что побили Царскую Семью, и я понимаю, что и я не хорошо поступилъ, что кровь убитыхъ уничтожалъ. Я совсѣмъ не большевикъ и никогда имъ не былъ. Сдѣлалъ я это по глупости и по молодости. Если бы я теперь могъ чѣмъ помочь, чтобы всѣхъ тѣхъ, кто убивалъ, переловить, я бы все для этого сдѣлалъ“. Проскуряковъ, давая показаніе, плакалъ и убивался, но въ искренность его раскаянія вѣрить особенно не приходилось, такъ какъ онъ не добровольно пришелъ покаяться, и не сразу признался въ своемъ грѣхѣ, а лишь послѣ того, какъ ему стало ясно, что обѣ его службѣ въ охранѣ слѣдствію уже все извѣстно.

Но въ его словахъ какъ бы есть одинъ изъ отвѣтовъ на поставленные выше вопросы--это ссылка на молодость и глупость, какъ на причины, заставившія его стать слѣпымъ оружіемъ другихъ людей, людей злой воли.

Если такъ, то въ созданіи изъ Викторовъ Проскуряковыхъ преступниковъ, помимо всѣхъ прочихъ возможныхъ причинъ, прежде всего повинными являются тѣ, кто его ростилъ, воспитывалъ, та среда, среди которой протекало его дѣтство, и которые не дали ему достаточно прочныхъ устоевъ морали, нравственности и главное Духа вѣры; могшихъ удержать его отъ соблазновъ и ложныхъ жизненныхъ шаговъ, когда такие встрѣтились на его пути. Родители удерживали Виктора Проскурякова, но не смогли удержать. Слѣдовательно, въ его 17-ти лѣтнихъ глазахъ, во всемъ внутреннемъ его содержаніи, родители не обладали той моральной силой авторитета, которая прежде всѣхъ другихъ вліяній должна была и могла остановить его на краю пропасти.

Если эта природная сила *уже* отсутствовала по тѣмъ или другимъ причинамъ, то можетъ ли общество, государство опираться на какія-либо другія вліянія, моральные силы, дабы сохранить какую бы то ни было форму своего строя? Если подорваны нравственные устои общества, семьи, своего очага—этой неизбѣжной и исходной ячейки здороваго государственного организма, то революція можетъ привести только къ анархіи и насилию соціалистического коммунизма.

Виновны ли?

Охранникъ изъ команды „дома особаго назначенія“ Иванъ Николаевичъ Клещеевъ послѣ убійства Царской Семи и ушелъ изъ Екатеринбурга съ красной арміей въ Пермь. Тамъ онъ еще съ другими 7-ю охранниками былъ сначала назначенъ для охраны комиссара снабженія Горбунова, а затѣмъ получилъ должность вахтернаго въ интендантскихъ складахъ на станціи Левшино. Въ первую же недѣлю своей новой службы Иванъ Клещеевъ укралъ со склада сукно и, пытаясь продать его, попался. Его арестовали, судили и послали на принудительныя работы срокомъ на 6 мѣсяцевъ.

Иванъ Клещеевъ родился въ 1897 году въ городѣ Шадринскѣ и почти до Февральской революціи 1917 года проживалъ при своихъ родителяхъ на Крестовоздвиженской суконной фабрикѣ Ушкова близъ села Камышинскаго Екатеринбургскаго уѣзда. Отецъ его, Николай Ивановичъ Клещеевъ, 52 лѣтъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ прослужилъ механикомъ на этой фабрикѣ. Былъ онъ человѣкъ не пьяный, и не трезвый, а такъ, какъ всѣ; работалъ исправно, аккуратно, добросовѣстно, а въ семейномъ быту былъ слабый, безвольный, подъ башмакомъ у своей жены Татьяны Васильевны, женщины властной, грубой, заносчивой, но души нечаявшей въ своемъ первенцѣ Ваничкѣ. Кроме Ивана было у нихъ еще два сына и двѣ дочери, но баловнемъ матери оставался Иванъ, которому съ дѣтства она ни въ чемъ не отказывала, прикрывала его проступки и потакала всяkimъ наклонностямъ и капризамъ. Любила она его слѣпо, до сумасшествія.

Съ дѣтскаго возраста Иванъ пріобрѣлъ дурныхъ наклонности и, будучи еще совсѣмъ мальчишкой, началъ заниматься кражами. Мать оберегала его отъ наказаній отца, принимала часто его вину на себя и за него лгала, измысливая оправданія для ненагляднаго Ванюшки. Учился онъ лѣниво и плохо, также плохо велъ себѧ и въ школѣ, такъ что учителя жаловались на его поведеніе, но родители къ исправленію никакихъ мѣръ не принимали. Въ концѣ концовъ Ивана, какъ неисправимаго по поведенію и лѣниваго ученика, исключили изъ сельского училища, гдѣ онъ обучался.

Тогда отецъ взялъ его въ обученіе къ себѣ и пріучалъ къ слесарному дѣлу при фабрикѣ Ушкова, гдѣ Иванъ и проработалъ до совершеннолѣтняго возраста. Взрослымъ онъ не оставлялъ своего порока—крадь, но кралъ ловко, хитро, не попадался и судимъ не былъ. Невадолго до Февральской революціи онъ ушелъ, подъ предлогомъ искать работы, на сторону отъ своихъ родителей; нѣсколько времени пропадалъ въ безвѣстной отлучкѣ отъ отца и матери и затѣмъ объявился въ Тюмени въ компаніи бояковъ, и ставши самъ таковымъ. Розыскала его мать, совершенно обезумѣвшая и потерявшая спокойствіе со дня его исчезновенія; гдѣ она только ни перебывала, куда ни бросалась розыскивать его, всюду изѣздила и исходила и наконецъ нашла въ какой-то Тюменской трущобѣ, притонѣ всякихъ темныхъ личностей. Нашла, все забыла отъ радости и, въ материнской гордости, привезла домой, на фабрику Ушкова.

Проживъ нѣкоторое время при своихъ родителяхъ, Иванъ опять ушелъ отъ нихъ и поступилъ на металлическую фабрику Злоказова въ Екатеринбургѣ. Здѣсь его засталъ большевистскій переворотъ. Новое направленіе было по немъ; онъ охотно примкнулъ къ партіи большевиковъ и вскорѣ, сдѣлавшись ярымъ красноармейцемъ, явился предводителемъ шайки совѣтскихъ грабителей по отборанію и реквизиціи имущества у частныхъ владѣльцевъ. Въ февраль 1918 года, во главѣ такой партіи хулигановъ и грабителей, Иванъ явился въ домъ къ своему бывшему хозяину Ушкову и, ворвавшись ночью, угрожая разстрѣломъ, потребовалъ отъ хозяина выдачи оружія, денегъ, имущества. Затѣмъ, подстрекнувъ рабочихъ, предъявилъ Ушкову требованіе передать и всю его суконную фабрику. Отецъ Ивана, какъ чловѣкъ порядочный, долгое время не склонялся на сторону большевиковъ, настаивавшихъ на отбораніи у Ушкова фабрики, но потомъ, подъ убѣжденіями своего сына и примкнувшей къ нему матери, Татьяны Васильевны, во всемъ сочувствовавшей большевику-сыну, перешелъ на ихъ сторону и примкнулъ къ группѣ рабочихъ, отбирающей отъ Ушкова фабрику. Въ рукахъ новыхъ владѣльцевъ фабрика прекратила работать и всѣ жившіе ею остались безъ заработка.

Когда комиссаръ Авдѣевъ пришелъ на фабрику Злоказова нанимать рабочихъ на охрану Царской Семьи, Клещеевъ добровольно записался на службу въ отрядъ. Состоя въ этой

охранъ, онъ пріѣзжалъ неоднократно домой къ своимъ родителямъ, и привозилъ имъ разныя цѣнныя мелкія вещицы, видимо, украденныя въ Иппатьевскомъ домѣ у Царской Семьи. Въ это время его распущенность и разнузданность достигли крайняго предѣла: онъ хвалился среди рабочихъ фабрики Ушкова и передъ своими родителями, что женится на одной изъ дочерей Николая II и, что если она не пойдетъ за него добровольно, то онъ силою возьметъ ее. Никто его не сдерживалъ и не противорѣчилъ ему; мать его, имѣвшая большое вліяніе на мужа, во всемъ ему потакала, поощряла и даже какъ бы гордилась лихостью и безстыдствомъ своего любимаго первенца.

Когда большевики, разбитые подъ Екатеринбургомъ, бѣжали на Пермь и Иванъ Клещеевъ былъ вынужденъ также бѣжать съ ними, его мать передъ новой политической властью старалась бесконечной ложью всячески оградить любимое дитя; распускала свѣдѣнія, что Ивана красноармейцы увѣли силой, что онъ бѣжалъ отъ большевиковъ, что поступилъ въ ряды бѣлогвардейскихъ войскъ. Она не знала, что посторонніе люди знали объ ея сынѣ больше, чѣмъ она, ослѣпленная своей материнской къ нему любовью и, не считаясь ни съ чѣмъ, пыталась только оправдать и спасти его. Сама же, не находя себѣ мѣста, въ жаждѣ утолить безумную тоску металась по всей Западной Сибири, по всѣмъ роднымъ и знакомымъ, по канцеляріямъ и штабамъ, въ надеждѣ, что быть можетъ ложь ея можетъ стать правдой, и ея Ваня, какой бы онъ ни былъ, окажется здѣсь. Вѣдь всю жизнь она только любила своего первенца, всю душу отдала ему, „любила по совѣсти“, какъ она ее понимала.

Вотъ краткій біографіческій очеркъ одного изъ многочисленныхъ, безсознательныхъ дѣятелей русской революціи и участника преступленія въ Иппатьевскомъ домѣ. По условіямъ воспитанія и среды онъ не составляетъ исключенія изъ ряда большей части таковыхъ же дѣятелей и преступниковъ. Это люди, вышедшия не изъ категоріи дѣтей улицы, оставшихся съ малолѣтняго возраста безъ семьи, безъ родителей, безъ возможности призора, и внѣ нормальныхъ условій матеріальной жизни. Это люди не изъ числа полу-голодныхъ, полунищенствующихъ, „соціально“ угнетенныхъ обитателей Хитровокъ, Вяземскихъ лавръ и трущобъ столичныхъ окраинъ. Это дѣти маленькихъ, обеспеченныхъ честной работой буржуевъ, имѣющихъ и собственные до-

мики, и свое хо́зяйство, и посто́янный, обезпеченный дохóдъ, и отложенную на черный день копейку. Это люди материа́льно обезпеченные, не озлобленные нуждой, не гонимые тяжелыми условиями жизни и не преследуемые неудачной или несправедливой судьбой.

Почему же Иванъ Клещеевъ сталъ съ дѣтства красть и, съ развитіемъ возраста, порокъ этотъ не исчезъ, а, наоборотъ, страсть къ нему развилась? Почему своему балованному положенію въ семье предпочтеть стать боякомъ? Почему бессознательнымъ революціонеромъ пошелъ разрушать жизнь своихъ родителей? Почему сознательно пошелъ на преступленіе? Почему сначала пошелъ съ Гучковымъ, потомъ съ Керенскимъ, потомъ съ Исаакомъ Голощекинымъ?

Если бы Иванъ Клещеевъ былъ одинъ такой преступникъ, пошедший по революціонному пути разрушения семьи, общества, государства, святыхъ и свѣтлыхъ идеологическихъ началъ своего народа, и создавшійся въ семье, казалось бы, обезпечивавшей общество и государство отъ воспитанія вора, хулигана, грязного негодяя и гнуснаго убийцы, можно было бы тогда искать причинъ въ предопредѣленіи, въ исключеніи, „нѣть семьи безъ урода“, въ случайности и т. п. Но Иванъ Клещеевъ не одинъ; такихъ, какъ онъ, русскихъ людей, вышедшихъ изъ не преступныхъ семей, и съ увлечениемъ и охотой пошедшихъ по революціонному пути разрушения Россіи, сверженія Царя, насилия и преступленій, оказалось много, десятки, сотни тысячъ. Они оказались во всѣхъ слояхъ населенія, во всѣхъ классахъ, кругахъ и партіяхъ—отъ высшихъ руководителей революціи до ея красы и гордости—кронштадтской матросни.

Будущая Россія, будущіе историки эры жизни русского народа—сверженія династіи Романовыхъ и трагической гибели Царствовавшей Семьи—будутъ въ правѣ искать отвѣта на этотъ вопросъ *почему*, такъ какъ только справедливое и сознательное разрешеніе его русскимъ обществомъ можетъ дать народу духовный, жизненный и творческий импульсы къ своему возрожденію изъ бездны, куда его повергли массы россійскихъ (хочется вѣрить—временного лица) Ивановъ Клещеевыхъ.

Тогда только объективная и безстрастная история вынесетъ справедливый приговоръ: кто виновенъ въ разрушении Россіи? Кто виновенъ въ подрывѣ народной идеологии? Кто

виновенъ въ отклоненіи православнаго русскаго народа отъ Христовой вѣры?

Матрена Ивановна Леватныхъ, 19 лѣтъ, православная, добровольно дала показаніе на своего мужа:

„Я жена видиаго у насъ въ Верхъ-Исетскѣ большевика Василія Ивановича Леватныхъ. Вышла я замужъ за Леватныхъ въ 1917 году. Женился онъ на мнѣ вдовыемъ. Я вышла за него „убѣгомъ“, потому что меня родители за него не отдавали, а тетка уговарила. Вѣнчались мы съ нимъ въ церкви, но въ единовѣрческой, а не въ Православной. Поэтому такъ было, что не пожелалъ онъ вѣнчаться въ Православной церкви — не любилъ Православныхъ священниковъ.

„Нравъ у него былъ строгій и разговаривать съ нимъ было нельзя. Царя онъ не хотѣлъ. Когда мы съ нимъ женились и моя мать, бывало, скажетъ что-нибудь про Царя „вотъ теперь Царя у насъ нѣтъ“, онъ начнетъ ее ругать за то, что она хотѣла Царя.

„Ничего я не знаю про участіе мужа въ убийствѣ Царской Семьи, но по совѣсти могу сказать, что такой звѣрь, какъ мужъ, могъ пойти на такое дѣло. Я съ нимъ не пожелала уходить, когда онъ убѣгалъ передъ взятиемъ Екатеринбурга, а теперь, когда красные взяли опять Екатеринбургъ, я ушла изъ Верхъ-Исетска“.

Матрена Леватныхъ — жена ребенокъ, но тѣмъ не менѣе не проживя и года съ мужемъ, почувствовала его давленіе, почувствовала его гнетъ, сознала, что Василій Леватныхъ звѣрь, съ которымъ жить дальше невозможно и... порвала съ нимъ, ушла отъ него.

Но за годъ передъ этимъ она такъ же порвала и съ родителями, когда захотѣла выполнить свое желаніе и не подчиниться уговорамъ родителей, убѣждавшихъ ее не выходить за Василія, какъ за дурного человѣка. Мало того Матрена порвала и съ Православной Церковью, лишь бы оградить *свои* взгляды — „вѣнчаться“ — и вѣнчалась, но въ единовѣрческой, потому что Василій не любилъ Православныхъ священниковъ. Что же родители ея были тоже звѣри, какъ Василій, что заставило *её* рвать съ ними? Повидимому нѣтъ; мать простила дочери „убѣгъ“ и продолжала ее знать. Значитъ сердце у родителей было, и лишь, какъ болѣе

опытные, они хотѣли предупредить несчастіе дочери въ ея личныхъ неопытныхъ порывахъ.

Что же было въ Матренѣ Леватныхъ такое сильное, что такъ легко давало ей поводы рвать съ родителями, рвать съ вѣрой, рвать съ мужемъ, рвать по существу съ тѣмъ, что составляетъ коренные устои семьи, общественной жизни? Что въ существѣ Матрены Леватныхъ давало ей право видѣть въ мужѣ „по совѣсти“ звѣря, съ которымъ жить нельзя, а себя очевидно считать безгрѣшной и свободной поступать и „не по совѣсти“?

Не тоже ли самое, что толкало Ивана Клещеева и всѣхъ другихъ стать преступниками, а матерей Клещеевыхъ, среду, общество—создателями этихъ преступниковъ, воспитателями начала преступности—ложнаго „Я“, „ложной совѣсти“?

Когда Павель Медвѣдевъ поступилъ въ 139 й эвакуационный госпиталь, то здѣсь вскорѣ онъ рассказалъ сестрѣ милосердія Лидіи Семеновнѣ Гусевой, какъ онъ состоялъ въ домѣ Иппатьева въ охранной командѣ, какъ содержалась тамъ Царская Семья, какъ относилась къ ней охрана, и какъ Она была разстрѣляна. Объ этой своей бесѣдѣ съ Гусевой онъ заявилъ потомъ на допросѣ прокурору Пермскаго окружнаго суда Шамарину и агенту Алексѣеву. Послѣдніе, желая провѣрить показанія Медвѣдева и выяснить почему Гусева о такой бесѣдѣ съ преступникомъ не сообщила въ свое время властямъ, отправились въ Надеждинскую Общину Краснаго Креста, гдѣ состояла и проживала Гусева.

Ихъ приняла Начальница Общины Александра Михайловна Урусова, которой прокуроръ Шамаринъ объяснилъ цѣль своего прихода и просилъ дать ему возможность видѣть Гусеву. На это Урусова заявила Шамарину, что видѣть Гусеву онъ не можетъ, такъ какъ она больна. Тогда Шамаринъ отвѣтилъ, что онъ вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ помощи закона, пригласить врача и освидѣтельствовать состояніе здоровья Гусевой для установленія—дѣйствительно ли болѣзненное состояніе не позволяетъ ей дать показаніе. Только послѣ такого рѣшительнаго заявленія Урусова послала за Гусевой, оказавшейся здоровой.

Лидія Гусева заявила прокурору, что Павла Медвѣдева она дѣйствительно знаетъ, но разговариваетъ съ нимъ

рѣдко и лишь по дѣламъ службы. Никакихъ разговоровъ о судьбѣ бывшаго Императора Николая II и Его Семи онъ съ нимъ не вела, и Медвѣдевъ ей по этому поводу ничего не рассказывалъ.

Этотъ опросъ происходилъ 13-го февраля. Гусевой было объявлено, что она будетъ предъявлена Медвѣдеву для опознанія имъ—та ли она сестра, которой онъ разговаривалъ, или это была другая.

14-го февраля на очной ставкѣ съ Гусевой Павелъ Медвѣдевъ подтвердилъ, что разговаривалъ онъ именно ей. Тогда Гусева покаялась въ своей лжи, объяснивъ ее тѣмъ, что она была сильно взволнована приходомъ прокурора и агента и кромѣ того была утомлена дежурствомъ на пунктѣ. Не заявляла же обѣ известномъ ей преступлени и причастности къ нему Медвѣдева властямъ, или вообще кому-нибудь другому... сама не знаетъ по какой причинѣ, но думала, что обѣ этомъ разговорѣ Медвѣдева въ госпиталѣ знаютъ и другіе.

Лидія Гусева ушла отъ родителей изъ дома въ сестры милосердія когда ей было 16 лѣтъ; теперь ей 30. Четырнадцать лѣтъ она живеть самостоятельной трудовой жизнью сестры милосердія, побывавъ за это время на службѣ и въ земствѣ, и въ городахъ, и на фронты въ германскую войну. Это уже не ребенокъ, не юношескаго возраста; это человѣкъ зрѣлый, опытный, сознательный, не могущій не вѣдать, что творить. А между тѣмъ лжеть. Лжеть до созданія себя преступницей, скрывая убійцу, скрывая известное ей преступление. Съ ней же лжеть и ея Начальница Урусова и, какъ маленькая школьница, лжеть такъ неудачно, что сей-часъ же изобличается. Обѣ онѣ не большевички; онѣ сторонницы новой власти, новыхъ политическихъ теченій. Страха здѣсь быть не можетъ.

Что же здѣсь?

Откуда береть начало эта ненужная, вредная и опасная ложь?

Привычка. Условія обывательской жизни, среда, общество притупили сознаніе въ необходимости жить „по чистой совѣсти“ и утвердили въ натурѣ извращенное понятіе о соответствии жизни „по ложной совѣсти“. Вся жизнь въ совокупности воспитала въ сердцѣ начало преступности, подрывая моральные основы государственности и пріобщая общество къ преступленію.

18-го юля 1918 года въ Екатеринбургѣ въ театральномъ залѣ Исаакъ Голощекинъ устроилъ митингъ и на немъ объявилъ, что по постановленію областного совѣта бывшій Царь „Николай Кровавый“ разстрѣлянъ, а Семья Его вывезена въ надежное мѣсто. Въ отвѣтъ изъ рядовъ собравшейся громадной толпы раздались голоса:

„Покажите тѣло“.

Это требованіе сильно смутило присутствовавшихъ на митингѣ Сафарова, Войкова, Бѣлобородова, Исаака Голощекина и прочихъ главарей совѣтской власти. Съ одной стороны, показать тѣло они не могли; съ другой, толпа, состоявшая изъ людей ими воспитанныхъ, ими руководимыхъ, ими созданныхъ, толпа, служившая ихъ силой въ революціонномъ движеніи, имъ не вѣрила и требовала реального подтвержденія голословному заявлению одного изъ главнѣйшихъ своихъ вождей.

За два года революціи толпа привыкла ко лжи власти, ко лжи вождей революціи. Она шла за разными вождями революціи не потому, что вѣрила имъ, вѣрила ихъ обѣщаніямъ, а потому, что каждый атомъ толпы хотѣлъ того же, чего хотѣлъ и каждый вождь— власти для себя, права, какъ свое волія. И чтобы достигнуть этой власти каждый атомъ лгалъ другъ передъ другомъ, лгала толпа передъ вождями, лгали вожди передъ толпой. И всѣ выливали ложь въ трескучихъ словахъ и громкихъ обѣщаніяхъ. Максимумъ этой власти для массы въ свое время пообѣщали Ленинъ и Бронштейнъ— все твое—бери. И потому толпа послѣдовательно пошла за ними. Когда перестало существовать то, что можно было брать, а это настало очень скоро, толпа перестала вѣрить и этимъ вождямъ.

Въ этихъ возгласахъ изъ толпы— „покажите тѣло“— характерно и то, что они были единственными въ отвѣтъ по существу на совершившееся событие. Громко ничего другого толпа не высказала; никакимъ другимъ возгласомъ не реагировала. Но позже, когда толпа расходилась, почти вся масса, обмѣниваясь между собою впечатлѣніями, высказывала одну и ту же мысль: „что-то неясное, туманное, недоговоренное есть въ заявлѣніи президіума“.

Однако громко никто этой мысли не высказалъ.

Это была бы правда.

Но правды толпа не сказала бы громко и изъ страха, и по необходимости въ обстановкѣ общественной жизни лгать другъ передъ другомъ по „ложной совѣсти“.

Областной комиссаръ здравоохраненія Николай Арсеньевичъ Саковичъ, 36 лѣтъ, и завѣдывавшій конторой офиціального органа Омскаго совдепа—„Извѣстія“—Семенъ Георгіевичъ Логиновъ, 34 лѣтъ. Оба—активные совѣтскіе дѣятели.

Ихъ прошлое, до-революціонное:

Саковичъ—членъ союза Русскаго народа; причислялъ себя къ крайнимъ правымъ монархистамъ.

Логиновъ—членъ партіи соціал-демократовъ, меньшевиковъ-интерналистовъ.

Оба семейные; имѣютъ опредѣленное общественное и соціальное положеніе, и въ лицѣ своихъ дѣтей воспитываются и готовятся будущихъ гражданъ общества.

Революція посадила ихъ на одну скамью подсудимыхъ. Вотъ что между прочимъ рассказалъ каждый изъ нихъ о себѣ:

Саковичъ.—„Я ни къ какой партіи не принадлежалъ и не принадлежу, но былъ записанъ какъ сочувствующій въ партію соціалистовъ революціонеровъ. Записался я въ серединѣ декабря 1917 года. Въ то время раздѣленія партіи не было; я по крайней мѣрѣ не видѣлъ и не зналъ этого раздѣленія.

Въ январѣ мѣсяца 1918 года я по предложенію партіи пошелъ на съездъ крестьянскихъ депутатовъ съ цѣлью познакомиться съ разницей программъ правыхъ и лѣвыхъ соціалистовъ, такъ какъ на этомъ съездѣ должна была разбираться программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

На этомъ съездѣ мнѣ предложили мѣсто завѣдывающаго отдѣломъ здравоохраненія (областного). Я зналъ, что 195 госпиталь будетъ закрытъ въ близкомъ будущемъ и я останусь безъ мѣста, кромѣ того мнѣ было ясно, что если я не займу этой должности, то она будетъ занята кѣмъ-либо изъ рабочихъ, и здравоохраненіе будетъ въ неопытныхъ рукахъ не специалиста. Поэтому-то я рѣшилъ занять эту должность, но не хотѣлъ разрѣшать вопросъ самостоятельно, намѣреваясь спросить мнѣніе врачей; поэтому я и далъ условное согласіе.

Я не обращался къ профессиональному союзу врачей, такъ какъ принадлежалъ къ союзу военныхъ врачей, гдѣ былъ передъ этимъ з мѣсяца предсѣдателемъ совѣта, хотя былъ членомъ профессионального союза. Я обратился на ближайшемъ собраніи союза военныхъ врачей, на которомъ мнѣ было заявлено, что мое условное согласіе на занятіе этой должности не подлежитъ обсужденію въ данномъ собраніи. Что означалъ этотъ отвѣтъ, для меня является неяснымъ и до сего времени.

Спустя около недѣли, меня пригласили на совѣтъ комиссаровъ и предложили мнѣ объявить программу моихъ предстоящихъ работъ по здравоохраненію. Я тогда заявилъ, что пока я не знаю буду ли я служить, нового ничего создавать не буду, а лишь буду стремиться поддержать то, что есть и расширить сѣть больницъ и амбулаторій. Такимъ образомъ я приступилъ къ фактическому исполненію своихъ обязанностей. Мнѣ тогда же было предложено подыскать себѣ помощника, обязательно партійнаго, или лѣваго-соціальреволюціонера, или большевика, причемъ назвали этого помощника товарищемъ комиссара. Я тогда же заявилъ, что я не хочу и не понимаю названія комиссара здравоохраненія и считаю себя областнымъ санитарнымъ врачомъ, а не областнымъ комиссаромъ здравоохраненія, хотя у меня и была присланная печать изъ областного исполнительного комитета—печать областного комиссара здравоохраненія.

8-го марта 1918 года былъ назначенъ областной съездъ врачей, но онъ не состоялся за неприбытиемъ врачей. На 15-е мая былъ назначенъ новый съездъ, причемъ кромѣ врачей на съездъ прїѣхали комиссары здравоохраненія и представители отъ совѣтовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Наканунѣ я собралъ совѣщеніе комиссаровъ здравоохраненія городского и уѣзданого и страховыхъ кассъ Екатеринбургской и городской. На этомъ совѣщеніи я прошилъ выяснить вопросъ о томъ, будетъ ли съездъ „аполитическимъ“ или „политическимъ“, и предложилъ создать отдѣлы здравоохраненія такъ, чтобы они могли продолжать свою работу при всякихъ политическихъ переворотахъ. Меня на этомъ совѣщеніи упрекали въ томъ, что я иду противъ совѣтской власти, и вынесли постановленіе, что съездъ долженъ быть политическимъ и, что если падетъ большевистская власть, то нечего заботиться о дальнѣйшей судьбѣ здравоохраненія. Мнѣ пришлось подчиниться.

На съездъ собралось около 80 человѣкъ. Около 20 представителей большевиковъ и около 5 лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ составили фракціонное собраніе, на которомъ было постановлено—до рѣшенія мандатной комиссіей рѣшающій голосъ предоставить тѣмъ, кто явился на съездъ по группѣ „обязательнаго“ присутствія на съездѣ, это были комиссары здравоохраненія (въ большинствѣ не врачи) и представители отъ совѣтовъ (не врачи).

Дня черезъ два собралось членовъ съезда уже человѣкъ 135—140. Тогда фракціонное собраніе постановило, чтобы мандатная комиссія предоставила право рѣшающаго голоса лишь тѣмъ, кто стоитъ на платформѣ совѣтской власти. Этого требованія по мнѣнію собранія мандатная комиссія не выполнила; былъ объявленъ перерывъ засѣданія, назначено было фракціонное собраніе, и на фракціонномъ собраніи послѣ долгихъ споровъ было постановлено—мнѣ, какъ комиссару, произвести поправку ошибки, допущенной съѣздомъ и заключавшейся въ томъ, что съѣздъ безъ обсужденія призналъ дѣйствія мандатной комиссіи правильными. Я по постановленію фракціонного собранія вошелъ въ общее собраніе и опросилъ нѣкоторыхъ членовъ, признаютъ ли они совѣтскую власть, и признававшимъ было дано право рѣшающаго голоса, а не признававшимъ право совѣщательнаго голоса. Тогда группа врачей удалилась съ совѣщенія:

Логиновъ.—„Мой отецъ жилъ въ городѣ Бійскѣ и имѣлъ маслодѣлательные заводы. Я жилъ при немъ и учился въ Бійскомъ городскомъ четырехъ-классномъ училишѣ, гдѣ кончилъ курсъ. Послѣ окончанія училища я поступилъ въ Бійскій каленный винный складъ. Здѣсь я прослужилъ приблизительно полгода и уѣхалъ въ Иркутскъ. Отсюда я уѣхалъ заграницу и поступилъ въ Цюрихъ въ политехнікумъ. Здѣсь меня захватила Русско-Японская война.

Я возвратился въ Россію и поступилъ добровольцемъ въ 12-й Иркутскій запасный батальонъ. Въ этой войнѣ я былъ раненъ. Послѣ окончанія войны я возвратился къ отцу; жилъ у него, но въ 1908 году приблизительно уѣхалъ въ городѣ Троицкѣ Оренбургской губерніи, съ цѣлью пріисканія заработка, такъ какъ съ отцомъ у меня установились натянутыя отношенія; онъ пилъ, мучилъ семью; изъ-за этого у насъ и пошли съ нимъ нелады. Въ Троицкѣ же именно я попалъ потому, что прочиталъ въ газетахъ какое-то объявление, предлагающее заработокъ. Здѣсь я былъ хронике-

ромъ одной газеты, завѣдывалъ типографіей. Въ Троицкѣ и его предѣлахъ я прослужилъ до 1915 года.

Въ этомъ году я поступилъ добровольцемъ въ армію въ 19-й Сибирскій стрѣлковый полкъ, и сразу же былъ зачисленъ въ команду кандидатовъ школы прапорщиковъ. Участвовалъ я въ бояхъ и два раза былъ раненъ, отравленъ былъ газами. Въ 1917 году я былъ въ стѣнахъ школы прапорщиковъ въ городѣ Омскѣ, гдѣ меня захватила революція. 24-го іюня я получилъ производство въ чинъ прапорщика.

Въ то время Омскій совдепъ издавалъ свою офиціальную газету „Извѣстія“, въ которой я съ цѣлью заработка и работалъ въ качествѣ сотрудника. Послѣ большевистскаго переворота я сталъ завѣдывать конторой этой газеты. Предсѣдатель Омскаго совдепа Косаревъ, зная, что я по убѣженіямъ не большевикъ, а раздѣлялъ убѣженія соціал-демократовъ меньшевиковъ интернаціоналистовъ, потребовалъ отъ меня, чтобы я, завѣдую конторой, не саботажничалъ, а работалъ въ kontaktѣ съ большевистской властью, на что я изъявилъ согласіе.

Общая разруха жизни меня нѣсколько затянула; я сталъ играть въ карты, проигрался, еще болѣе затянулся и продолжалъ служить у большевиковъ въ надеждѣ поправить свои материальныя дѣла, такъ какъ я уже къ этому времени обзавелся семьей—имѣлъ жену и ребенка, помогая также и матери, которую бросилъ отецъ. Такъ продолжалось до бѣгства большевиковъ изъ Омска. Вмѣстѣ съ другими дѣятелями принужденъ былъ эвакуироваться изъ Омска и я. Дней за 6 до паденія совѣтской власти въ Омскѣ я, какъ офицеръ, былъ назначенъ для выполненія нѣкоторыхъ чисто техническихъ функцій по охранѣ города, причемъ въ моемъ подчиненіи была и милиція. Вотъ это-то обстоятельство и заставило меня главнымъ образомъ уѣзжать изъ Омска вмѣстѣ съ большевиками, такъ какъ я опасался мести, особенно въ первые дни по очищенію города отъ большевиковъ.

Пріѣхалъ я въ Тюмень приблизительно числа 10-го іюня, и числа 12-го іюня я уѣхалъ въ Екатеринбургъ. Здѣсь мнѣ было предложено, какъ офицеру спеціалисту, выѣхать на фронтъ. Я уѣхалъ въ Тюмень, гдѣ предсѣдатель оперативнаго штаба Усіевичъ категорически потребовалъ отъ меня, чтобы я отправился на фронтъ. Всячески стараясь уклониться отъ выполненія этого требованія, я въ концѣ концовъ получилъ назначеніе казначея полевого штаба. Все время я

находился послѣ этого при штабѣ 1-й Сибирской арміи, отступавшей на Камышловъ и затѣмъ къ Ирбитскому заводу. Здѣсь приблизительно числа 30-го іюля мнѣ было предписано сдать всѣ денежныя суммы начальнику хозяйственной части восточной дивизіи Антонову, находившемуся въ Алапаевскѣ, что мною и было выполнено приблизительно 1-го августа. Послѣ этого я выѣхалъ въ Пермь. Отобраны отъ меня суммы были потому, что большевики заподозрили меня въ неблагонадежности и въ попыткѣ бѣжать отъ нихъ. Поэтому когда я прибылъ въ Пермь меня арестовала чрезвычайная слѣдственная комиссія. Не имѣя однако никакихъ доказательствъ моей вины, она меня освободила.

Пробывъ нѣкоторое время въ Перми, я рѣшилъ уѣхать въ Сибирь. Мнѣ удалось уѣхать изъ Перми, и 3-го сентября я прїѣхалъ въ Курганъ (пройдя черезъ два фронта). Въ Сибирь я потому выѣхалъ, что въ Омскѣ, когда меня эвакуировали большевики, осталась моя семья. Изъ Кургана я отправился въ Иркутскъ, думая купить здѣсь товаровъ для торговли. Но здѣсь я сильно проигрался въ карты. Я вернулся опять въ Курганъ. Послѣ этого я рѣшилъѣхать опять въ совѣтскую Россію, думая получить какое-либо дѣло у большевиковъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи опять денежныя средства. 29-го октября я выѣхалъ въ Уфу, куда прибылъ 1-го ноября. Отсюда я отправился черезъ Пермь въ Москву (снова пройдя черезъ два фронта), гдѣ мнѣ и удалось получить довольно значительную сумму. Съ деньгами я снова пробрался въ Сибирь, и 18-го февраля приблизительно я прибылъ въ Екатеринбургъ (третій переходъ черезъ два фронта), гдѣ и былъ арестованъ военнымъ контролемъ“.

Приведенные выдержки изъ разсказовъ, могущія служить материаломъ для характеристики большевистскихъ дѣятелей изъ русской народности, выбраны изъ массы другихъ аналогичныхъ по сути рассказовъ только потому, что одинъ изъ авторовъ приведенныхъ повѣстей Саковичъ въ до-революціонное время причислялъ себя къ монархистамъ, а другой Логиновъ къ противоположному лагерю—соціалистамъ. Въ революціонное время оба оказались въ первыхъ рядахъ активныхъ дѣятелей, причемъ Саковичъ, соответственно общей структурѣ революціонныхъ эволюцій, въ январѣ 1917 года былъ монархистомъ, въ мартѣ того же года объявилъ себя соціалъ-демократомъ, въ концѣ этого же

года—соціалъ-революціонеромъ, въ январѣ 1918 года—сталъ большевистскимъ комиссаромъ, а въ августѣ этого года—оказался въ партійнымъ. Логиновъ же изъ соціалъ-демократическихъ хроникеровъ Троицкой газетки перешель сначала въ сотрудники офиціального большевистскаго органа въ Омскѣ, а затѣмъ въ тайного политическаго агента Исаака Голощекина въ Екатеринбургѣ и Янкеля Свердлова въ Москвѣ по поддержанію связи съ главой ихъ тайной организаціи въ Сибири латышемъ Ильмеромъ. По существу же ихъ характеристика такихъ типовъ въ періодъ революціи и позже въ средѣ совѣтскихъ дѣятелей было безко нечное число, и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ сознательныхъ и идейныхъ послѣдователей главарей циммервальдовской шайки, привезенныхъ въ Смольный институтъ въ запломбированномъ вагонѣ, прибывшихъ съ опредѣленной программой разрушить Россію экономически, низложить ея православный міръ и воздвигнуть царство религіи *Лжи*.

Оба выведенныхъ представителя совѣтской дѣятельности—дѣятели не маленькие, не рядовые работники, а принадлежащіе къ категоріи активныхъ агентовъ власти, руководителей большевистскаго движенія, проводниковъ идей, мыслей, формъ. Оба они теперь, какъ говорится, „пойманы на мѣстѣ преступленія“. Оба знаютъ хорошо, что улики противъ нихъ такъ серьезны, что ихъ показанія ничего изменить не могутъ въ ихъ судьбѣ и смертная казнь обоимъ обезпечена. Ихъ разсказы—это послѣднее слово, исповѣдь передъ смертью. Въ подобныхъ случаяхъ люди идеи или отказываются говорить, или, если и рѣшаются на слово, то это слово гордо исповѣдуемой идеи, ихъ свѣточа жизни, ради которой они боролись на жизнь и смерть, не щадя другихъ, и сами гордо и смѣло идя на эшафотъ.

А здѣсь? Слово этихъ людей?—представителей сотенъ и тысячъ другихъ такихъ же творцовъ революціи и сотрудниковъ совѣтской власти?

Прежде всего ложь: ложью пропитанная жизнь, ложью пропитанная дѣятельность, ложью пропитанное послѣднее слово. Ложь неискуссная, грубая, натянутая; ложью обстановлена почти каждая фраза, каждое положеніе. Ложь маленькихъ, скверныхъ мальчишечъ, гадко нашалившихъ, и ищущихъ ложью обмануть старшихъ. Гнусное, досадное до боли за Русь, за русское имя чувство вызываетъ эта ложь

Саковича и Логинова. Одинъ лжетъ, какъ характерно лжетъ преступникъ гнуснаго, но коллективно содѣяннаго преступленія; другой лжетъ, какъ мелкій уличный воришкъ, стремящійся доказать, что онъ не укралъ, а только взялъ. И оба въ своей лжи совершенно не сознательно открываютъ истинныя побужденія, руководившія ими въ революціонной и большевистской дѣятельности, въ раззореніи Россіи и насилии надъ своими братьями, въ крови и ужасахъ совѣтскаго режима. Побужденія, одинаковыя у обоихъ — мы участвовали въ преступленіяхъ надъ другими, чтобы самимъ властвовать, жить и ъсть. При этомъ оба въ своей революціонной дѣятельности увлекаются на борьбу не идеями и принципами соціалистическихъ учений, а самыми алчными материалистическими расчетами „ловить рыбу въ мутной водѣ“.

Въ періодъ, предшествовавшій Великой войнѣ, русская литература пестрила жалобами на упадокъ въ обществѣ идейности, захватывающихъ мыслей, порывовъ и вдохновенія. На причины такого явленія взглѣды раздѣлились: одни считали, что новое оживленіе мысли находится въ прямой зависимости отъ самой жизни страны; другіе, признавая, что по существу это дѣло внутренняго идейнаго воспитанія, тѣмъ не менѣе полагали, что въ извѣстной мѣрѣ развитіе общественнаго сознанія будетъ зависеть также отъ успѣховъ политической жизни.

Начало Великой войны, казалось, всколыхнуло общественную мысль; самые разнообразные слои населенія, самыя противоположныя политическія партіи объединились въ одномъ горячемъ порывѣ, въ одномъ великому вдохновеніи.

Но не надолго.

Первыя же испытанія, первыя неудачи 1915 года разоб嘶ли снова всѣ общественные силы, остановили работу живой, идейной мысли; „порывы“ свелись исключительно къ безпринципной жаждѣ власти, а „вдохновенія“ сконцентрировались для лжи, которой прикрывалась жажда власти. Потребовался кровавый, безумный періодъ революціи и разрушенія Россіи, чтобы вскрыть истину и дѣйствительное лицо Саковичей и Логиновыхъ, Керенскихъ и Гучковыхъ, Лениныхъ и Бронштейновъ, Бѣлобородовыхъ и Ермаковыхъ, Леватныхъ и Клещевыхъ...

Эта притупленность мысли, эти „порывы“ къ власти, это „вдохновеніе“ во лжи — это признаки духовнаго раз-

ложенія, духовнаго паденія. Оно естественно привело людей, общество къ преступности, къ преступленію. Ни Саковичъ, ни Логиновъ, ни другіе сподвижники не чувствуютъ въ своихъ поступкахъ моральной стороны; она притуплена такъ же, какъ и мысль. Для кого они работаютъ?—это безразлично. Во имя какихъ идей работаютъ?—тоже безразлично. По какимъ путямъ идутъ?—безразлично. Изъ ихъ разсказовъ не видно даже, чтобы ихъ принуждали работать и служить съ большевистской властью силой. На противъ, они работаютъ и служатъ, сознавая хорошо, кто такие сидящіе рядомъ съ ними, и тоже какъ и они не останавливающіе ни передъ какими преступленіями, ради тѣхъ началь, которыми руководятся Саковичи и Логиновы: все для себя.

Саковичъ и Логиновъ изъ той толпы, которая присутствовала на митингѣ Исаака Голощекина въ театральномъ залѣ. По своей интеллигентности они раньше другихъ атомовъ толпы успѣли обеспечить за собой власть для себя, чтобы жить и ъсть, и, благодаря этому, теперь ихъ положеніе въ совѣтской Россіи обеспечено. Саковичъ совершенно просто разсказываетъ, какъ онъ достигъ этой власти, хотя на пути къ ней совершилъ рядъ преступленій самостотельно, или участвовалъ въ преступленіяхъ съ другими.

Онъ измѣнялъ политическимъ принципамъ соотвѣтственно тому, которые изъ нихъ открывали ему доступъ къ власти; онъ измѣнилъ офицерской средѣ, онъ измѣнилъ средѣ своихъ коллегъ врачей и, ради упроченія своей власти на съездѣ, предалъ нѣсколькихъ врачей въ руки большевиковъ. Онъ до циничности просто рассказывалъ, что въ началѣ іюля 1918 года совѣтской власти отправляли на рѣту окоповъ лицъ состоятельныхъ классовъ. Командантъ Некрасовъ посыпалъ къ нему этихъ лицъ для дачи заключенія — годны или нѣть присылаемые къ физическому труду. Въ одинъ изъ дней, когда онъ далъ освобожденіе тремъ лицамъ подрядъ, Некрасовъ ему пригрозилъ, что если онъ будетъ такъ широко освобождать, то будетъ самъ посланъ въ окопы. Тогда Саковичъ, „чтобы оградить себя“, совершенно пересталъ давать освобожденія.

Также легко, какъ и противъ общества, для огражденія себя, своей власти, онъ совершилъ преступленіе противъ

Царской Семьи, участвуя въ совѣщаніи, обсуждавшемъ какимъ способомъ покончить съ Ней и, конечно, какъ и другіе комиссары, участвовалъ въ голосованіи.

Саковичъ интеллигентъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и привилегированнаго классового положенія. Поэтому ложь своего разсказа онъ прикрываетъ или умалчиваніями въ нужныхъ мѣстахъ, или туманностью оборота рѣчи, или демагогической риторикой. Но по циничной простотѣ и безпринципности его сужденія ничѣмъ не отличаются отъ точки зренія, напримѣръ, хулигана Проскурякова, когда послѣдній разсказывалъ о своей причастности къ убийству Царской Семьи.

„На другой день послѣ получки жалованья, значитъ, во вторникъ 16-го юля до 10 часовъ утра я стоялъ на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Егоръ Соловьевъ, съ которымъ я вмѣстѣ жилъ въ одной комнатѣ, стоялъ тогда въ эти же часы на посту въ нижнихъ комнатахъ дома. Кончивъ дежурство, мы со Соловьевымъ пошли попьянствовать на Водочную улицу, къ милиционеру 2-й части по имени Адольфу, потому что, какъ мы это знали отъ него самого, у него былъ денатурать. Напились мы со Соловьевымъ денатурату и подъ вечеръ пришли домой, такъ какъ намъ предстояло дежурить съ 5 часовъ. Медведевъ увидѣлъ, что мы пьяны, и посадилъ насъ подъ арестъ въ баню, находившуюся во дворѣ дома Попова. Мы тамъ и уснули.

„Спали мы до 3-хъ часовъ ночи. Въ 3 часа ночи къ намъ пришелъ Медведевъ, разбудилъ насъ и сказалъ намъ: „вставайте, пойдемте“. Мы спросили его: куда? Онъ намъ отвѣтилъ: „зовутъ, идите“. Я потому говорю, что было это въ 3 часа, что у Соловова были при себѣ часы, и онъ тогда смотрѣлъ на нихъ. Было именно 3 часа.

„Мы встали, пошли за Медведевымъ. Привелъ онъ насъ въ нижнія комнаты дома Иппатьева. Тамъ были всѣ рабочие-охранники, кроме стоявшихъ тогда на постахъ. Въ комнатахъ стоялъ какъ бы туманъ отъ порохового дыма и пахло порохомъ. Въ задней комнатѣ съ решеткой въ окнѣ, которая рядомъ съ кладовой, въ стѣнахъ и полу были удары пуль. Пуль особенно было много въ той стѣнѣ, что напротивъ входной двери, но были слѣды пуль и въ другихъ стѣнахъ. Тамъ, где въ стѣнахъ и полу были пулевые отверстія, вокругъ нихъ была кровь; на стѣнахъ она была

брьзгами и пятнами; на полу—маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всѣхъ другихъ комнатахъ, черезъ которые нужно было проходить во дворъ дома Иппатьева изъ этой комнаты, гдѣ были слѣды отъ пуль. Были такие же слѣды крови и во дворѣ къ воротамъ на камняхъ. Ясное дѣло, въ этой именно комнатѣ съ рѣшеткой не задолго до нашего со Столовымъ прихода разстрѣляли много людей. Увидѣвъ все это, я сталъ спрашивать Медвѣдева и Александра Стрекотина, что произошло? Они мнѣ сказали, что только что разстрѣляли всю Царскую Семью и всѣхъ бывшихъ съ Нею лицъ, кромѣ мальчика.

„Медвѣдевъ приказалъ намъ со Столовымъ убирать комнаты. Стали мы всѣ мыть полы, чтобы уничтожить слѣды крови. Въ одной изъ комнатъ было уже штуки 4—5 метель. Кто именно ихъ принесъ, я не знаю. Думаю, принесли ихъ со двора, гдѣ я ихъ раньше видѣлъ. По приказанію Медвѣдева, Кронидовъ принесъ изъ подъ сарая со двора опилокъ. Всѣ мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стѣнахъ, гдѣ былъ разстрѣлъ, мы смывали мокрыми тряпками. Въ этой уборкѣ принимали участіе всѣ рабочіе, кромѣ постовыхъ. И въ той именно комнатѣ, гдѣ была побита Царская Семья, уборку производили многіе. Помню я, что работали тутъ человѣка два „латышей“, самъ Медвѣдевъ, отецъ и сынъ Смордяковы, Столовъ. Убирали въ этой комнатѣ и я. Но были еще и другіе, которыхъ я забылъ. Такимъ же образомъ, т.-е. водой мы смывали кровь во дворѣ и съ камней.

„Послѣ уборки комнаты мы со Столовымъ пошли было въ наше помѣщеніе въ домѣ Попова, но насъ Медвѣдевъ посадилъ опять въ баню досиживать арестъ. Пошли мы въ баню и проспали тамъ часовъ до 10 утра. Это значитъ было уже въ среду. Въ 12 часовъ я сталъ на постѣ снаружи у будки на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Простоялъ я два часа. Тутъ мы со Столовымъ пошли въ городъ и прошатались до вечера. Знакомыхъ мы никого не видѣли и никому про убийство не говорили. Вечеромъ мы пришли въ казарму, поѣли и легли спать“.

Интеллигентъ Саковичъ не отпирался, что онъ служилъ у совѣтской власти, но въ своемъ разсказѣ лгалъ отъ начала до конца. 17-ти лѣтній хулиганъ Проскуряковъ рассказалъ голую правду, но лгалъ передъ этимъ: сначала упорно отпирался, что служилъ совѣтской власти, потомъ признался,

что служилъ, но ничего не знаетъ, и только послѣ долгихъ бесѣдъ съ Соколовымъ, наконецъ, рассказалъ, и рассказалъ правду. Въ этомъ разница индивидуальностей совѣтскихъ дѣятелей изъ интеллигенціи и изъ пролетаріата, но ложь такъ или иначе является непремѣннымъ аксессуаромъ этихъ дѣятелей. Затѣмъ характерная имъ всѣмъ общая черта — повѣствуетъ ли интеллигентъ или хулиганъ, рассказываютъ ли ложь или правду, обязательно выдадутъ всѣхъ, кого только могутъ, лишь бы оградить себя. Забота о себѣ ни на минуту не покидаетъ совѣтскаго дѣятеля, какъ не покидала она и дѣятеля революціи съ первого ея момента, и всякаго политического дѣятеля послѣднихъ годовъ, предшествовавшихъ революції.

Прокуряковъ, сначала солгавши, потомъ заговорилъ правдиво. Заговоривши правдиво, онъ каялся въ своей преступной дѣятельности, сознавалъ свои ошибки, свою подлость и, хотя быть можетъ дѣлалъ это не безъ умысла смягчить сердце судей и облегчить свою участъ, но во всякомъ случаѣ созналъ свою низость и глупость вполнѣ искренно, убѣжденno. Саковичъ, тотъ своей мерзости не признаетъ и не желаетъ признавать. Онъ и лжетъ въ разсказѣ такъ, чтобы доказать, что то, что онъ дѣлалъ, вполнѣ хорошо и иначе не могло быть. Онъ ни минуты не выказываетъ раскаянія ни въ какомъ видѣ, и считаетъ, что каяться ему и не въ чѣмъ, такъ какъ вся его безпринципная дѣятельность есть именно та, которая и должна быть.

Еще Достоевскій со свойственной ему глубиной психологического анализа отмѣтилъ характерную черту русскаго человѣка, отличающую его отъ представителя любой другой европейской націи: „нѣть такого подлеца и мерзавца въ русскомъ народѣ, который бы не зналъ, что онъ подлъ и мерзокъ, тогда какъ у другихъ бываетъ такъ, что дѣлаетъ мерзость, да еще самъ себя за нее похваливаетъ, въ принципѣ свою мерзость возводить, утверждаетъ, что въ ней-то и заключается правило и свѣтъ цивилизациіи, и несчастный кончаетъ тѣмъ, что вѣрить тому искренно, слѣпо и даже честно...“

Прокуряковъ и Саковичъ какъ разъ два, примѣнимыхъ къ этому анализу, типа: въ Прокуряковѣ, каковъ бы онъ ни былъ негодяй, все же оказывается природное русскому человѣку свойство, что его и оставляетъ въ рядахъ русскаго народа, способнаго вмѣстѣ съ тѣмъ, по заключенію

того же Достоевского, глубоко вървшаго и понимавшаго свой народъ, „самому свѣтить и всѣмъ путь освѣщать“, такъ какъ говорить Достоевскій, „судите нашъ народъ не по тому, что онъ есть, а по тому, чѣмъ желалъ бы стать. *А идеалы его сильны и святы, и они-то спасали его въ вѣка мученій...*“ Интеллигентъ же Саковичъ утерялъ уже основное свойство, присущее русскому человѣку—самопознаніе по совѣсти, и пересталъ быть русскимъ. Въ немъ стерлись черты русского человѣка, и въ своемъ руководительствѣ революціоннымъ движеніемъ и позднѣе совѣтскими порядками онъ пошелъ по какому-угодно пути, но не по русскому.

Не въ этомъ ли расхожденіи интеллигента Саковича съ основными чертами русскаго народа кроются причины и сущность той пропасти, о которой столько трактовалось въ обществѣ, литературѣ и политическихъ теченіяхъ до-революціоннаго періода, и которую всѣ склонны были находить между Проскуряковыми и Царемъ, а не видѣть ее между собой и народомъ? И правильно ли искать корень этихъ причинъ въ усльвіяхъ бывшей *русской политической жизни*, въ *русскомъ* народѣ, въ *русскомъ* Царѣ и въ *русскомъ* міровоззрѣнії? Не береть ли эта создавшаяся пропасть начало въ томъ одностороннемъ увлеченіи Европеизмомъ, такъ сильно прививавшемся въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи, подъ ложнымъ стыдомъ прослыть иначе на міровомъ рынкѣ огсталыми „варварами“, и повлекшими, съ одной стороны, къ ложному познанію своего народа, а съ другой, къ игнорированію идеологіей своего народа въ увлеченіи европейскими тенденціями соціалистическихъ теорій?

Въ числѣ документовъ, найденныхъ въ комнатахъ, занимавшихся Царской Семьей въ домѣ Иппатьева, оказался между прочимъ маленькой, разорванный на кусочки листокъ разграфленной синими линіями бумаги, какъ бы вырванный изъ тетради, на которомъ имѣется запись черными чернилами и карандашемъ. Почеркъ, коимъ сдѣлана запись, какъ будто напоминаетъ почеркъ покойнаго бывшаго Государя Императора Николая Александровича. Содержаніе записи, представившееся возможнымъ разобрать, слѣдующее:

„...расхищаются казну и иноплеменники господствуютъ.— Въ бѣдахъ отчизны они думаютъ о себѣ Чтобы

скоро водворилась тишина и благодеяние насильственное пострижение, тяжелую смерть Вотъ, что называется „нѣтъ ни праведному вѣнца, ни грѣшному конца“. Что за времена: всякий творить что хочетъ. Вотъ картина настоящаго. Въ народѣ развратъ, Царскій Престолъ колеблется и своимъ паденiemъ грозить сокрушить надолго, можетъ быть навсегда могущество и славу русскихъ. На стеклахъ не легкие узоры, а цѣлые льдины...“

Размѣръ пропуска между словами „благодеяние“ и „насильственное“ могъ бы позволить вставить слова: „въ Россіи (или отчизнѣ), Я готовъ принять“. Если въ записи были именно эти слова, или соотвѣтственныя имъ, то, принявъ во вниманіе сходство почерка, можно было бы сказать съ увѣренностью, что запись сдѣлана бывшимъ Царемъ. Но кому бы она ни принадлежала, авторъ ея, вполнѣ соотвѣтственно текущему моменту, опредѣляетъ сущность импульсовъ, руководившихъ людьми, и съ большой прозорливостью предуказываетъ послѣдствія господства „иноплеменниковъ“ и сосредоточенія помысловъ только „о себѣ“.

Запись, судя по отрывочному содержанію, сдѣлана скорѣе въ періодъ непосредственно предшествовавшій революції, т.-е. въ періодъ послѣдней напряженной борьбы между общественнымъ политическимъ настроениемъ, руководимымъ въ то время, какъ казалось, Государственной Думой и Царскимъ Селомъ.

Изученіе документовъ, оставшихся послѣ звѣрски уничтоженной Царской Семьи, многочисленные допросы и опросы лицъ, какъ принадлежавшихъ къ составу придворныхъ чиновъ, оставшихся до послѣдняго момента при Августѣйшей Семье, такъ и лицъ, случайно или по служебнымъ причинамъ приблизившихся къ Ея интимной жизни уже въ періодъ самой революціи, безусловно устанавливаютъ, что погибшіе Государь Императоръ и Государыня Императрица опредѣленно любили Россію для Россіи, а не для „Себя“, не для Своей власти, въ политическомъ значеніи слова. Въ своемъ „Помазанничествѣ Божьемъ“ Они слишкомъ глубоко и убѣжденно сознавали Свою духовную, идеологическую связь съ христіанскимъ міропониманіемъ народа, и борьба Ихъ была борьбою не за гражданско-политическую власть, а за огражденіе идеологического міровоззрѣнія народа, его религіозной святыни, воспитавшейся въ немъ исторически, и глубоко проникшой въ корень его существа.

Когда по началу революції казалось, что въ развившемся движениі противъ Главы Государства принялъ участіе весь народъ, этотъ единственный моральный судія соотвѣтствія своего Правителя духовной идеологіи массы, Царь съ болью, но сознательно отрекся отъ власти и передалъ ее Тому, на кого указали Ему руководители движеніемъ, какъ Избраннику народа. Оба Они, Царь и Царица, отнеслись къ постигшей Ихъ тяжелой участіи съ полнымъ спокойствіемъ, вытекавшимъ изъ Ихъ горячей и искренней вѣры въ Божественность Промысловъ въ Ихъ жизни на землѣ. Но когда оказалось, что ни руководители сверженія Царя, ни общественные силы, казалось, шедшія съ ними, не имѣли за собой въ дѣйствительности ни воли, ни силы народной массы, и не смогли удержать въ своихъ рукахъ своихъ „завоеваній“, то моральная страданія Царя за будущую судьбу родины стали невѣроятными. Однако до Брестского договора Государь и Государыня все же продолжали вѣрить въ скорое будущее благополучіе Россіи. Своего возвращенія на Престолъ Они категорически и искренно не хотѣли, выражая очень часто эту мысль окружающимъ, и мечтали только о спокойной Семейной жизни, но обязательно въ предѣлахъ Россіи. Они совершенно не допускали мысли ни при какихъ обстоятельствахъ уѣхать куда-либо за границу.

Послѣ же Брестского договора Государь и Государыня, видимо, потеряли вѣру въ скорое, свѣтлое будущее. Въ это время Государь сталъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзываться о Керенскомъ и Гучковѣ, считая ихъ одними изъ главныхъ виновниковъ развала арміи. Обвиняя ихъ въ этомъ, Онъ говорилъ, что тѣмъ самымъ безсознательно для самихъ себя они дали нѣмцамъ возможность разложить Россію. На Брестской договорѣ Государь смотрѣлъ, какъ на позорь передъ міромъ, какъ на измѣну Россіи союзникамъ. Онъ заключалъ свои мысли приблизительно такъ: „и они смѣли подозревать Ея Величество въ измѣнѣ? Кто же на самомъ дѣлѣ измѣнникъ?“

На главарей большевистскаго движениія Ленина и Бронштейна-Троцкаго Государь опредѣленно смотрѣлъ, какъ на нѣмецкихъ агентовъ, продавшихъ Россію нѣмцамъ за большия деньги и преслѣдующихъ кромѣ того свои специальныя, темныя цѣли религіозно-соціалистического характера міровой опасности. Когда въ Тобольскъ пріѣхалъ совѣтскій комиссаръ Яковлевъ, чтобы вывезти Царскую Семью, и изъ его

полусловъ стало ясно, что Государя имѣютъ въ виду доставить для чего-то въ Москву, то бывшій Царь, не колеблясь, сказалъ: „Ну, это они хотятъ, чтобы Я подписался подъ Брестскимъ договоромъ. Но Я лучше дамъ отсѣчь Себѣ руку, чѣмъ сдѣлаю это“. А присутствовавшая при этомъ Государыня, сильно волнуясь, такъ какъ Ея любимый Сынъ былъ въ это время въ очень опасномъ болѣзнистомъ состояніи, добавила: „Я тоже ёду съ Тобой“.

Павелъ Медвѣдевъ, касаясь условій содержанія Царской Семьи въ Иппатьевскомъ домѣ, говорилъ про Нихъ:

„Всѣ Члены Августѣйшей Семьи, кроме Наслѣдника, были здоровы. По внѣшнему виду Государыня была старѣе Государя; у Нея въ волосахъ замѣтна была сѣдина. За все время мнѣ пришлось имѣть лишь два короткихъ разговора съ Государемъ. Разъ Государь спросилъ меня, какъ идетъ война, куда отправляются войска? Я объяснилъ Ему, что теперь идетъ война внутренняя; дерутся русскіе съ русскими. Во второй разъ, увидя меня въ саду рвущимъ лопухи, Государь спросилъ, для чего она мнѣ? Я отвѣтилъ, что они нужны на табакъ. Никакимъ оскорблѣніямъ и издѣвательствамъ Царская Семья со стороны охранниковъ не подвергалась“.

Медвѣдевъ при допросѣ особенно подчеркивалъ разницу въ отношеніяхъ къ Царской Семье русскихъ охранниковъ-рабочихъ отъ отношеній Юровскаго и „латышей“. Онъ говорилъ, что не довѣряя русскимъ, Янкель Юровскій и латыши слѣдили за самими русскими охранниками и не позволяли имѣть общеній съ Царской Семьей, напримѣръ, разговаривать съ Ней. Именно этимъ онъ объяснялъ, что ему не удалось бесѣдовать болѣе или менѣе обстоятельно съ Царемъ.

Въ свою очередь разсказываетъ про Царскую Семью и Филиппъ Проскуряковъ:

„Жизнь свою Они проводили такъ: вставали Они утромъ часовъ въ 8—9. У Нихъ была общая молитва. Они всѣ собирались въ одну комнату и пѣли тамъ молитвы. Обѣдъ у Нихъ былъ въ 3 часа дня. Всѣ Они обѣдали вмѣстѣ въ одной комнатѣ, т.-е. я хочу сказать, что вмѣстѣ съ Ними, обѣдала и вся прислуга, которая была при Нихъ. Въ 9 часовъ вечера у Нихъ былъ ужинъ, чай, а потомъ Они ложились спать. Днемъ Государь читалъ, Государыня также читала, или вмѣстѣ съ Дочерьми вышивала что-нибудь или

вязала. Наслѣдникъ, если могъ, дѣлалъ изъ проволоки цѣпочки для своихъ игрушекъ-корабликовъ. Гуляли Они въ день часа полтора.

„Про отношенія къ Государю и къ Его Семейству со стороны охраны я могу по сущей совѣсти объяснить слѣдующее: Авдѣевъ былъ простой рабочій, мало развитой. Бывалъ онъ и пьяненькой иногда. Но ни онъ самъ, ни охранники при немъ ничѣмъ какъ есть Царской Семьи не обижали и не утѣсняли. Юровскій съ Никулинымъ держали себя самихъ совсѣмъ по другому. При нихъ Царской Семьѣ было хуже. Ну и охранники при Юровскомъ стали себя вести много хуже. О разныхъ безобразіяхъ Сафонова, Стрекотина и Подкорытова Юровскому было извѣстно. О томъ, какъ однажды Подкорытовъ выстрѣлилъ въ выглянувшую въ окно Анастасію Николаевну, ему Юровскому я знаю докладывалъ Медвѣдевъ“.

По поводу отображенія Юровскимъ отъ охранниковъ передъ разстрѣломъ Царской Семьи револьверовъ, Прокуряковъ характерно замѣчаетъ:

„Вотъ этого я толкомъ понять не могу. Правда это была или нѣтъ, я этого доподлинно не знаю, потому что никого изъ рабочихъ обѣ этомъ я спросить не догадался, отбирались ли на самомъ дѣлѣ у нихъ Медвѣдевъ револьверы. Для чего это нужно было, я самъ не понимаю; по словамъ Медвѣдева, разстрѣливали Царскую Семью латыши, а они всѣ имѣли Наганы. Я тогда еще не зналъ, что Юровскій еврей. Можетъ быть онъ, руководитель этого дѣла, и латышей для этого нагналъ, не надѣясь на нась, на русскихъ. Можетъ быть онъ для этого и захотѣлъ постовыхъ русскихъ рабочихъ обезоружить“.

Два показанія рабочихъ-охранниковъ, Медвѣдева и Прокурякова, одинаково свидѣтельствуютъ, что въ отношеніяхъ во всякомъ случаѣ большей части русскихъ охранниковъ къ бывшему Царю и къ Царской Семьѣ народной вражды не было. Тоже подтверждали и другие охранники, да и надписи на стѣнахъ дома, оставленные по себѣ охранниками, говорили о томъ же. Повидимому это обстоятельство такъ ярко проявлялось, что руководители преступленіемъ, Исааки Голощекины, Янкели Юровскіе, Саковичи, Бѣлобородовы, Дидковскіе, или такъ сказать израильская и россійская

революціонная совѣтская интеллигенція испугались настроенія русскихъ рабочихъ къ сверженому Царю, и вынуждены были обеспечить выполненіе своего злого умысла обезоруженіемъ охранниковъ и удаленіемъ ихъ отъ непосредственнаго соприкосновенія съ обреченными жертвами. Въ данномъ случаѣ это произошло при большевистской власти. Но не тотъ же ли страхъ, вѣроятно, долженъ былъ существовать въ тайникахъ душъ дѣятелей и революціонеровъ предшествовавшаго періода революціи, когда русской землей пытались завладѣть Львовы, Керенскіе, Гучковы и прочіе главари „народныхъ движеній“ безъ народа, ваявшіе на себя право сверженія Царя именемъ народа, а совершившіе въ дѣйствительности преступный актъ личнаго произвола, такъ какъ народа за ними не оказалось.

Свергнутый, заключенный, всецѣло находившійся во власти большевистскихъ изувѣровъ бывшій Царь предполагаетъ, чтобы ему отрѣзали руку, чѣмъ пойти на какое-либо дѣло, которое могло бы принести вредъ національной чести и свободѣ Россіи и поставить ее въ экономическо-политическую зависимость отъ нѣмцевъ. Онъ истинно русскій для такой сдѣлки человѣкъ; Онъ вѣрный и честный Сынъ Своего народа, и это проявляется даже въ Его отношеніи къ Своимъ тюремщикамъ изъ русскаго народа. Онъ и въ нихъ продолжаетъ видѣть русскаго христіанина, дѣтей русскаго народа, къ которому принадлежитъ и самъ, и котораго любить не на „митинговыхъ и трибуунныхъ“ словахъ, а на дѣлѣ, таковыемъ, какъ его создали исторія и жизнь. Онъ и въ Медвѣдевѣ видитъ прежде всего своего соплеменника, заговориваетъ съ нимъ, и увѣренъ, что изъ 1000 такихъ русскихъ рабочихъ, какъ Медвѣдевъ, можетъ быть только 10—20 не отзовутся просто на слово русскаго человѣка, котораго они всѣ по неволѣ чувствуютъ въ Немъ.

Совершенно вѣрно, что для политически развращенныхъ различными соціалистическими и иными лицедѣями слова воспитателями рабочихъ Онъ больше не Царь-Правитель. Онъ только человѣкъ. Но не увидѣть въ Немъ истиннаго русскаго человѣка они не могли, такъ какъ близкое соприкосновеніе съ Нимъ въ охранѣ, съ Его Семьей, съ Ихъ жизненнымъ бытомъ и главное съ Ихъ высокоправославной религіозностью открывало глаза простыхъ людей на суницность натуры бывшаго Царя, и устанавливало между ними невольно внутреннюю связь по сродству основныхъ, корен-

ныхъ чертъ народнаго характера. Этой внутренней связи съ русскимъ народомъ не могли имѣть ни Саковичи, ни Логиновы, ни Ленины, ни Гучковы, ни Керенскіе, ни Львовы, ни никто изъ ихъ сподвижниковъ, активныхъ и пассивныхъ, всего революціоннаго периода 1917 года и предшествовавшихъ ему подготовительныхъ смутныхъ годовъ.

Сколько должно было быть у бывшаго Царя любви къ своему русскому народу, сколько великой русской жалости къ темнотѣ его, чтобы даже въ Екатеринбургѣ не разувѣриться въ дѣйствительныхъ свойствахъ его натуры и не отвернуться отъ него, а всегда и при всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ стремиться стать ближе къ нему, прila-скать его, отъ чистаго сердца протянуть ему руку. И въ большинствѣ случаевъ Онъ не ошибался; простой русскій человѣкъ Его понималъ, и кто бы онъ ни былъ по испорченности натуры, такъ или иначе откликался. Онъ говорилъ: „русскій человѣкъ—это мягкий, хороший, душевный человѣкъ; онъ многаго не понимаетъ и этимъ пользуются злые люди. Но на него можно воздѣйствовать добромъ“. Какъ разъ именно такую натуру русскаго человѣка Онъ Самъ и вмѣщалъ въ Себѣ, а злые люди пользовались этимъ и... воспользовались окончательно въ стремлении къ власти, въ заботѣ лишь о своемъ эгоистическомъ „Я“, и въ ослѣпле-ніи своими *не русскими* политическими принципами. Въ послѣднемъ отношеніи характеренъ эпизодъ, случившійся съ комиссаромъ Панкратовымъ, какъ рельефно отражающей сущность политианствовавшихъ людей того времени, во-ображавшихъ, что въ своемъ, пріобрѣтенномъ съ запада, соціалистическомъ міровоззрѣніи, они лучше знаютъ и ближе стоять къ русскому простому народу, чѣмъ русскій Царь.

Панкратовъ былъ присланъ въ Тобольскъ Керенскимъ вмѣсто комиссара Макарова. По существу это былъ человѣкъ не злой, мягкий и безвольный, но къ несчастію узкій, партійный, идейный соціалистъ. Его главная мысль по пріѣздѣ въ Тобольскъ заключалась въ томъ, что надо раз-вить и „воспитать“ солдатъ, чтобы Царской Семье было хорошо среди нихъ. Для этого онъ сталъ *по своему* разви-вать солдатъ охраны, но результаты получились для него совершенно неожиданно чрезвычайно непріятные: вмѣсто просвѣщенія—солдаты начали развращаться; появилась партійность и злоба; солдаты стали хулиганичать, и Панкра-товъ, испугавшись, отступилъ. Каково же было его удивле-

ніе, когда, спустя некоторое время, вновь зайдя въ помѣщениe солдатъ, онъ засталъ тамъ Государя съ Наслѣдникомъ, игравшихъ съ солдатами въ шашки и мирно бесѣдовавшихъ съ ними. При входѣ его, Государь добродушно предложилъ Панкратову присоединиться къ ихъ компаніи, но смущенный революціонеръ-воспитатель, сконфузившись, поспѣшилъ уйти.

Старикъ Чемадуровъ, 10 лѣтъ пробывшій при Государѣ Императорѣ въ должности камердинера, незадолго до своей смерти въ простомъ разсказѣ вѣрнаго слуги такъ исторически цѣнно обрисовалъ покойнаго бывшаго Царя:

„Камердинеровъ при бывшемъ Государѣ было трое: я, Петръ Федоровичъ Котовъ и Никита Кузьмичъ Тетеревятниковъ; каждый изъ насъ дежурилъ при бывшемъ Государѣ по-недѣльно. Въ кругъ обязанностей дежурнаго [камердинера кромѣ обычныхъ входили: исполненіе всѣхъ личныхъ приказаний Государя и докладъ о всѣхъ особахъ, имѣвшихъ къ Нему личный доступъ. Безъ доклада камердинера] никто, кромѣ Супруги Государя и Его Дѣтей, не имѣлъ права входить въ кабинетъ Государя.

„За время моей почти 10-ти лѣтней службы при Государѣ я хорошо изучилъ Его привычки и наклонности въ домашнемъ обиходѣ и по совѣсти могу сказать, что бывшій Царь былъ прекраснымъ семьяниномъ. Обычный порядокъ дня былъ таковъ: въ 8 часовъ утра Государь вставалъ и быстро совершалъ свой утренній туалетъ; въ 8¹/₂ пилъ у себя чай, а затѣмъ до 11 часовъ занимался дѣлами; прочитывалъ представленные доклады и собственноручно налагалъ на нихъ резолюціи. Работалъ Государь одинъ, и ни секретарей, ни докладчиковъ у него не было. Отъ 11 до 1 часу, а иногда и долѣе, Государь выходилъ на пріемъ, а послѣ часу завтракалъ въ кругу Своей Семьи. Если пріемъ представлявшіяся Государю лицъ занималъ болѣе положенного времени, то Семья ожидала Государя и завтракать безъ Него не садилась. Послѣ завтрака Государь работалъ и гулялъ въ паркѣ, причемъ непремѣнно занимался какимъ-либо физическимъ трудомъ, работая лопатой, пилой или топоромъ. Послѣ работы и прогулки въ паркѣ—полуденный чай. Отъ 6 до 8 часовъ вечера Государь снова занимался у Себя въ кабинетѣ дѣлами. Въ 8 часовъ вечера Государь

объдалъ, затѣмъ опять садился за работу до вечерняго чая въ 11 часовъ вечера. Если доклады были обширны и многочисленны, Государь работалъ далеко за полночь и уходилъ въ спальню только по окончаніи всей работы. Бумаги наиболѣе важныя Государь Самъ лично вкладывалъ въ конверты и задѣлывалъ; для отсылки бумагъ по принадлежности Государь приглашалъ дежурнаго камердинера. Передъ отходомъ ко сну Государь принималъ вацну. Кромѣ того Государь аккуратно велъ дневникъ и писалъ иногда до глубокой ночи. Тетради дневниковъ тщательно сохранялись и такихъ тетрадей накопилось очень много.

„Въ семейномъ быту Государь не допускалъ никакой роскоши, и въ столѣ, одаждѣ и домашнемъ обиходѣ Государь и вся Его Семья придерживались скромныхъ и простыхъ привычекъ. Отличительной чертой всей Царской Семьи была глубокая религіозность: Никто изъ Членовъ Семьи не садился за столъ безъ молитвы; посвѣщеніе Церкви было для Нихъ не только христіанскимъ долгомъ, но и радостью. Отношенія между Членами Семьи были самыя сердечныя и простыя, какъ между Государемъ и Государыней, такъ и между родителями и дѣтьми“.

Нравственные облики покойныхъ Государя и Государыни обрисовываются болѣе полно въ рассказахъ лицъ, случайно ставшихъ близко къ интимной жизни Царской Семьи уже въ революціонный періодъ, т.-е. лицъ, какъ бы наблюдавшихъ за жизнью Семьи со стороны и не принадлежавшихъ раньше къ придворной средѣ.

По отзывамъ всѣхъ этихъ лицъ Государь былъ человѣкъ умный, образованный и весьма начитанный. Онъ обладалъ промадной памятью, особенно на имена, и являлся чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. Онъ хорошо зналъ исторію и любилъ серьезныя историческія книги. Любилъ Онъ физическій трудъ и жить безъ него не могъ, въ этомъ Онъ былъ воспитанъ съ дѣтства.

Доброта и простота чувствовались въ Немъ при Его обращеніи съ людьми; ни малѣйшей надменности или заносчивости въ Немъ не было. Онъ былъ замѣчательно предупредителенъ и внимателенъ къ другимъ. Госпожа Битнеръ, случайная учительница въ Тобольскѣ, преподававшая русскій языкъ Наслѣднику, говорить: „Если я иногда по нездоровью пропускала урокъ, не было случая, чтобы Онъ, проходя утромъ черезъ нашу комнату, не спросилъ меня

о моемъ здоровьѣ. Съ Нимъ я всегда чувствовала себя совсѣмъ просто, какъ будто вѣкъ Его знала“.

Въ своихъ потребностяхъ Государь былъ очень скроменъ: берегъ одежду, не позволялъ себѣ въ этомъ лишней тряпки и сплошь да рядомъ можно было видѣть на немъ потертые, но исправно починенные и вычищенные штаны и износившиеся сапоги. Вина Онъ почти не пилъ: за обѣдомъ Ему подавался портвейнъ или мадера и Онъ выпивалъ не больше рюмки. Онъ любилъ простыя русскія блюда: борщъ, щи, кашу. Былъ онъ весьма религіозенъ; ни ханжества, ни суевѣрныхъ предразсудковъ въ Немъ не было; Онъ былъ истинный русскій христіанинъ по вѣрѣ и строгій исповѣдникъ докторовъ Православной Церкви.

Не любилъ Онъ евреевъ. Не любилъ и даже болѣе— не переваривалъ немцевъ.

Отличительной чертой въ Его натурѣ, наиболѣе Его характеризовавшей, было свойство доброты, душевной мягкости. Это былъ человѣкъ замѣчательно добрый. Если бы это зависѣло лично отъ Него, какъ человѣка, Онъ бы не способенъ былъ совершенно никому причинить какое-либо страданіе. Вотъ это Его свойство и производило сильное впечатлѣніе на окружающихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ былъ замѣчательно выдержанній, спокойный и безхитростный человѣкъ. Эти основныя, отличительныя Его черты чрезвычайно хорошо воспринимались людьми, съ которыми Онъ приходилъ въ соприкосновеніе. Конечно, людьми не испорченными душой и мыслями. „Онъ вызывалъ у меня чувство, что хочется сдѣлать Ему что-нибудь пріятное“, говорить одинъ изъ такихъ свидѣтелей. „Сколько лѣтъ я жилъ около Него и ни одного раза я не видѣлъ Его въ гнѣвѣ“, говорить другой свидѣтель.

Искусствъ Государь не зналъ. Онъ любилъ сильно природу и охоту. Безъ этого Онъ томился и по охотѣ скучалъ. Охоту Онъ оставилъ съ началомъ Великой войны.

Про отношеніе и чувства Государя къ Россіи, нельзя ихъ выразить словами, что Онъ любилъ Россію. Россія для Него была почти тѣмъ же, чѣмъ была христіанская вѣра; какъ не могъ Онъ отречься отъ христіанской вѣры, такъ не могъ оторваться отъ Россіи. Чувства Государя и Государыни къ Россіи опредѣленнѣе всего выражаются въ словахъ Государыни: когда послѣ отреченія Государь вернулся къ Семье, то приближенные въ порывѣ любви къ Ихъ

Величествамъ хотѣли выразить сочувствие Ихъ страданію. Тогда Государыня, указавъ на распятіе Христа, сказала: „Наши страданія—ничто. Смотрите на страданія Спасителя, какъ Онъ страдалъ за насъ. Если только это нужно для России, Мы готовы жертвовать и жизнью, и всѣмъ“.

Государь былъ слишкомъ довѣрчивъ къ людямъ, считая почти всѣхъ лучше, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Недобропорядочные элементы пользовались Его сердечной добротой и снискивали расположение Царя къ себѣ путемъ возбужденія Его жалости. Та же черта была и въ характерѣ Государыни. Вслѣдствіе этого многое, представляясь гонимыми, укрѣпляли къ себѣ Ихъ расположение и пользовались Ихъ заступничествомъ и покровительствомъ. Къ числу таковыхъ относился и Распутинъ, который умѣло выставлялъ себя жертвой всевозможныхъ интригъ и злой зависти.

Въ семейномъ быту Государь всецѣло подчинялся волѣ Государыни; Онъ хотѣлъ, чтобы хозяйкой въ Семье всѣ считали Ее. Если къ Нему обращались съ какимъ-либо семейнымъ или хозяйственнымъ вопросомъ, Онъ обыкновенно отвѣчалъ: „какъ Жена, я Ее спрошу“.

„Государыня, какъ была Царицей раньше, такъ и осталась ею. Самая настоящая Царица: красивая, властная, величественная“.—Это было общее впечатлѣніе и заключеніе, какъ людей, состоявшихъ при Царской Семье, такъ и рабочихъ-охранниковъ изъ Иппатьевского дома.

Самымъ характернымъ отличиемъ въ Государынѣ была именно Ея величественность—такое впечатлѣніе Она производила на всѣхъ. „Идетъ бывало Государь“, разсказываютъ придворные, охранники, всѣ окружавшіе Ихъ посторонніе люди, „николько не мѣняешься; идетъ Она, какъ-то невольно обязательно одернешься и подтянешься“. Всегда въ Ея присутствіи чувствовалась въ Ней Царица. Она была умная, съ большимъ характеромъ и весьма выдержанная женщина. Благодаря силѣ воли, Она вполнѣ отвѣчала первенствующему положенію въ Семье. Но это не былъ гнетъ; Она была той надежной крышей, подъ защитой которой жила Семья; Она Ихъ всѣхъ „опекала“. Но за то конечно, Она сильнѣе и страдала; у всѣхъ на глазахъ Она сильно старѣла.

Однако Государыня вовсе не была горда въ дурномъ смыслѣ этого слова; этого и не могло быть въ Ней, потому что отъ природы Она была умная, въ душѣ смиренная,

добрая женщина. Черты Ея натуры, которая заставляли видѣть и чувствовать въ Ней Царицу, вовсе не были отрицательными чертами, это не являлось результатомъ надменности, самомнѣнія, жестокой властиности, эти качества совершенно въ Ней отсутствовали. Она была именно величественна, какъ Царица, величественна въ своихъ чувствахъ, взглядахъ и особенно въ духовныхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ.

Государыня была безконечно добра и безконечно жалостлива. Именно эти свойства Ея натуры были побудительными причинами въ явленіяхъ, давшихъ основаніе людямъ интриговавшимъ, людямъ безъ совѣсти и сердца, людямъ, ослѣпленнымъ жаждой власти, объединиться между собою и использовать эти явленія въ глазахъ темныхъ массъ и жадной до сенсацій праздной и самовлюбленной части интеллигенціи, для дискредитированія Царской Семьи въ своихъ темныхъ и эгоистическихъ цѣляхъ. Государыня привязывалась всей душой къ людямъ дѣйствительно страдавшимъ, или искусно разыгрывавшимъ передъ Ней свои страданія. Она Сама слишкомъ много перестрадала въ жизни, и какъ сознательный человѣкъ—за свою угнетенную Германіей родину, и какъ Мать—за страстно и безконечно любимаго Сына. Поэтому Она не могла не относиться слишкомъ слѣпо къ другимъ, приближавшимся къ Ней людямъ, тоже страдавшимъ, или представлявшимся страдающими.

Она сильно и глубоко любила Государя. Любила Она Его, какъ женщину, полюбившую Его съ 15-ти лѣтняго возраста нѣжной и сильной дѣвичьей душой; какъ женщину, которая имѣла отъ Него Дѣтей и много лѣтъ жила съ Нимъ хорошей, согласной жизнью. Съ Мужемъ у Нея были прекрасныя, простыя отношенія. Они Оба любили другъ друга, и хотя для всѣхъ ясно чувствовалось, что главой въ домѣ была Она, но не было ни одного вопроса, о которомъ бы Она раньше не посовѣтывалась съ Мужемъ.

Все свободное время, остававшееся отъ приемовъ и благотворительной дѣятельности, Государыня отдавала Семье; постороннимъ видно было, какъ сильно Она любила Свой очагъ, Своихъ Дѣтей, а изъ нихъ больше всѣхъ Алексея Николаевича. Однако любила Она Дѣтей не слѣпо и эгоистично, но удѣляя массу чувства, ласки и добра всѣмъ окружавшимъ Ее постороннимъ людямъ. Письма Ея къ матери графини Гендриковой, къ самой Анастасіи Ва-

сильевнѣй, къ баронессѣ Буксгевдент, къ комнатнымъ дѣвушкамъ Великихъ Княженъ, къ массѣ раненыхъ и больныхъ солдатъ и офицеровъ переполнены материнской нѣжностью, лаской, желаніемъ каждому помочь, подбодрить, утѣшить.

Битнеръ разсказываетъ, что однажды у Нея съ Государыней произошелъ сильный споръ, вызванный несходствомъ оцѣнки побужденій, дѣлавшихъ простого русскаго человѣка безпринципнымъ и безжалостнымъ красноармейцемъ. Государыня, увидя изъ окна пришедшій изъ Омска какой-то отрядъ красноармейцевъ, сказала: „вотъ, говорять, они нехорошіе. Они хороши. Посмотрите на нихъ, они вотъ смотрятъ, улыбаются. Они хороши“. Битнеръ стала Ей возражать, доказывая, что многаго Она не видить и о многомъ Ей не рассказывали, скрывая отъ Нея. Въ результатѣ горячаго спора обѣ женщины расплакались. У Битнеръ разболѣлась голова и она не смогла придти вечеромъ въ этотъ день къ Царской Семье. Государыня прислала къ ней камердинера, звала ее и написала письмо, прося Битнеръ не сердиться на Нее. „Въ этомъ случаѣ, говорить Битнеръ, Она по моему вылилась вся, какая Она была“.

„Въ другой разъ, разсказываетъ еще Битнеръ, Она однажды спросила Сама, посылаю ли я деньги моей матери. Какъ разъ было такое время, когда мнѣ матери послать было нечего. Тогда Она настояла, чтобы я взяла у Нея денегъ и послала бы моей матери“, хотя въ это время денежныя дѣла самой Семи были очень тяжелы.

Государыня безусловно искренно и сильно любила Россію, совершенно такъ же, какъ любилъ ее и Государь. Такъ же, какъ Государь, смотрѣла Она и на русскій народъ: хороший, простой, добрый народъ. Это не были слова. Это было глубокое убѣжденіе, проявлявшееся у Нея и на дѣлѣ. Уже будучи арестованной въ Царскомъ Селѣ, Государыня бывало выйдетъ гулять въ паркъ. Ей растелять коврикъ, Она присядеть на него, и сейчасъ же вокругъ собирались солдаты охраны, подсаживались къ Ней и начинались разговоры. Государыня разговаривала съ ними и улыбалась; разговаривала безъ принужденія Себя, и никто ни разу не слышалъ, чтобы кто-либо изъ солдатъ осмѣлился бы Ее обидѣть во время такихъ бесѣдъ. Въ Тобольскѣ многіе изъ хорошихъ солдатъ передъ увольненіемъ приходили къ Ней и къ Государю прощаться, и Она обыкновенно благославляла ихъ образками.

Окружавшіе удивлялись силѣ Ея ненависти къ Германії и Вильгельму. Всегдадержанная и владѣющая собой, Она не могла касаться этого предмета разговора безъ сильного волненія и злобы. Когда Она говорила про революцію, еще тогда, когда не было никакихъ большевиковъ, Она съ полнымъ убѣжденіемъ предсказывала, что такая же судьба постигнетъ и Германію. Мысль Ея при этомъ была опредѣленная: революція въ Россіи—это не безъ вліянія Германіи, но за это она поплатится сама тѣмъ же, что она сдѣлала и съ Россіей.

„Меня считали вѣмкой“, говорила Она, „если бы знали, какъ я ненавижу Германію и Вильгельма за все то зло, которое они сдѣлали Моей родинѣ“.

Никто отъ Ней никогда не слышалъ слова, сказанного на нѣмецкомъ языкѣ. Она говорила хорошо по русски, пользовалась французскимъ и чаще англійскимъ языккомъ. Дѣти же даже просто плохо владѣли нѣмецкимъ языккомъ и нелюбовь Матери къ Германіи и Вильгельму всецѣло передалась и Дѣтямъ, которые выказывали ее даже въ мелочахъ. Такъ, подарки, полученные Ими однажды отъ Вильгельма, Они раздали прислугѣ.

Государыня была сильно религіозной натурой. У такого человѣка, какъ Она, это не могло быть ни лжесовѣмъ, ни болѣзненнѣмъ.

Ея вѣра въ Бога была искренняя и глубокая. Какъ человѣкъ, не терпѣвшій по природѣ какой-либо лжи, Она, принявъ Православіе, приняла вѣру не по формѣ, не по необходимости, а всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разумомъ, всей волей. Иной Она не могла быть. Ея вѣра, Ея набожность были искренни, глубоки и чисты. Никакого „ханжества“ въ Ней не было и по натурѣ не могло быть. По основѣ христіанского ученія Она вѣрила всѣмъ сердцемъ въ силу молитвы, *вѣрила до конца*.

Чрезвычайно характерное явленіе обрисовывается различными показаніями свидѣтелей въ свойствахъ религіозности Государыни. Мужчины считали Государыню истеричной и полагали, что на этой почвѣ въ Ней развились религіозная экзальтация. Женщины категорически отрицаютъ наличие у Государыни истеричности и совершенно отвергаютъ возможность болѣзненнаго проявленія у Нея религіознаго чувства.

Подробное изученіе натуры, характера и психологіи покойной Государыни по многочисленнымъ Ея письмамъ при-

водить къ заключенію, что сужденіе женщинъ въ отношеніи религіозности Государыни безусловно соотвѣтствуетъ истинѣ. Вѣроятно дѣйствительно женщины болѣе способны воспринимать вѣру и религию до конечной глубины, чѣмъ мужчины. Ни въ одномъ письмѣ Государыни къ кому бы то ни было *совершенно не проявляется* истеричности. Чистая, глубокая вѣра въ Бога, сопровождаемая всегда безхитростнымъ, спокойнымъ, здравымъ сужденіемъ разсудка—вотъ, чѣмъ отличаются бесѣды Государыни съ близкими Ей по сердцу и духу людьми въ многочисленной перепискѣ. Никакой экзальтациі, никакой искусственности, никакой фальши не чувствуется въ ея словахъ. И только натуры очень хороши, въ свою очередь религіозныя, но не способны воспринимать вѣры до конца, могли видѣть въ Государынѣ религіозную экзальтацию и приписывать Ей истеричность, болѣзньное явленіе, до сихъ поръ не объятое и не исчерпанное наукой.

Настанетъ время, когда воскресшая Россія и возрожденный искреннимъ раскаяніемъ русскій человѣкъ скажутъ свое послѣднее и окончательное слово о трагически погибшихъ бывшихъ Государѣ Императорѣ и Государынѣ Императрицѣ. Но русскій человѣкъ до-революціоннаго периода сказать этого слова не можетъ: онъ жилъ и зналъ Царя и Царицу не тѣми, какими Они были въ дѣйствительности, а тѣми, которыми Ихъ представляли ему кошмарная интрига, гнусная, продажная печать и грязные слои общества и своя извращенная и притупленная мысль. Общество Россіи питалось свѣдѣніями о Царской Семье не отъ тѣхъ, кто зналъ, или могъ знать правду о Нихъ, а отъ тѣхъ, кто умышленно не хотѣлъ знать правды и умышленно искажалъ ее, если и зналъ. Не характерно ли то, что когда теперь устанавливается лицо непосредственныхъ вдохновителей и руководителей кошмарнаго преступленія въ домѣ Иппатьева, почвой для особаго распространенія лжи о Царской Семье была избрана именно Ея религіозность.

Здѣсь въ этой области ложь была доведена до чудовищно-грязныхъ размѣровъ и совершенно непостижимо воспринята громадной массой общества, увѣровавшей, или во всякомъ случаѣ не противодѣйствовавшей утвержденію лжи въ темныхъ слояхъ толпы, и это уже есть преступленіе чисто русскаго общества, кто бы ни являлся его вдохновителями и руководителями. Пока въ руководящей русской интелли-

генціи не появится искреннее сознаніе этой своей вины, до тѣхъ поръ пропасть между нею и простымъ народомъ не исчезнетъ, а, слѣдовательно, и истиннаго, свѣтлаго воскресенія Россіи не начнется, такъ какъ оружіе побѣдившей Мэси остается въ прежнихъ рукахъ.

Чтобы сознать вину, надо знать правду и повѣрить въ нее. Надо повѣрить тѣмъ окружавшимъ Царскую Семью людямъ, которые знали Ее непосредственно и любили, какъ людей исключительного христіанского начала. Эти люди съ полной готовностью рассказали все, что они знали, и какъ и чѣмъ объясняли себѣ явленія, которыхъ были свидѣтелями. Изслѣдованіе считало необходимымъ записать для будущей исторіи ихъ слова полностью.

„Вотъ теперь я могу сказать“, говорить полковникъ Ко-былинскій, комендантъ при Царской Семье, поставленный на эту должность Керенскимъ и Корниловымъ, „что настанетъ время, когда русское общество узнаетъ какимъ невѣроятнымъ мукамъ подвергалась эта Семья, когда разные газетные писаки, съ первыхъ и до послѣднихъ дней революціи, надѣляли Ихъ интимную жизнь разными своими измышленіями. Возьмите хоть всю эту грязь съ Распутинымъ. Мнѣ много приходилось бесѣдовать по этому вопросу съ Боткинымъ. Государыня болѣла истеріей. Болѣзнь привела Ее къ религіозному экстазу. Кроме того такъ долго жданный и единственный Сынъ боленъ и нѣтъ силъ помочь Ему. Ея муки, какъ Матери, на почвѣ этого религіознаго экстаза и создали Распутина. Распутинъ былъ для Нея святой. Вотъ когда живешь и имѣешь постоянное общеніе съ этой Семьей, тогда бывало понимаешь, какъ пошло и подло обливали эту Семью грязью. Можно себѣ представить, что Они всѣ переживали и чувствовали, когда читали въ Царскомъ всѣ милыя русскія газеты.

„Такой удивительно дружной, любящей Семьи я никогда въ жизни не встрѣчалъ и, думаю, въ своей жизни уже больше никогда не увижу“.

„Я никакъ не могу уложить себѣ въ голову“, говоритъ Битнеръ, „всего того, что писалось въ революцію про эту Семью. Всякій, кто только видѣлъ и зналъ Государыню, Ея отношенія къ Семье и Мужу, Ея взгляды, вообще зналъ Ее всю, тотъ могъ бы только или смыться, или страдать. Когда у меня былъ споръ съ Государыней и я стала Ей говорить, что Ей не говорять всего, Она между прочимъ сказала мнѣ:

„Мало ли, что говорять. Мало ли какихъ гадостей не говорили про Меня“.

„Ясно тогда было въ связи съ другими Ея словами и мыслями, что Она намекала на Распутина. Я говорила на эту же тему съ Волковымъ, съ Николаевой, съ которой была очень близка Гендрикова, вотъ именно это и говорили они всѣ—Она вѣрила въ силу молитвы Распутина“.

„Все это злоба и клевета“, разсказываетъ камердинеръ Волковъ, „что писали нехорошаго про Государя и Государыню. Въ Распутина Государыня вѣрила, какъ въ святого. Кого хотите спросите изъ близкихъ къ Нимъ, и всѣ вамъ скажутъ одно.

„Распутина я за все время видѣлъ во дворцѣ самъ два раза. Его принимали Государь и Государыня вмѣстѣ. Онъ былъ у Нихъ минутъ 20 и въ первый, и во второй разъ. Я ни разу не видѣлъ, чтобы онъ даже чай у Нихъ пилъ. Государыня относилась къ нему, какъ къ святому, потому что Она вѣрила въ святость нѣкоторыхъ людей. Она его навѣрное уважала. Только однажды Она говорила со мной про Распутина и слова Ея были маловажныя. Мы ѿхали на пароходѣ въ Тобольскѣ и, когда проѣзжали мимо села Шокровскаго, Она, глядя въ окно, сказала мнѣ: „вотъ здѣсь Григорій Ефимовичъ жилъ. Въ этой рѣкѣ онъ рыбу ловилъ и Намъ иногда въ Царское привозилъ“.

„Послѣ убийства Распутина Она была разстроена и не принимала никого. Но ни малѣйшаго даже намека Она ничѣмъ не обнаружила на то, что это былъ человѣкъ, про которого можно было бы подумать что-нибудь грязное“.

Преподаватель французского языка въ должности Помощника Воспитателя Наслѣдника Цесаревича швейцарецъ Петръ Жильяръ рассказалъ слѣдующее:

„Относительно роли Распутина въ жизни Царской Семьи я могу показать слѣдующее. Распутинъ появился у Нихъ должно быть въ 1906 году. Мои многолѣтнія наблюденія и попытки объяснить причину его значенія у Нихъ довели меня до полнаго убѣжденія, которое мнѣ кажется истиной, или очень близкимъ къ истинѣ, что его присутствіе во Дворцѣ тѣсно связано съ болѣзнью Алексея Николаевича. Узнавъ Его болѣзнь, я понялъ тогда силу этого человѣка.

„Когда Мать поняла, что Ея единственный, Ея любимый Сынъ страдаетъ такой страшной болѣзнью (гемофилія), которую передала Ему Она, отъ которой умерли Ея Дядя,

Ея Братъ и Ея два племянника, зная, что не будетъ Ему помощи отъ человѣка, отъ науки, Она обратилась къ Богу. Она отлично знала, что смерть межеть наступить отъ этой болѣзни каждую минуту, при малѣйшей неосторожности Алексѣя Николаевича, которая даромъ пройдетъ каждому другому. Если Онъ подходилъ къ Ней 20 разъ въ день, то не было случая, чтобы Она Его не цѣловала, когда Онъ, подойдя къ Ней, уходилъ отъ Нея. Я понималъ, что Она каждый разъ, прощаясь съ Нимъ, боялась не увидѣть Его болѣе...

„Мнѣ кажется, что религія Ея не дала Ей того, что Она искала; кризисъ съ Нимъ продолжались, грозя Ему смертью. Чуда, котораго Она такъ ждала, все еще не было. Тогда-то, когда Ее познакомили съ Распутиномъ, Она была убѣждена имъ, что, если Она обратится къ нему во время болѣзни Алексѣя Николаевича, онъ будетъ „самъ“ молиться и Богъ услышитъ его молитву. Она должна вѣрить въ его молитву, и пока онъ Распутинъ будетъ живъ, будетъ живъ и Сынъ.“

Алексѣю Николаевичу послѣ этого какъ будто стало лучше. Называйте это какъ хотите—совпаденіемъ, но факты обращенія къ Распутину и случаи облегченія болѣзни у Алексѣя Николаевича совпадали.

„Она повѣрила“.

„Ей и не оставалось ничего болѣе. Въ этомъ она нашла самой Себѣ успокоеніе. Она была убѣждена, что Распутинъ является посредникомъ между Нею и Богомъ, потому что молитва Ея одной не дала Ей облегченія. Они смотрѣли на Распутина, какъ на полусвятого. Я могу отмѣтить такой фактъ. Я съ Ними жилъ 4 года. Они меня любили. И, никогда, ни одного раза Они не сказали со мной ни одного слова про Распутина. Я ясно понималъ: Они боялись, я, какъ кальвинистъ, не пойму Ихъ отношенія къ Распутину“.

Наконецъ камеръ-юнгфера Государыни Марія Густавовна Тутельбергъ, прослужившая при Александрѣ Федоровнѣ съ года Ея замужества и до Екатеринбургскаго заключенія, оставила слѣдующій исторически цѣнныій разсказъ:

„...Потомъ былъ убитъ Распутинъ. Я помню, что по по-воду его убийства я говорила съ Ея Величествомъ и прямо сказала Ей, что убийство Распутина это первый выстрѣлъ революціи. Ея Величество сказала мнѣ, что революція под-

готовляется уже давно; что уже съ Русско-Японской войны идетъ подготовка недовольства въ народъ.

„Это было возмутительной неправдой, что тогда говорили и что писали потомъ въ русскихъ газетахъ про Августѣйшую Семью. Они получали всѣ газеты въ Царскомъ, какія тогда выходили. Я однажды сказала объ этомъ Государынъ. Ея Величество мнѣ отвѣтила:

„У кого совѣсть чиста передъ Богомъ, того не можетъ это запачкать“.

Распутинъ попалъ къ Царской Семье впервые, какъ мнѣ помнится, въ Спалѣ. Тогда вся Царская Семья жила тамъ и съ Алексѣемъ Николаевичемъ произошло несчастье. Онъ рѣзвился въ бассейнѣ и ушибся. У него отнялась тогда одна нога и Ему было очень худо. Его тогда лѣчили профессоръ Федоровъ, докторъ Острогорскій, докторъ Боткинъ и докторъ Деревенько. Ему было настолько худо, что у Него очень плохо работало сердце и былъ плохой пульсъ. Всѣ опасались за Его жизнь и Алексѣй Николаевичъ страдалъ ужасно; сильно кричалъ.

„Тогда супруга Великаго Князя Николая Николаевича Анастасія Николаевна указала Ея Величеству на Распутина, какъ на человѣка, имѣющаго особую силу—его молитва исцѣляетъ. Ея Величество, какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, какъ Мать, страшно любившая Сына, пожелала тогда видѣть Распутина ¹⁾.“

„Онъ былъ у насъ, молился о выздоровлениіи Алексѣя Николаевича, и Алексѣю Николаевичу тогда же стало легче. Послѣ этого Распутинъ бывалъ у насъ во Дворцѣ неоднократно, но вовсе не такъ часто, какъ это говорили. Онъ бывалъ у насъ тогда, когда бывалъ боленъ Алексѣй Николаевичъ. Сама я видѣла его за все время только одинъ разъ мелькомъ. Я проходила по коридору и видѣла, что коридоромъ шелъ (это было въ Царскомъ) простой мужикъ, въ

¹⁾ Для исторической точности это мѣсто показанія Тутельбергъ необходимо дополнить поясненіемъ другихъ приближенныхъ. Первымъ бракомъ Великая Княгиня Анастасія Николаевна была замужемъ за Герцогомъ Лейхтенбергскимъ; была очень несчастлива въ супружествѣ, сильно страдала. Ища облегченія въ глубокой вѣрѣ, Анастасія Николаевна приблизилась къ Государынѣ, которая Ее очень полюбила и всячески старалась утѣшить и прilаскать. Распутина Анастасія Николаевна совершенно не знала. Объ его религіозномъ значеніи и вообще на него Ей указала Милица Николаевна, не пользовавшаяся расположениемъ Государыни.

простыхъ сапогахъ и русской рубашкѣ. Лица его я не помню. Помню только, что у него были темные, блестящіе глаза.

„Государыня Императрица была глубоко религіозная женщина. Она вѣрила въ силу молитвы и вѣрила глубоко, что Распутинъ надѣленъ даромъ молитвы; что отъ его молитвы легче дѣлается Алексѣю Николаевичу. Вотъ такъ Ея Величество и относилась къ Распутину. Когда онъ былъ убить, Ея Величество была сильно огорчена. Тогда и Его Величество былъ, вѣроятно, обеспокоенъ этимъ. Онъ въ моментъ убийства Распутина былъ въ Ставкѣ. Опасаясь за здоровье Ея Величества, Государь тогда экстренно прибылъ изъ Ставки.

„Помню, что однажды я высказала Ея Величеству свое нѣкоторое сомнѣніе въ личности Распутина. Я сказала Ея Величеству, что Распутинъ простой, необразованный мужикъ. На это Ея Величество мнѣ сказала:

„Спаситель выбиралъ Себѣ учениковъ не изъ ученыхъ и теологовъ, а изъ простыхъ рыбаковъ и плотниковъ. Въ Евангелии сказано, что отра можетъ двигать горами“, и, показывая на картину исцѣленія Спасителемъ женщины, Ея Величество сказала:

„Этотъ Богъ и теперь живъ“.

„Я вѣрю, что Мой Сынъ воскреснетъ. Я знаю, что Меня считаютъ за Мою отру сумасшедшій. Но вѣдь все вѣровавшіе были мучениками“.

„Этотъ Богъ и теперь живъ“—это религія православнаго честнаго русскаго человѣка, религія и „Божихъ Помазанниковъ“ русскаго народа.

Тутельбергъ, Жильяръ, Волковъ, Чемадуровъ, Битнеръ, Кобылинскій, люди, близко стоявшіе и видѣвшіе жизнь и правду этихъ „Помазанниковъ Божихъ“, всѣ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ—это были люди сильные христіанской вѣрой, вѣрой своего народа. Они не боялись клеветы и грязи, потому что совѣсть Ихъ была чиста передъ Богомъ. Они не переставали въ простотѣ Христовой вѣрить въ этого Бога и готовы были стать мучениками за вѣру своего старого русскаго народа.

Они и стали для Православной Церкви мучениками отдавъ жизнь за воскресеніе народа.

А богъ тѣхъ, кто всталъ противъ Нихъ? тѣхъ, кто не хотѣлъ видѣть въ Ихъ вѣрѣ Бога русскаго народа?

Ихъ богомъ стало—„Я“.

Для служенія своему „Я“ Клещеевъ рветъ съ любовью матери, Матрена Леватныхъ—съ вѣрою отцовъ, Лидія Гусева—съ совѣстью, Саковичъ—съ моралью, Логиновъ—съ честью, Проскуряковъ—съ родителями, Медвѣдевъ—съ честнымъ трудомъ, Ермаковъ—съ человѣкоподобiemъ, и всѣ вмѣстѣ, толпа—съ правдой и любовью къ ближнему. И вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они находятъ отвѣтъ, удовлетвореніе и объединеніе въ условіяхъ революціонной жизни и ея крайняго предѣла—въ совѣтскомъ режимѣ. Не соціалистические принципы, не идеи интернаціонала, не теоріи коммунизма Ленина и Бронштейна объединяютъ ихъ всѣхъ вокругъ большевиковъ и уголяютъ побуждающій импульсъ ихъ современной мысли...

Это только служеніе личному „Я“, и только ему.

Ихъ интернаціонализмъ—это колоссальное, личное „Я“; ихъ коммунизмъ—огражденіе „себя“; ихъ соціализмъ—служеніе „себѣ“.

Концентрація всѣхъ побужденій и чувствъ къ эгоистическому служенію своему „Я“, вѣроятно, вызвало то притупленіе индивидуальной и общественной мысли, которое отмѣчалось еще въ до-революціонный періодъ жизни русского общества и русскаго народа. Въ силу политическихъ условій, созданныхъ Февральской революціей, революціей не идей, духа и содержанія, а революціей формъ и персональностей, это служеніе своему „Я“, постепенно прогрессируя въ развитіи личныхъ началъ, неизбѣжно повело какъ отдѣльныхъ руководителей, такъ и массу по исходящимъ къ безднѣ путямъ разрушенія всего общественнаго, государственного и національнаго. Только при господствѣ этихъ личныхъ эгоистическихъ началъ въ массѣ революція логически должна была привести черезъ кроваво-кошмарныя преступленія лѣта 1918 года къ утвержденію въ Россіи власти, олицетворившей высшую ложь и предѣль личнаго эгоизма въ образѣ большевистскаго режима и большевистской власти.

Чѣмъ инымъ, какъ не исключительнымъ служеніемъ и поклоненіемъ передъ своимъ „Я“, можно объяснить то объединеніе несовѣтимаго, которое происходитъ подъ знаменемъ совѣтской власти? Чѣмъ другимъ, какъ не ложнымъ

возвеличеніемъ своего „Я“, возвеличеніемъ до созданія себѣ изъ него кумира, до признанія непогрѣшимости этого „Я“, можно объяснить общую потерю критерія о морали, нравственности, правѣ и добрѣ, о Богѣ и совѣсти?

Только постепенное, историческое искаженіе чистыхъ заповѣдей ученія Христа привело къ тому, что новая, материалистическая религія личнаго „Я“ могла заглушить въ душѣ людей и дѣятелей Россіи всѣ прежнія святыни и символы религіи Единаго Бога, подготавляя почву для на-сажденія въ мірѣ безумнаго царства *религіи Лжи*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	5

ГЛАВА I.

Освобождение Екатеринбурга	23.
Бывшегвардейские заговоры	45.
Работа офицеровъ	81.
Военно-уголовный розыскъ	95.
Начало слѣдствія	123.
Выходы 1-го периода разслѣдованія и слѣдствія	163.

ГЛАВА II.

Н. А. Соколовъ и планъ работы	174.
Вещи и документы	184.
Вещественные доказательства	206.
Историческая мѣста	216.
Розыски тѣлъ	232.
Вѣрные долги и вѣрѣ	275.

ГЛАВА III.

Работники-исполнители	286.
Руководители	300.
<u>Вдохновители по лжи</u>	317.
Вдохновители по слѣпотѣ	336.
„Надо бы было, мы бы вамъ и чуму привили“	352.
Подготовка преступленія центромъ	359.
Центральная власть и преступленіе	373.
Послѣ преступленія	389.
Виновны ли	401.
